МУЖЕСТВО ДУХОВНОЕ

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Протоиерей Михаил Хитров

ПРОТОИЕРЕЙ МИХАИЛ ХИТРОВ

МУЖЕСТВО ДУХОВНОЕ

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ, ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

ЖИТИЕ СВЯТОГО ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО

ПРАВИЛО ВЕРЫ
Москва 2006

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Читателям предлагаются две исторические повести: о жизни Алексия, человека Божия, и о Филарете Милостивом. Написаны они известным в свое время автором жизнеописаний православных святых — отцом протоиереем М. И. Хитровым (1851—1899), который много труда положил делу народного просвещения. В духовных журналах он печатал очерки из истории Русской Церкви, проповеди и поучения, участвовал в издании рукописей святителя Феофана Затворника, занимался переводами.

Имена Алексия, человека Божия, и блаженного Филарета Милостивого — на слуху у современных людей. Но не все знают, чем славна и праведна жизнь их, как постепенно восходили они по ступеням Божьего служения.

Предлагаемая книга — для православных христиан, с особой любовью чтущих память этих праведников.

Давно это было, но примеры христианской любви к ближнему, самоотвержение этих благотворителей потрясают сердца и на расстоянии тысячелетий. Истинный благотворитель благотворит потому, что не может не благотворить, потому, что это естественно и необходимо для него, потому, что в этом — вся жизнь его души. И на них сбываются слова Господа: *не оскудеет рука дающего*.

СКАЗАНИЕ
О ЖИТИИ
АЛЕКСИЯ,
ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Преподобный Алексий, человек Божий

Часть первая
РЕШЕНИЕ СУДЬБЫ

1. ДОЛГОЖДАННЫЙ СЫН

Если бы путешественник по Италии конца IV века пожелал ознакомиться с наиболее примечательными виллами самых именитых обитателей Вечного города[1], ему в первую очередь посоветовали бы разыскать виллу Евфимиана, славившуюся особенной красотой местоположения и образцовым устройством. Первое, что бросилось бы в глаза досужему путнику в окрестно-

стях виллы, это — величественное озеро, окаймленное густым лесом, манившим в знойный день своей прохладой. Лес подступал прямо к воде, и склоненные ветви деревьев купались в волнах, слегка окрашивая их в зеленый цвет. Там, где леса не было, расстилались изумрудные луга, пестреющие цветами, и пастбища с многочисленными стадами; кое-где виднелись и отдельные хутора — жилища пастухов. Берег озера сильно зарос кустарником, а прибрежные воды — тростником и рогозом. Дорога к поместью, довольно круто взбежав по отрогам Апеннин[2] и оставив озеро по левую руку, приводила усталого гостя к роскошной вилле, окруженной множеством красиво расположенных построек, утопавших в зелени.

Парк и сады окружали виллу со всех сторон. Странный вид имели некоторые деревья! Кора тиса и кипариса была, например, изрезана так причудливо, буд-

то змеи извивались по высоким стволам. Не менее живописно выглядели и фонтаны, окруженные высокими апельсиновыми деревьями, в зелени которых ярко горели золотистые плоды. Весело разбегались дорожки, окаймленные зарослями кипариса, самшита и розмарина. На небольших лужайках между деревьями пестрели цветники. Роза, фиалка, нарцисс, касатик, разноцветный мак красовались на солнце и ласкали зрение. Среди цветников рдели длинные гряды со спаржею, красные стебли которой эффектно оттенялись густой зеленью латука, куманской капусты, порея, душистой мяты, темно-зеленой руты, мальвы, эндивия, бобов, разных пряных растений — всего и не перечислить!

Огороды и цветники сменялись фруктовыми садами. Яблоня, груша, фига[3], черешня, персик, абрикос, гранат, слива, каштан, миндаль, орех, душистая айва то и дело встречались целыми группами

и в одиночку, в самой разнообразной и красивой рассадке. По перегородкам вился виноград, сочные гроздья которого уже созревали. К западу от виллы находились оранжереи, из которых круглый год доставлялись в город в изобилии розы и левкои, виноград и арбузы. Как красиво выглядывали из зелени беломраморные статуи, металлические фигуры зверей и маленькие беседки!

А птичий двор?! Великолепные водометы разбрасывали искрившуюся на солнце влагу. Нумидийские и родосские куры, фламинго с густыми перьями, павлины, голуби, гуси и утки — все это крикливое птичье общество толпилось возле кормушек, поражая своей численностью и разнообразием.

Пройдя широкую платановую аллею и оставив в стороне великолепные бани и купальни, видим, наконец, фасад виллы — обширную галерею из коринфских колонн с прилегающей к ней террасой,

убранной цветами и зеленью. Из портика[4] вступаем в атриум[5], где пол украшен разноцветной мозаикой, а стены выложены мрамором. Миновав перистиль[6], входим во двор, посреди которого изящный мраморный водоем орошает кустарники, цветы и невысокие деревья. На этот раз мы застаем во внутреннем дворе управляющего в сопровождении небольшой группы помощников и слуг.

— В столовой может разместиться, и очень легко, достаточное число народа. Остальные расположатся на ипподроме, который можно приспособить для этой цели. Как вы думаете? — с сомнением спрашивает вилликус (управляющий).

— Посмотрим, насколько это будет удобно,— замечает кто-то и продолжает: — Да ведь прежде необходимо сообразить, хотя бы приблизительно, сколько будет гостей.

— Ну, это довольно трудно. Нужно рассчитывать на тысячи. Ты знаешь, как

любят хозяина в нашей округе, особенно бедный люд.

— Что правда, то правда!

Затем все общество отправляется на ипподром.

По другую сторону виллы, среди платановых деревьев, по зеленым лужайкам, обсаженным миртовым и лавровым кустарником, протекал извилистый искусственный ручей, образуя там и сям небольшие пенистые каскады и разливаясь — в итоге — в широкий и чистый пруд.

— Рыбы будет довольно,— заметил управляющий, указывая на пруд.

Он остановился возле пруда и стал бросать в воду кусочки хлеба. Множество рыб показалось на поверхности — целые стаи, кружась, ловили бросаемый корм. От пруда начиналась еще одна платановая аллея, огибавшая площадку овальной формы, плотно утоптанную и посыпанную песком.

— Здесь мы расставим столы и сиденья,— сказал управляющий и опустился на скамью. Ему хотелось побеседовать со своими помощниками.

— Да, братья, редко я с таким удовольствием занимаюсь своим делом и вхожу во все эти подробности, как в настоящее время. Не думал дожить до такой радости.

— Да кто же не радуется, спросил бы ты. Вся окрестность ликует. Не только наши, но и чужие приходят и расспрашивают.

— И вполне понятно. Еще бы не радоваться! Скажите: кто отличается такою добротою, как Евфимиан? Кто собирает, точно в одну семью, вокруг себя своих слуг? Кто так, как он, заботится о своих бедных соседях, о вдовах и сиротах? Кто так гостеприимно принимает странников?.. Что и говорить! И у такого-то человека жизнь была лишена лучшего из даров Божиих: детей... И вот на

старости лет, когда уже и надежды оставалось мало, Господь посылает ему сына и наследника!..

— Помню я,— вмешался один из группы стоявших,— в последний приезд господина я убирался вот здесь, у самого этого дерева... Оборачиваюсь: господин стоит, прислонившись к колонне, глубоко-глубоко задумавшись. Иду тихо мимо него, а он, заметив меня, подзывает к себе. Стая голубей тут кружилась... Указывает господин на нее и грустно так говорит: «Знаешь, о чем я думал? Посмотри: вон даже птицы имеют свои радости, выводят птенцов, а меня не благословил Господь»... И слеза тихо скатилась у него из глаз.

— Потому-то все так близко и принимают к сердцу радость господина, ибо хорошо знают, как он кручинился и скучал, не имея детей. Разве сердце бедняка не отзывчиво? Я уверен, весть о том, что Евфимиан приглашает всех, не

только своих, но и чужих, не только богатых, но и бедных обитателей здешней округи разделить с ним его радость, принята будет всеми с живейшим восторгом и нам пир удастся на славу...

— Да,— прибавил управляющий, подумав немного, — хорошо, если бы все так же поступали, как Евфимиан... Подолгу живал я в разных местах, часто бывал и в Риме, и многое повидал. Одно могу сказать: нет человека, который делал бы добро; нет или и всего только один (ср.: Пс. 13, 1, 3).

— Да, в наше время трудно жить бедному человеку.

— То-то и беда! Всё говорят: у варваров лучше. Не думаю... а впрочем, многие желают и ждут прихода врагов отечества... Однако прощайте. Надеюсь, вы поможете мне надлежащим образом исполнить волю господина.

— Будь покоен,— ответило сразу несколько голосов.

2. РАДОСТНОЕ СОБЫТИЕ

Обязанности, возлагаемые светской жизнью в Древнем Риме, были очень разнообразны. Никто не мог безнаказанно пренебрегать ими, если жил в обществе. Особенно точно соблюдали правила светского общежития высокопоставленные люди.

Близ богатого дома Евфимиана, на одной из лучших улиц Рима, мы застаем необычайное движение. Множество посетителей различного звания и положения в обществе спешат принести поздравления великодушному хозяину по случаю радостного события в его семье. Домашние, клиенты[7] и слуги (не в грязных тогах[8] и заплатанных башмаках, но в приличных и даже роскошных одеждах) теснятся перед дверьми в таком множестве, что загораживают улицу, не давая проходу мимоидущим.

Вот носильщики в красных плащах, одетые наподобие солдат, принесли богатого человека, сопровождаемого своими клиентами. Его длинные шелковые и пурпурные одежды развевались от ветра и, распахиваясь, открывали взорам богатую тунику[9] с вышитыми на ней изображениями святых. Не успел войти новоприбывший богач, как послышался обычный крик ликторов[10], возвестивший о прибытии консула[11].

Толпа расступилась перед служителями, вооруженными связками розог, и вежливо дала место высокому сановнику, облаченному в тогу с пурпурною оторочкой.

Привратник, вооруженный тростью, почтительно пропускал высоких посетителей. С другими он не очень церемонился, а простых людей прямо прогонял прочь. Порой он вступал с посетителями в разговоры более или менее шутливого свойства. Вслед за важным сановником

хотел было пройти и наш знакомый — управляющий виллой.

— Ты куда лезешь? — крикнул привратник.— Вот явился вовремя.

— Мне бы хотелось лично рассказать господину о той радости, которую все, знающие его в наших окрестностях, выразили по случаю счастливого события.

— Вот чего захотел — лично... Теперь не проберешься. Приходи в другое время! — возразил привратник и проворчал уже про себя: — Нашел сдуру чему радоваться. Деревенщина, прямо деревенщина... До сих пор не житье было, а праздник: чего только ни захочешь, то и проси... А тут наследник...

Эта мысль, видимо, омрачила веселое настроение привратника, и, окинув толпу сердитым взглядом, он объявил, что прием на нынешний день должен быть прекращен.

В атриуме, в обширном помещении, окруженном колоннадой, набралось уже

порядочно посетителей в ожидании выхода Евфимиана. Великолепие и пышность этой части дома, блеск мрамора, множество нарядно одетой прислуги — в шелковых одеждах, с золотыми поясами — внушали непривычному гостю невольную робость. Люди близкие и высокопоставленные допускались прямо во внутренние покои.

Пестрая публика, собравшаяся в атриуме, вела оживленные разговоры. Большею частью, впрочем, передавались городские сплетни и новости. Но одна бойко протекавшая беседа была очевидно связана с радостным событием в доме Евфимиана:

— Да, твоя правда. Этот дом приходится вычеркнуть из списка... Надежды на получение наследства более нет!

— Хорошо тебе! У тебя в запасе еще довольно-таки много старцев, на которых ты можешь рассчитывать. А у меня только и был этот дом. Сколько трудов,

искательств, прислуживаний пропало даром...

— Признаюсь, я всегда смотрел на тебя с сожалением, видя, как ты выбивался из сил, угождая Евфимиану. Но ужели ты в самом деле мог надеяться на то, что тебе достанется хоть что-нибудь? Разве ты не видел, как почтенные духовные отцы наши добивались того же? Ужели ты еще мог сомневаться в том, что, воспользовавшись благочестием Евфимиана, они во всяком случае направили бы его волю по своему благоусмотрению?

— Правда. Но скоро, я полагаю, настанет конец их высокомерию и алчности. Ты знаешь, конечно, что Юлиан уже объявлен цезарем, а он, говорят, до крайности возмущен поведением духовенства.

— Ну, с такими мыслями и надеждами ты не заслужишь спасения.

— Что же делать? Двум господам нельзя служить, и ты сам на себе можешь испытать это...

Собеседник с неудовольствием отвернулся.

Во внутренних покоях высокими посетителями Евфимиана также велись оживленные разговоры по случаю объявления Юлиана цезарем и вероятного в недалеком будущем вступления его на престол.

— Церковь Божия переживает действительно тревожные дни,— печально говорил один из почтенных гостей Евфимиана.— С кончиной Великого Константина[12] словно бы закатилось солнце наше и настала бурная ночь, под покровом которой творятся беззакония. Ариева[13] ересь, точно израненное, но не пораженное насмерть чудовище, снова поднимает, к ужасу всех истинно верующих, свою голову. Защитники истинной веры изгоняются, Великий Афанасий[14]

должен укрываться в пустынях египетских, а на его место в Александрии[15] оружием возводится — на апостольский престол! — почти полуязычник. Кровь льется рекою...

— А у нас, в Риме, разве лучше идут дела? — возразил другой.— Не возмутительно ли, что презренные евнухи-заговорщики решаются низложить всеми любимого пастыря и, точно воры, ночью похищают его у паствы? Блаженный, горячо всеми любимый Либерий[16] в ссылке, а на его месте — Феликс[17], незаконно избранный и посвященный.

— Наперекор императору мы останемся верны своему пастырю и никогда не признаем узурпатора. Решено уже всеми неотступно просить императора о возвращении Либерия.

— Но кто скажет, будет ли иметь успех это ходатайство?

— Не в этом, мне кажется, заключается главная опасность нашего времени.

Меня приводит в ужас одна мысль о назначении цезарем Юлиана[18]. Я хорошо его знаю. Церковь в своих недрах воспитала такого заклятого врага имени Христова, который принесет вреда едва ли не больше, чем самые яростные гонители прежних времен.

— Не ужасайтесь этого,— сказал строгий инок, недавно прибывший с Востока.— Юлиан будет императором и постарается принести, насколько ему будет дано, вред Церкви. Но я полагаю, это будет легкое облачко, которое скоро исчезнет. Опасность нашего времени гораздо глубже. Чем объяснить самое отступничество Юлиана, которое с каждым шагом его становится все очевиднее? Зачем великий вождь Церкви попустил совершиться такому соблазну? Не лежит ли часть вины и на всех нас? Сраженное язычество собралось отомстить нам и подкралось, чтобы ослабить нас, с такой стороны, которая менее все-

го должна бы быть для него доступна. Оно заразило многих из наших братий своим тлетворным дыханием, с ужасом на чадах своих мы замечаем язвы, которые мы привыкли видеть в одряхлевшей языческой среде. Язычество возрождается в самых недрах Церкви. Чем мы, христиане, низложили язычество? В чем заключалась наша сила и крепость? Кроме помощи Божией, мы сильны были истинно христианскими нравами, христианин отличался от язычника всем своим поведением, всем образом жизни. А теперь?! Не приходится ли бежать в пустыню всем, ищущим спасения, чтобы избежать общей заразы? — Инок печально опустил свою голову.

Глубокое молчание было ему ответом.

— Но будем мужественны! — внезапно воскликнул он.— Если мы, римляне, окажемся недостойны, Господь призовет окружающие нас со всех сторон варварские народы, Церковь Божия

воссияет в таких странах, где до сих пор кланялись кумирам, и имя Божие прославится по вселенной.

— Но судьба нашего отечества разве не трогает твоего сердца? — спросил один из присутствующих.

— О, над этим миром, над миром слез и страданий, есть другое Царство, Вечное, Богоустроенное, где царствует полная справедливость и где найдется вечное пристанище для душ, ищущих спасения. Все языческие царства и, в частности, Римская империя — вместилища всякого порока. Все, что в Римской империи не принадлежит Церкви,— дело сатаны, ложь и беззаконие. Дело сатаны — все победы, которыми возвысилась она до своего величия. Вся ее философия, вся ее образованность, ослепляющая даже многих из верующих своим блеском, все это — ложь, дело сатаны. Даже добродетели язычников — только блестящие пороки. Помните о

Небесном Царстве, и тогда не смутят вас никакие злоключения. И все, кто принадлежат к этому Царству, считают высочайшим благом, которое никакой грабитель не может похитить, соединение с Богом и блаженными сонмами ангелов; они стремятся к этой цели любовью ко всему Божественному, отречением от всяких суетных, чувственных пожеланий. Выразим единодушно нашему дорогому хозяину свои горячие пожелания, чтобы новорожденное чадо его с самого детства стремилось к этому Царству своей чистой душой и удалялось от всякого земного пристрастия!

— Аминь! — воскликнул Евфимиан.

Гости в скором времени разошлись. Евфимиан остался один. Познакомимся с ним поближе, читатель. Мы уже знаем, что Евфимиан богат и знатен, но не в богатстве и знатности он находил себе утешение, а в широкой благотворительности, по возможности давая приют и

помощь всем гонимым и обиженным судьбою. Не имея детей, он с особенною любовью заботился о сиротах, которым ежедневно устраивал три трапезы в своем доме. По вечерам, повергаясь в горячей молитве пред Всевышним, он благодарил Бога за все то добро, которое сумел он оказать своим ближним за истекший день. Напротив, сердце его болело, когда что-нибудь препятствовало ему проявить вполне всю доброту свою. «Я недостоин жить на земле Бога моего, если не буду заботиться о своих ближних»,— говорил он в такие дни. Удаляясь от всякого участия в общественных делах и все более и более замыкаясь в тесном кругу частной жизни, он, строгий постник, жил среди роскошной столицы скорее как отшельник, чем как знатный и богатый вельможа.

Посещение храма Божия, углубление в тайны Писания, беседы с людьми высокой духовной жизни, частая и го-

рячая молитва — вот его обычные занятия.

Во всех трудах самой верной помощницей ему была его супруга — Аглаида. Это была женщина ангельской доброты и кротости. Безмятежный мир и согласие царствовали в доме Евфимиана. Ровно, без треволнений, протекала их семейная жизнь, незаметно приближались они к преклонному возрасту... Но обширный дом их не оглашался звонкими голосами играющих детей, не согревались сердца их родительской любовью и нежностью. «С какой радостью,— часто думала Аглаида,— я променяла бы все свои богатства на счастье быть матерью! Чего бы не отдала за чистую улыбку родного дитяти!

С каким восторгом целовала бы детские ручки и головку! Какой заботливостью я окружила бы его колыбель! Как наслаждалась бы его дыханием! Господи, пошли мне, недостойной, это счас-

тье, не лиши меня этой сладчайшей отрады жизни!..»

И вот Господь услышал эту горячую молитву, даровал Евфимиану сына, названного Алексием. Кто может изобразить чувства радости и теплой благодарности Богу, которые теперь наполняли сердца счастливых родителей! Нечего и говорить, что Алексий с самой колыбели сделался предметом величайшей заботы матери и отца.

3. ПОГРЯЗШИЕ В ПОРОКАХ

Присмотримся, однако, поближе к тому обществу, среди которого должен был расти и воспитываться юный Алексий. Каково было нравственное состояние римского общества во второй половине IV века?

По словам одного знаменитого историка той эпохи, в Риме и Италии гос-

подствовала непомерная роскошь, не та общественная роскошь, которая идет рука об руку с искусствами и сооружает из мрамора и золота памятники своего отечества, чтобы сделать его еще более дорогим и достойным почтения,— нет, господствовала частная роскошь, неразлучная спутница каприза и дурного вкуса, рождающаяся от нравственной порчи и проявляющаяся в унижении искусства. Под влиянием такой роскоши изящество форм сменяется излишеством украшений, величие — богатством. Такая роскошь вместе с восточной изнеженностью прокрадывалась в Рим уже при Северах[19], но нравы Запада были еще настолько стойки, что не сразу подчинились ей; основание Константинополя[20] довершило ее торжество и на Западе. Новая столица, населенная азиатскими греками, скоро победила древнюю столицу пагубными обычаями, которых та до сей поры еще чуждалась. Христиан-

ское общество также поддалось общему настроению и заразилось восточной изнеженностью.

Поэтому, чтобы изобразить с надлежащей полнотой состояние христианского общества IV столетия, необходимо познакомиться вообще с нравами, господствовавшими в ту эпоху.

Следует заметить, что римская чернь оставалась такою же, как и прежде, то есть убивала свое праздное время в пантомимных театрах[21] или в цирке[22]. Труда римский народ не любил, он привык жить тунеядцем, за счет государства, хотя его не удовлетворял уже один хлеб, как во времена первых императоров, он требовал теперь и порций свиного сала, масла и вина, да сверх того подачек от патронов[23], да взяток с комедиантов и возниц в цирке за то, чтобы тех не встречали свистками... Вот чем кормилась римская чернь, неспособная к честному труду и проигрывавшая ночью в

кости то, что удавалось урвать днем, самая низкая и развратная чернь на свете, жадная, ленивая, мятежная...

Эту чернь нельзя было даже назвать римским народом: она перестала носить свои латинские имена и употребляла какие-то прозвища, неизвестно откуда заимствованные. Иностранцы и провинциалы, приезжавшие в Рим, с изумлением слышали диковинные имена Цимессеров, Цицимбриков, Серапинов... На римских улицах среди толпы можно было встретить великое множество странных людей, с бледными лицами, покрытыми морщинами, безбородых, носивших на себе печать рабства и физического бессилия. Трибун[24] Гракх[25], некогда прерванный во время своей речи шумом толпы, воскликнул: «Молчать, незаконнорожденные дети Италии!» В IV веке он мог бы с большим правом воскликнуть: «Молчать, римляне, переставшие быть мужчинами!»

А римская знать?! Сохранилась ли в ней хоть капля доблести предков? Увы, времена Цинциннатов[26], Фабрициев[27], Катонов[28] давно и безвозвратно прошли. Римский сенатор IV столетия не мог быть даже и тем энергическим злодеем, какие являлись в конце республики (вроде Катилины[29] или Клодия[30]); его нельзя было назвать римлянином ни в дурном, ни в хорошем смысле. Образец для него нужно было искать где-нибудь на Востоке, в древнем Вавилоне[31] или Персии.

Он носил одежду только из самой тонкой шелковой материи, потому что тканая тога, даже самая легкая, была для него уже тяжела. Прозрачные покрывала из льна, зонтик и женское опахало служили необходимыми принадлежностями его туалета, а многочисленная толпа евнухов, рабов, праздных плебеев[32] и клиентов составляла его свиту, когда он показывался на народе.

А как проводит свое время знатный вельможа? Иногда он появляется в цирке для поддержания славы какого-нибудь наездника, посещает общественные бани, но большею частью он — дома. В обширном, роскошно убранном зале, с мраморным полом, со стенами, украшенными дорогой мозаикой, на пышном ложе лежит он в полудремоте. Проникает ли в комнату через тяжелые занавеси луч солнца, или муха проползет по его платью, он уже раздражается и жалобно стонет: «Зачем я не родился в стране киммериев[33] (стране мрака)? Тогда бы не приходилось терпеть подобных мучений». Случись ему отправиться на охоту или по какому-нибудь делу в изящно убранной гондоле переплыть озеро Авернское[34] в Поццуоли[35] или Гаэту[36], он удивляется сам себе и прославляет свой «подвиг» так, как будто он превзошел Александра Великого или Цезаря. Он жаловался всем на необыкновенную ус-

талость, неразлучную спутницу столь тяжких трудов. Зато он не чувствовал ни малейшего утомления, просиживая ночи за игрой в кости...

Но, может быть, римский вельможа, утратив суровые доблести предков, отличался любовью к наукам, образованностью? Нет, и Меценатов[37] теперь было столь же мало, как и Камиллов[38]. Науки внушали римскому вельможе отвращение — его библиотека была крепко заперта и неприкосновенна, как гробница. Если он умел рассказать несколько анекдотов о частной жизни императоров из Светония[39] да знал несколько тирад из Ювенала[40],— этого было для него уже достаточно...

С наступлением вечера начинались у сенатора пиршества, на которые обыкновенно являлось множество паразитов[41] и льстецов. На эти пиршества моря́, реки и горы всего мира должны были доставлять свои сокровища. Если подавали на

стол какое-нибудь чудовище, какую-нибудь заморскую рыбу, гости приходили в сильное движение и наперебой старались выказать свое удивление перед хозяином. «Не из Эвксинского ли Понта[42] эта рыба?» — «А может быть, из самого Океана?» — «А эти птицы, наверное, из оазисов Ливии?[43]»... «Принесите-ка весы»,— самодовольно требует хозяин, чувствующий, что он достойно поддерживает славу имени своих предков. Тридцать нотариусов, на основании домовых архивов, в подробностях спешат рассказать, кто и когда поймал такую-то рыбу, откуда она привезена... Вдруг раздается музыка: в зал ввезен гидравлический орган величиною с дом, пущены в дело огромные лиры наряду с флейтами и другими инструментами. Появляются танцовщицы и актерки и начинают исполнять свои танцы и пантомимы...

Римский богач так бережет себя, что никогда не посетит умирающего друга

или брата, если есть хотя бы малейшее подозрение относительно заразности болезни; но он унизится до самой невозможной лести и прислужничества, он сбросит свою лень и спячку и начнет проводить ночи у одра больного, если имеет какую-либо надежду на получение наследства. Богатство, деньги — вот единственное божество, которому он поклоняется. Каким образом без денег он мог бы задавать такие обеды, окружать себя азиатской роскошью и поддерживать славу своего рода?

Римские знатные женщины того времени в нравственном отношении были не выше мужчин. Все свое время они проводили в мелких интригах, болтовне и злоречии. Туалет считался самой главной и самой трудной их работою. Вот наступает время одевания, и целая толпа евнухов и служанок устремляется на знатную даму, как на добычу: кто гребнем и раскаленным железом воздвигает на ее

голове лес волос, перевитых золотыми нитями, кто разливает дождь золотых блесток, кто подвязывает две косы, черную и русую, или накладывает поверх естественных волос еще и чужие, рыжие, дорого купленные в Германии (искусство нравиться в ту эпоху состояло главным образом в искажении природы!)... Далее следовали румяна, белила, сурик[44] и сурьма[45] — последние придавали особенный блеск глазам. Шелковое платье, затканное золотом, льняные одежды, столь тонкие, что, по выражению одного отца Церкви, они едва прикрывали тело, драгоценные безделушки, камни, перлы[46], золотой пояс и золотые башмаки — все это считалось необходимой принадлежностью туалета знатной дамы IV века. Строгая нравственность древней матроны[47] давно отошла в область преданий.

Вот каково было светское общество! Особенно пагубное влияние оказало оно

на нравы римского духовенства. Евангельские правила воздержания, самоотвержения и нищеты соблюдались лишь немногими избранными, а большинство поддалось соблазну. Те же страсти: алчность к деньгам, стремление к роскоши и удовольствиям, тщеславие и безнравственность — отличали как светских, так и духовных. Трудно изобразить всю жадность к деньгам римского духовенства, невозможно перечислить всех хитростей, которыми они пользовались, домогаясь денег. Достаточно указать на два закона Валентиниана I[48], которыми объявлялось недействительным всякое завещание кого бы то ни было в пользу духовенства.

Но закон был бессилен остановить широко развившееся зло. Придумали множество уловок для обхода закона. Дошло до того, что Иоанн Златоуст[49] принужден был советовать своим духовным детям самим оказывать благодея-

ния, без всякого посредства священников или диаконов.

Так сильно вторглись языческие нравы в самые недра Церкви. Со времен Константина Великого выяснялось все более и более, что христианство только отчасти победило язычество. Христианская религия была объявлена господствующею в империи, успела образоваться могущественная иерархия, стремившаяся, особенно в Риме, к преобладанию, к власти; но религия Христа, со всей высотой ее нравственных требований, еще не проникла в нравы, не успела еще преобразовать общество. Необходимо было вдохнуть новый дух в общественное тело, образовавшееся под вековым влиянием язычества. Все истинные христиане горячо желали глубокой нравственной реформы общества и — прежде всего — духовенства.

4. ПОДВИЖНИКИ ВОСТОКА

Читатель, перенесемся мысленно на шестнадцать с лишком столетий назад и пойдем в древнем Риме на Авентин[50]. Вот тропа в конце Форума[51]; сойдем по ней в долину Велабры[52] и по небольшому откосу не торопясь достигнем вершины Авентина. Много изменилось в течение столетий, но открывающийся великолепный вид все тот же: у подошвы холма все так же струится желтый Тибр и, просекая римскую Кампанию, устремляется в море. На его берегах, почти в равном расстоянии от холма, высятся: направо — базилика[53] святого Петра, налево — святого Павла; впереди — Яникул[54] и цепь холмов, с другой стороны — Капитолий[55], когда-то гордый языческими храмами, а теперь украшенный христианскою церковью, и Палатин[56], некогда щеголявший рос-

кошными дворцами повелителей мира (вместо которых теперь видишь одни развалины). Вдали, за древним городом, замыкают вид точно подернутые синеватым туманом далекие горы.

Вот здесь, на вершине холма, где теперь видишь доминиканский[57] монастырь, в IV веке стоял роскошный дворец Марцеллы. По наружному виду он отличался от многих других великолепных зданий древнего Рима разве только большим богатством и изяществом украшений, но, если бы мы проникли внутрь его, мы были бы поражены полной противоположностью тому, что можно было видеть в тогдашнем Вечном городе. Войдя в атриум, мы могли бы услыхать пение точно ангельских голосов, прославлявших величие Божие и святость непорочной жизни:

Кто живет под щитом Всевышнего
И под кровом Всемогущего водворится,

Тот взывает к Господу:
Заступник мой и прибежище,
Бог мой, на Кого я уповаю...
(ср.: Пс. 90, 1–2)

Другой хор продолжает:

Он избавит тебя от сети ловчей,
Оградит плечами Своими,
Осенит Своими крыльями,
Охраной и обороной
тебе будет верность Его...
(ср.: Пс. 90, 3–4)

Но вот начинается общее одушевленное пение, выражающее горячий порыв пламенеющих любовью к Богу сердец:

Обручусь Тебе навеки,
Обручусь Тебе в правде и суде,
в любви и милосердии,
Обручусь Тебе в верности...
(ср.: Ос. 2, 19–20)

Но кто же эти таинственные обитательницы дворца? Дворец ли это или монастырь?

Это — благородные римские женщины и девицы, посвятившие себя Господу и презревшие ради Него весь блеск, всю славу мира сего. Молитвы и пение псалмов сменяются у них ревностным изучением Священного Писания, а их жизнь проходит в чистоте и целомудрии и в широкой, истинно христианской благотворительности. Вот между ними пламенная Марцелла, Софрония, Фелицитата, вот юная Марцеллина, сестра знаменитого миланского епископа (будущего святого) Амвросия[58], вот благочестивая дева Азела, вот юная Фабиола, отрасль древнего рода Фабиев, вот и великая Павла[59], недавно перенесшая жестокий для ее сердца удар, и с нею молодая девушка, дочь ее Евстохия, с юных лет посвятившая себя Богу...

Каким же образом среди развращенного Рима, этого поистине второго Вавилона, создался, точно среди Ливийс-

кой пустыни, цветущий духовный оазис? Кто возрастил его?

С далекого Востока принеслось веяние, достигло холмов Тибра и посеяло здесь семена, принесшие дивный плод. Спасаясь от преследований ариан[60], великий защитник православия Афанасий в 342 году явился в Рим. При нем находились два египетских отшельника, покинувших пустыни Нитрии[61], чтобы разделить с ним изгнание. Один из этих отшельников был Аммон[62], столь знаменитый впоследствии как глава одного из больших монастырей Египта, а другой — Исидор, самое доверенное лицо Афанасия, который никогда с ним не разлучался. В Италии и раньше носились слухи о великих киновитах[63] египетских и сирийских пустынь, возбуждая удивление чудным образом их жизни; но то были не более чем отрывочные рассказы, самих подвижников никто еще не видел в Риме. Теперь они явились и сразу сдела-

лись предметом особенного любопытства и внимания, как и великий вождь их. Трудно вообразить бо́льшую противоположность характеров обоих пустынников.

Строгий и сосредоточенный в себе самом, но полный внутреннего огня, весь погруженный в созерцание духовного мира, всегда молчаливый и скорее печальный с виду, Аммон, казалось, всегда носил с собою пустыню. За все время своего пребывания в столице мира он позволил себе посетить только гробницы святых апостолов Петра и Павла. Про него рассказывали, что он был сыном богатых родителей, которые принудили его против воли вступить в брак, но он убедил свою супругу жить с ним в строгом целомудрии, как брат с сестрою, и жил таким образом 18 лет, питаясь одними растениями. Затем, с согласия своей жены, удалился в пустыню и поселился на южной стороне Мареотского[64]

озера. К нему собралось много учеников, и Аммон, по совету Антония Великого[65], основал большой монастырь. Рассказывали о чудесах, которыми Бог прославил великого подвижника...

Другой — Исидор, которому тогда едва исполнилось 20 лет, отличался впечатлительностью, живо интересовался всем, был кроток и любезен в обхождении; и весьма скоро скромный инок, с любовью принятый везде, очутился среди высшего римского общества. Сопровождая обыкновенно Афанасия во время его посещений Констанции (сестры Константина Великого, оставшейся православною несмотря на то, что вся ее фамилия[66] была заражена арианством) или посещая Абутеру, Сперанцию и других благочестивых римских дам, Исидор успел познакомиться со всеми сенаторами и сколько-нибудь выдающимися личностями в Риме. Нет никакого сомнения в том, что он неоднократно вместе с Афа-

насием посещал и дом Евфимиана, отличавшегося особенным гостеприимством. Но всего чаще египетские странники бывали в доме Альбины, благородной и богатой вдовы, отличавшейся столько же умом и характером, сколько и знатностью своего рода.

Альбина овдовела очень рано и отказалась от второго замужества, чтобы всецело посвятить себя воспитанию своей единственной дочери, Марцеллы. Отличаясь христианскою ревностью, Альбина любила все-таки свет и мечтала о блестящей партии для своей дочери, о богатствах и почестях. Напротив, Марцелла, которой было не более 7 или 8 лет, была задумчивого и меланхолического характера. Кроткая и тихая девочка, она больше всего любила уединяться в комнате своей матери, молиться и мечтать и при первой возможности уходила в церковь. Однако порой ее ум, развитый и наблюдательный не по годам, проявлял-

ся в причудливых вспышках упрямства и экзальтации.

Она почти неотлучно присутствовала во время посещений Афанасия и его бесед с матерью. Присев у ног великого пастыря, она не сводила глаз с его сурового лица. Разговоры об иноческой жизни на Востоке, описание пустыни, ее ужасов, борьбы с ними, изображение дивных видений, посещавших отшельников,— все это производило на юную слушательницу потрясающее впечатление и воспламеняло ее воображение.

Аммон и Исидор знали Памву[67], Серапиона[68] и Макария[69] в ужасной пустыне Нитрийской, пропитанной солью наподобие высохшего дна морского. Они, великие пустынники, жили по правилам Великого Пахомия[70], принятым во всех египетских обителях. Сам Афанасий прожил семь лет в Фиваиде[71], где видел святых Антония, Пахомия, Илариона[72]; еще при жизни Антония он

составил его жизнеописание; он мог в подробностях рассказать, как жил великий подвижник на вершине утеса, между небом и землей. Он много рассказывал и о том, как юные девы и молодые вдовицы отрекались от мира и проводили строгую жизнь в женских монастырях, число которых тогда сильно возросло на Востоке. Марцелла с восторгом, с благоговейным трепетом в сердце и со слезами на глазах слушала рассказы о дивных старцах. Уезжая из Рима, Афанасий оставил в доме Альбины жизнеописание Антония, и ее дочь хранила эту книгу как великую святыню, как руководство и как главное правило жизни.

Между тем юная Марцелла развивалась и, по словам современников, явилась первой красавицей в Риме. Из послушания матери, не имевшей других детей и вполне посвятившей себя воспитанию дочери, она вышла замуж, но через семь месяцев овдовела, и тогда-то

вполне раскрылся ее характер и стремления. Мать настойчиво желала, чтобы она во второй раз вышла замуж. Ей представлялись блестящие партии. Между искателями ее руки более всех выдавался сенатор Цереалис. Это был один из самых знатных людей империи, несколько раз носивший консульский сан и бывший в близких связях с императорским домом по сестре своей Галле, которая была невесткой Константина Великого. У него было громадное состояние, которое он все предоставлял в распоряжение Марцеллы.

— Если бы я собиралась вступить во второй брак, я искала бы себе мужа, а не его богатства,— ответила на просьбу матери Марцелла.

В свете за отказ от брака порицали Марцеллу и говорили с досадой, что она попала в сети, расставленные ей духовенством. Мать также страшно огорчена была поведением дочери и не хотела ее

видеть. Чтобы хоть отчасти успокоить раздраженную родню, Марцелла объявила, что она отказывается от принадлежащей ей части громадного наследства в пользу близких. Она оставила все свои драгоценности и безделушки, роскошную мебель и золотые убранства, наперекор свету отказалась от белил, румян и шелковых материй и стала носить самую простую одежду всегда темного цвета. «Она похоронила себя»,— сказал про нее один современник. Марцелла надеялась, по крайней мере, что ее после всех этих перемен оставят в покое. Не тут-то было! Не было такой нелепости, такой сплетни, которую бы не выдумали про нее и которой бы не поверили. Все это повергало ее в глубокую печаль. Она решилась наконец окончательно порвать все узы, сколько-нибудь связывавшие ее со светом. В одном из предместий Рима она купила себе небольшой дом, окруженный большим тенистым садом. Из

дома сделала она себе келью, из сада — пустыню, и там, вдали от шумного и завистливого света, она проводила все дни в глубоком уединении, в молитве, созерцании и подвигах. В столицу она являлась только в известные дни и часы в сопровождении своей матери для поклонения гробам святых апостолов.

Когда несколько умолкли все толки, возбужденные в Риме отказом ее от замужества, и свет оставил ее в покое, она переселилась на Авентин, где ей принадлежал родовой дворец. Она отвела обширную часть дворца для благочестивых собраний и устроила там церковь. И вот в самом средоточии Рима явился первый римский монастырь — монастырь в мраморных и украшенных золотом чертогах. Под духовным руководством Марцеллы на Авентине образовалось целое общество богатых и влиятельных женщин, посвятивших себя Богу и делам благочестия. В этом монастыре не было, однако,

никакого определенного устава. Обыкновенно там собирались петь псалмы, совещаться о делах благотворительности и изучать Закон Божий. Просвещение, которое никогда не было в большой моде на Западе, напротив, особенно почиталось на Авентине. Прилежно изучали еврейский и греческий языки, чтобы ближе познакомиться с текстом Священного Писания.

Как трудно было ожидать, чтобы противодействие растленному духу времени в Риме началось именно в самых недрах высшей аристократии, чтобы знак к этому противодействию подан был именно женщинами, которые с такой пламенной ревностью устремились на этот путь и увлекли за собою патрициев![73] В христианской Церкви началось могучее движение, которое еще раз с поразительной силой доказало, какой неиссякаемый источник нравственного возрождения заключается в христианстве.

Излишне было бы говорить о том, что и семья Евфимиана находилась под сильнейшим воздействием плодотворного духа, повеявшего с далекого Востока.

5. ПРИМЕР ВЕЛИКОГО ПУСТЫННИКА

Повеявший с Востока дух нравственного возрождения коснулся не только холмов Вечного города. Жизнеописания восточных отшельников распространялись во множестве экземпляров на Западе и всюду читались с величайшим восторгом. Мрачные и бесплодные острова Тосканского моря[74], ущелья Апеннин и Альп и даже земли далекой Британии озарились лучами засиявшего на Востоке света: всюду появились анахореты[75], одетые наподобие великих подвижников Египта.

Не довольствуясь рассказами и описаниями, благочестивые люди Запада

предпринимали путешествия на Восток и, посетив священные места Палестины[76], спешили в пустыни Фивские, Нитрийские и Халкидские[77] — эти знаменитые рассадники восточного монашества. Там молодые люди, даже из знатных римских семей, старались под руководством какого-нибудь знаменитого аввы[78] научиться подвигам аскетизма. Оттуда они писали своим родственникам и знакомым письма о необыкновенной жизни подвижников, о чудесах, совершаемых ими, об их неотразимом влиянии на общество.

Более всего интересовались этими письмами в благочестивом авентинском содружестве. Но ничьи послания не перечитывались с таким восторженным удивлением, как письма молодого далмата[79]. Этот далмат был не кто иной, как пламенный Иероним[80], а адресатом писем явился его друг Илиодор. Илиодор удалился в страшную Халкидскую

пустыню в Сирии, но не смог там остаться на долгое время. Престарелая мать, любимая сестра, маленький племянник, даже старые служители, ходившие за ним в детстве,— все соединили свои просьбы, чтобы вернуть его на родину. Расставаясь с Иеронимом, он сказал ему на прощание: «Пиши мне из твоей пустыни».

«Что делаешь ты в отеческом дому, изнеженный воин? — вскоре писал Иероним своему другу.— Где рвы, где зимняя стоянка под кожами?.. Ты каков выйдешь с постели в строй, из тьмы на солнце?.. Для изнеженной покоем руки жестка рукоятка меча... Ошибаешься, брат, ошибаешься, если думаешь, что христианин когда-нибудь не терпит преследования; тогда-то особенно ты и находишься в осаде, когда не знаешь, что ты в осаде... Ты, будущая добыча, под тенью ветвистого дерева вкушаешь сладкий сон...

Это я говорю... как только что выброшенный кораблекрушением на берег... В том водовороте Харибда роскоши поглощает здоровье. Там устами девиц привлекательная поверхность Сциллы[81] влечет к окончательному кораблекрушению стыдливости... Внутри сокрыта опасность...»*

Не то — пустыня!

«О, пустыня, веселящаяся перед лицом Божиим! — восклицает Иероним.— Что делаешь в сем мире, брат мой, ты, который дороже мира? Доколе будет тяготить тебя тень от крыш? Доколе ты будешь заключен в темнице дымных городов?

Поверь мне, я не знаю, вижу ли я что-нибудь, кроме света. Хотелось бы, отложив бремя тела, воспарить к чистому блеску эфира»**.

---

* Блаженный Иероним. 14. Письмо к монаху Илиодору//Творения.— Киев, 1893. Ч. 1. С. 31—32, 34—36.

** Там же. С. 40.

Но кто же был сам Иероним?

Вот он перед нами — этот великий подвижник и учитель IV века, с чрезвычайно подвижным, нервным лицом и живыми, выразительными глазами (которыми, кажется, он насквозь пронизывает каждого с ним говорящего), со своей одушевленной, громогласной речью, муж души пламенной, сильной и суровой, но раздражительной...

Родом из Стридона[82], близ пределов Далмации[83] и Паннонии[84], сын богатых родителей, он в Риме в юности усердно изучал сокровища классической мудрости, к которым сохранил любовь до конца своей жизни, несмотря на свой строго аскетический образ мыслей.

Некогда во время тяжкой болезни снилось ему, что он поставлен пред Престолом Христа. «На вопрос о том, кто я, я назвал себя христианином. Но Вос-

седавший сказал: “Лжешь, ты цицерониа нин[85], а не христианин”»*.

Пораженный видением, Иероним захотел было отказаться от занятий языческой литературой, однако решимости на это хватило у него ненадолго. И, когда его упрекали в том, что он не может написать и страницы, не цитируя Цицерона, Горация[86] или Вергилия[87], и что он позабыл свой таинственный сон, Иероним горячо защищался не в силах пожертвовать блестящей классической словесностью, хотя с возрастом — после долгих подвигов и отшельнической жизни — он приобрел справедливую славу великого учителя Церкви.

Но еще больше занимался Иероним в течение своей жизни изучением Священного Писания, не переставая учиться слову Божию до конца жизни. Он оставил множество толкований, переводов и

* Блаженный Иероним. 21. Письмо к Евстохии//Творения.— Киев, 1893. Ч. 1. С. 132.

рассуждений о нравственных вопросах, главным образом — о подвигах иночества, о девственной жизни, о полном отречении от мира...*

Мы не станем, конечно, изображать здесь всей тревожной и разнообразной

---

* «“Заслуги его учености,— говорит блаженный Августин[88],— таковы, что несчастным надобно назвать того, кто не уважит столько трудов, и трудов столько святых, и не возблагодарит Господа Бога”.

Пресвитер достопочтенный, человек Божий, своим учением во славу Божию и при помощи Божией столько способствовал усовершенствованию церковной латинской образованности, сколько никто прежде него. Для изучения Священного Писания блаженный Иероним, без всякого сомнения, сделал столько, сколько никто другой из отцов Церкви,— эта заслуга его приближает к той степени, на какой стоят Василий Великий[89] и Григорий Богослов[90] в области нравственности и догматики» (Филарет [Гумилевский Д. Г.] [91], архиепископ Черниговский и Нежинский. Историческое учение об отцах Церкви.— СПб., 1882. Т. 2. С. 285).

жизни знаменитого учителя Церкви. Отметим только некоторые случаи из его жизни, оставившие след в римском обществе изображаемого времени.

Вот он, получивши образование, еще молодым юношей покидает Рим, этот новый Вавилон, где, по его словам, он имел случай оплакать не одно падение и не одно кораблекрушение. Отец отправляет его в Трир на службу (чиновником при императоре Валентиниане), но административные занятия ему не по вкусу — он продолжает там с увлечением свои научные изыскания...

В семидесятых годах он снова в Риме. На этот раз здесь случилось с ним происшествие, наделавшее очень много шума. В то время в Риме жила одна женщина-христианка, родом из Испании. Ее семейство уже несколько лет тому назад переселилось в Рим; обладая баснословным богатством и обширными связями, достигло звания римских пат-

рициев и дало Риму около 341 года даже одного консула. Молодую женщину звали Меланией. Рано выйдя замуж за одного знатного римлянина, она имела троих детей, но на 23 году своего замужества внезапно лишилась мужа. Не успев еще снять траура по мужу, она потеряла обоих старших детей, которые скончались один за другим. Но ужасные несчастья не сокрушили ее. Она не предалась отчаянной скорби, не рыдала, не рвала на себе волос, но, исполненная величия духа, с распростертыми руками, с сухими глазами и с улыбкой на бледных устах, повергласъ пред Спасителем и воскликнула: «Господи! Ты разорвал те сильные связи, которые еще удаляли меня от Тебя. Теперь я могу свободно и вполне отдаться служению Тебе!» Это происходило за городом, в деревне, в нескольких верстах от Рима.

Похоронив дорогих покойников в Риме прилично их званию, она объявила

всем родным и знакомым, что отправляется в дальнее путешествие. На вопрос: «Куда ты едешь?» — она отвечала молчанием. «Но что же будет с оставшимся у тебя сыном?» — «Бог лучше меня сохранит его»,— было ее ответом. Однажды она внезапно скрылась из дому. Куда? Никто не знал. Лишь позднее стало известно, что она отправилась на корабле в Египет, предоставив своего единственного сына Промыслу Божию.

Внезапный отъезд Мелании сильно раздражил и родню, и общественное мнение. Между язычниками и христианами начались оживленные споры и толки. Одни говорили, будто правила, внушаемые женщинам, подрывают самые основы общества, поносили поступок Мелании и негодовали на Иеронима, давшего Мелании совет бежать. Другие считали ее святою... Иероним красноречиво защищал Меланию...

Надежда Мелании на Провидение вполне оправдалась: порученный верному покровительству, сын ее получил прекрасное воспитание и впоследствии был претором[92] в Риме. Спустя некоторое время после отъезда Мелании, в Риме узнали, что она побывала в Александрии (застав еще там в живых Афанасия), а затем, посетив монастыри Египта и Святые места, построила себе на горе Елеонской монастырь, где и предалась вполне святым подвигам отшельничества. Пример ее не остался без подражания...

В 383—384 годах мы снова видим Иеронима в Риме. Это уже строгий аскет, изведавший все ужасы Халкидской пустыни, где он носил на себе вместо одеяния простой мешок, где тело его под палящими лучами солнца становилось столь черно, что его принимали за эфиопа. На его лице — западного типа — как будто бы отражались восточное небо и пустыня...

Теперь мы застаем Иеронима в обществе благочестивых авентинских отшельниц, которые стремятся под его руководством достигнуть высшей степени, возможной для души человека на земле,— нравственного совершенства. Но среди всех обитательниц Авентина проницательный взор Иеронима разглядел некую знатную аристократку Павлу, богатую «отрасль Сципионов»[93], в душе которой таились великие духовные дары. Она только что потеряла нежно любимого мужа, но держалась с поразившим блаженного Иеронима мужеством. Марцелла поспешила с любовью матери разделить горе безутешной вдовы, приняла под свое покровительство ее дочерей и сына и указала Павле на единственный путь, который может доставить ей утешение в ее горькой утрате,— путь служения Господу.

Два года уже подвизалась Павла в обществе своих святых подруг, как вдруг

разнеслось по Риму известие, которое вызвало живейшую радость среди авентинских отшельниц,— известие о том, что папа Дамаз[94] созывает епископов со всей вселенной в Рим в 382 году. Иероним находился в это время в Константинополе, куда привлекла его знаменитая личность Григория Назианзина. Григорий полюбил Иеронима и поспешил открыть его любопытствующему и вечно живому уму все сокровища восточной образованности, так что Иероним в течение всей последующей жизни с любовью вспоминал уроки знаменитого учителя Церкви. Там же он мог увидеть всех других великих учителей Востока, в том числе и Григория Нисского[95].

Здесь же он слышал, как все порицали пороки римского духовенства и уже в то время явно обнаружившиеся честолюбивые стремления и чванство пап. В Константинополе же Иероним узнал мнение духовенства Востока о соборном

Послании западных епископов, которое извещало о готовящемся Вселенском Соборе в Риме в 382 году. К посланию папы приложен был и Рескрипт императора Грациана[96], который также звал восточных епископов явиться в Рим. Восточное духовенство глубоко взволновало это послание. «Что они, шутят с нами? — слышалось повсюду.— Приглашают нас отправиться за море, оставить наши епархии и наши дома, идти на «край света» и рассуждать о наших же делах, которые мы сумеем покончить сами!» Епископы Востока не согласились отправиться в Рим... На Соборе в Риме присутствовали только два восточных епископа — Павлин Антиохийский[97] и Епифаний Кипрский[98].

Павла испросила у папы позволения принять восточных владык в своем дворце. Слушая рассказы Павлина и Епифания об Антонии и Иларионе, о чудесах Фиваиды, о женах и девах-отшельницах

на берегах Нила, она все сильнее утверждалась в отвращении к Риму и мирской жизни. Однако самое глубокое влияние оказал на Павлу, да и вообще на все римское общество, прибывший вместе с епископами Иероним.

Иероним начал резко обличать в обществе Павлы и ее подруг всю обстановку тогдашней римской жизни.

— Когда ты была в мире,— говорил он,— ты любила то, что принадлежит миру, любила белить и румянить свое лицо, с искусством убирать волосы, созидая как бы башню волос; не говорю уже о серьгах, об этих жемчугах, добытых из глубины Чермного моря[99], о зеленом цвете твоих смарагдов[100], об огне рубинов, о лазури сапфиров, к которым так безумно пристрастны женщины. Отрекшись от мира, ты отреклась и от всего этого... Да и уместно ли на лице христианки быть белилам и румянам? Как оплачет свои грехи та, слезы кото-

рой испестрили бы ее раскрашенное лицо? Но ты еще не все сделала: тебе надлежит изменить и всю твою жизнь, и всю обстановку... Взгляни: вот наступает время обеда... Толпа поваров с подобранной одеждой (как у воинов в походе) рубит мясо и изготовляет различные мясные блюда. И какие блюда! Самые редкие... Ждут гостей. Хозяйка, точно ласточка, летает во все стороны, осматривает, хорошо ли приготовлены ложи в храмине пиршества, чисто ли выметен пол, украшены ли кубки цветами и все ли приготовления окончены. Музыканты и шуты уже здесь... Да скажите же мне, присутствует ли Господь во всем этом? Нет! Страх Божий не может быть там, где раздаются звуки тимпанов[101], гуслей и кимвала[102]... Удали же от себя птиц Фазиса[103], жирных горлиц, ионийских[104] рябчиков, на приобретение которых тратится огромное состояние, удали от себя сочные мяса кабанов и диких коз...

— Но может ли, отец,— спрашивала Павла,— может ли одно воздержание от благ и излишеств мира избавить от опасностей для души?

— Пока мы еще в скинии[105] нашего тела, мы можем укрощать наши наклонности, но не можем их уничтожить. Трудно или, скорее, невозможно кому бы то ни было не знать, что такое страсть или по крайней мере начала ее. Каждая плоть имеет свои стремления и привлекает душу приманкой смертоносного удовольствия. Я говорю тебе об этом, чтобы ты знала, что под шелком, как и под грубой одеждой, нас одолевают те же страсти. Они не страшатся ни царского пурпура, ни лохмотьев нищего... Только тогда разве, когда становишься перед лицом смерти, тогда только легко презреть все земное...

— Как мне нравится,— воскликнула, прервавши речь Иеронима, Марцелла,—

как хороша мысль Платона, что жизнь есть размышление о смерти!

— Хорошо,— возразил Иероним,— хорошо жить с мыслью о смерти, но еще лучше поступать, как апостол Павел, который во все дни умирал. Великое дело — умирать, чтобы жить. Высокая тайна христианских добродетелей состоит в самоотверженной жизни, в самоумерщвлении для Бога и людей, в преданнейшей любви... Отдав все Богу, мы более получаем, чем оставляем. То, что мы покидаем, ничтожно, что получаем — бесконечно...

— Но как всего вернее достигнуть такой любви, такого самоотречения?

— Самый трудный, но самый верный путь — это полное отречение от мира, а первый шаг на этом пути — девственная жизнь... Но это не всем дано... А между тем что может быть прекраснее, выше, чем душа, свободная от уз земных, от земных привязанностей,— душа, вполне отдавшаяся Богу, душа Божия!..

Вот какие наставления, вот какие речи можно было услышать среди развращенного Рима в то время, когда воспитывался и подрастал святой Алексий.

6. ГОДЫ УЧЕНИЯ

Стал подрастать младенец Алексий —
Стал отроком прекрасным,
кротким, тихим;
Не по летам он разумом был мудр
И к книжному ученью прилеплялся...*

Счастливо, светло и радостно протекало детство Алексия. Что это было за прекрасное дитя, с живыми, выразительными глазами, со свежим, как утро, лицом, с темными кудрями, ниспадавшими до плеч! Родители не могли налюбоваться на своего сына, когда он, утомившись играми, прибегал к ним и бросался

** Алмазов Б. Н.*[106] Отшельник (поэма)// Сочинения.— М., 1892. Т. 1. С. 355. Далее поэма цитируется по этому изданию.

на шею к отцу или матери. Их ласки, проникнутые любовью, способствовали тому, чтобы его чистая душа раскрывалась пред ними подобно благоухающему цветку, который, орошаясь живительным дождем, согревается солнечными лучами. С доверием принимал он наставления родителей и воспитателей. Его приветливость со всеми, ласковый взгляд, участие ко всему, что его окружало, ясно показывали всем, что дитя, счастливое само, охотно радуется и сочувствует всякой радости других. Алексий наделен был от природы нежным, чувствительным сердцем: его глаза наполнялись слезами всякий раз, когда ему приходилось слышать о каком-либо несчастье.

С самых ранних лет родители были озабочены религиозным воспитанием своего сына. Кто может вдохнуть в нежное сердце дитяти любовь к Отцу Небесному, кто может развить живое чувство веры с бо́льшим успехом, как не

родители! Лишь бы они сами искренно проникнуты были верой в Провидение, лишь бы в себе самих старались осуществить, хотя бы отчасти, высокие идеалы Евангелия... Нам ныне трудно представить ту силу веры, которая еще одушевляла христиан IV столетия, особенно в благородных патрицианских семействах древнего Рима, когда их не успевало коснуться нравственное разложение. Если древний римлянин всем жертвовал для блага родины, римлянин-христианин выше всего считал теперь служение Христу. Такой был Евфимиан... А какие чудные матери встречались среди христианок! Как всецело они отдавались религиозному чувству и как умели передать его своим детям! Каким священным восторгом билось юное сердце Алексия при виде матери, повергающейся в горячей молитве, с одушевленным лицом, с глазами, полными слез, пред распятием! Какой благоговейный трепет охватывал

его душу, когда Аглаида, крепко обнявши его, охваченная чувством глубочайшей преданности Богу, молила сохранить сына от всякой напасти, болезни, но больше, больше всего — от порока!

Заботясь о здоровье своего единственного сына, родители проводили большую часть года на вилле среди прекрасной итальянской природы. Ближайший уход за подраставшим мальчиком родители поручили управляющему виллой Руфину, который в связи с этим охотно уступил свою должность другому. Руфин, не имевший детей, горячо, как к родному детищу, привязался к Алексию и буквально не расставался с ним: он оберегал Алексия, гулял с ним по вилле и ее окрестностям, знакомил его с мирной сельской жизнью... Как просто, радушно, без малейшего чванства и спеси, Алексий здоровался и разговаривал с поселянами, как тихо и лас-

ково, без малейшего задора, играл с их детьми!

Когда настало время обучения, родители пригласили серьезных и вполне надежных наставников. В среде знатных римских фамилий было принято, хотя и в очень ограниченном объеме, давать своим детям образование, основанное на изучении великих писателей классической древности. Поэтому, кроме книг Священного Писания, которые были первым чтением Алексия, ему предстояло изучить греческую и римскую литературу, произведения известных историков, философов и поэтов. Учился Алексий весьма прилежно, в нем обнаружились замечательные умственные способности, но более всего поражало наставников его глубокое проникновение во внутренний смысл изучаемого, его стремление в случайном и внешнем постигнуть истинное и вечное. У него бывали минуты особенного озарения, и его

мысль, окрыленная верой, казалось, возносилась к Самому Источнику света, к Самой Вечной Истине и, возвращаясь снова к земным предметам и отношениям, ясно различала истинную цену всего, что окружает, занимает и волнует человека...

Посещения столицы мира давали новую пищу для ума. В большие праздники Евфимиан с семейством приезжал в Рим для поклонения гробницам первоверховных апостолов. Даже внешне тогдашний Рим представлял собой массу противоположностей, которые не могли не удивлять Алексия. В нем совмещались как бы два города — языческий, еще не тронутый варварами, еще блиставший всеми памятниками славной старины, и христианский, молодой, но уже заметно преобладавший. Еще стоял Капитолий, изумлявший величественными языческими храмами, еще возвышалось на Палатине роскошное жилище повели-

телей мира, окруженное мраморными портиками! У подошвы этих холмов расстилался древний Форум, на котором, можно сказать, каждый камень говорил о славном прошлом. За священной дорогой возвышался, удивляя своей громадой, Колизей[107], а на противоположной стороне находились большой цирк и водопроводы Нерона[108]. На берегах Тибра виднелся мавзолей Адриана...[109] Куда ни посмотришь — всюду храмы, театры, колоннады, статуи... Все говорило о минувшей славе язычества, о победах и завоеваниях Рима. Но на все сие уже легла печать увядания и упадка, а среди грандиозных памятников языческой старины виднелись христианские церкви, в которые во множестве стекался народ, между тем как языческие храмы пустели...

Падение язычества, с которым, казалось, отлетала в вечность, оставаясь в минувшем, вся славная древность, пора-

жающим образом внушало мысль о бренности и непрочности всего земного величия, всех, даже и величайших, созданий человека. Юному сердцу Алексия была симпатична доблесть древних римлян, в нем вызывали уважение героические подвиги предков, но ему становилось грустно всякий раз при взгляде на памятники старины. «К чему привели,— часто думалось ему,— к чему привели эти исполинские усилия, какой смысл имело создание величайшего царства в мире?» Этот вопрос ему не раз приходилось задавать самому себе, но только впоследствии, постепенно, по мере развития, выяснился ответ на него — ответ строгий, неумолимый...

Разумеется, родители старались удалить Алексия от всего, что в тогдашнем Риме могло возмутить чистую душу его, от всего отталкивающего и оскорбляющего нравственное чувство. Особенно оберегали они своего сына от амфитеат-

ров[110] и цирков, которые еще оглашались криками неистового зрительского восторга, на аренах которых лилась еще кровь гладиаторов на потеху кровожадной черни.

Зато тем чаще посещали они гробницы мучеников и катакомбы[111]. Христиане того времени любили прославлять подвиги великих борцов за веру во Христа. «Посмотрите на гробницы мучеников,— восклицал Иоанн Златоуст.— Сам император приносит к ним венец свой, преклоняет колена, умоляет Небо об избавлении от бедствий и испрашивает победы над врагами». Часто и много рассказывали Алексию о временах гонений, но нигде не восставала пред ним с такою живостью эта грандиозная картина геройской борьбы за истину христианства, как в катакомбах. С каким благоговейным трепетом вступал он в эти подземелья, где, казалось, еще свежи были следы мучеников.

— Как счастливы христиане первых веков! — воскликнул как-то Алексий после одного из посещений катакомб.

Это восклицание произнесено было в присутствии строгого подвижника Востока, часто навещавшего Евфимиана.

— Чадо,— возразил старец,— не думай, чтобы борьба с врагами Христа окончилась... Нет, она стала еще труднее, потому что враг теперь, как известно, не нападает открыто: не успев одолеть Церкви Божией при помощи оружия, пыток и казней, он грозит победить нас при помощи нас самих, заражая наши чувства и мысли пристрастием к миру, к суетным утехам земной жизни... О, берегись, чадо, этого пристрастия, берегись малейшего даже участия в этом, как говорят язычники, празднике жизни. Всюду в мире носится тлетворная зараза, которая поражает невидимо и незаметно, и сколько чистых когда-то душ погибло, соблазнившись приманка-

ми света... Ты еще неопытен, но впоследствии узнаешь, что в наше время более, чем когда-либо, должны нам приходить на память святые слова: «Мир во зле лежит» (1 Ин. 5, 19)...

Трудно представить, какое сильное впечатление произвели на юную душу Алексия слова аскета. Предполагал ли инок, что пред ним — юноша, глубоко честный по природе, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее всею силою души своей,— юноша, готовый для правды на любую жертву, — юноша, обладающий душой, не допускающей ни раздвоения, ни сделок со своей совестью?

7. ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Несмотря на всю роскошь обстановки, которая окружала Алексия в городском доме его родителей, он

не любил бывать подолгу в Риме. Суета городской жизни быстро его утомляла. Кроме того, в городе, как ни старались родители удалить от своего сына все, что могло возмутить его нравственное чувство, невольно приходилось Алексию быть свидетелем недостойных сцен, разговоров. Замечать ложь и обман, иногда таившиеся под личиной искренней дружбы. Целомудренный и чистый, он никого не осуждал, а лишь молча, хотя и с тяжелым чувством, удалялся, когда ложь происходящего становилась для него слишком уж нестерпимой.

Чаще всего он удалялся в свою комнату и там проводил время в освежающем душу чтении Священного Писания. Его комната находилась вдали от уличного шума — не проникал туда ни скрип телег, ни громкие крики погонщиков, ни брань или болтовня рабов, бегавших по улицам; лишь солнце свободно посылало свои лучи чрез высокое окно и ярко

освещало небольшую комнатку, стены которой были украшены красивыми арабесками[112]. Изящной работы софа, покрытая пестрыми вавилонскими коврами, близ софы — шкаф с рукописями и свитками, наконец, столик кедрового дерева на бронзовых козьих ножках — таково было убранство его комнаты...

В доме идут сборы и приготовления к очередному отъезду на виллу.

Алексий вошел в свою комнату вместе с Руфином. Ему уже — семнадцатый год, но серьезное, задумчивое выражение глаз позволяло дать ему гораздо больше. В то же время это был статный, с ярким румянцем, красивый и здоровый юноша. Его манеры отличались спокойствием и ровностью, в обращении с домашними он был необыкновенно кроток и снисходителен, легко забывал и прощал обиды. Особенной его любовью среди всех домочадцев пользовался Руфин. Несмотря на разность лет, между пожи-

лым воспитателем и юношей существовали самые дружеские отношения.

— Если сегодня мы будем готовы к отъезду, не думаешь ли ты, Руфин, что пора отправиться в храм и поклониться гробам апостолов? — спросил Алексий.

— Да отправимся хоть сейчас... Что может помешать нам? Признаюсь, я давно желаю выбраться из города, а посещение храма предвещает близкий отъезд...

— Отчего же ты так торопишься? Да, впрочем, зачем я спрашиваю? Ты почти весь век провел в деревне, и твое желание понятно.

— Не всегда я жил в деревне... По делам пришлось-таки мне помытариться по разным городам Италии, да нередко бывал и в Галлии[113], но всегда скажу, что лишь в деревне, в полной тишине и часто даже в полном безмолвии, я нахожу отраду. По нашим временам, кажется, бросил бы все и бежал в пустыню. Не всегда, однако, сладко и в деревне... В

городе — пустота, ложь, притворство на каждом шагу, а в деревне — разорение, нищета...

— Твое замечание весьма верно... Знаешь что? Порой мне кажется, что все на свете извратилось... Представь себе: здесь, в Риме, я вижу людей (все равно — богачей или бедняков), которые, по моим наблюдениям, потеряли всякую способность к труду, к каким бы то ни было серьезным занятиям; живут изо дня в день и заполняют все время пустяками; между тем как в деревнях изнемогают от непосильных трудов, умирают с голоду, стенают в цепях; а часто бегут оттуда, и даже к варварам. Сам я не так уж много знаю об этом, но часто слыхал, причем и от тебя...

— Не вовремя мы затеяли этот разговор,— ответил Руфин.— Да и вопрос, затронутый тобой, из таких, на которые ответить нелегко...

— И все же?

Руфин задумался:

— Да, я думаю, ты и сам все понимаешь, ведь наш порядок стоит на слезах и крови... Припомни историю Рима, все эти победы и триумфы[114]. Какою ценой куплено наше, теперь обветшавшее, могущество? Мне часто кажется, что и теперь еще над Римом витают тени бесчисленного множества загубленных, проданных в рабство, лишенных родины и призывают мщение... Однако пойдем. Этот разговор бесконечен...

— Нет, Руфин, подожди немного. Ты как будто угадал мои мысли...

— Пойдем... Пора!

Собравшись, они вышли. На улицах Рима — обычная суета и движение. Вот с грохотом везут материал для построек. Вот проехал деревенский житель, погоняя с громкими криками своих мулов, у которых с обеих сторон висели мешки. «Жареный горох, самый лучший жареный горох!» — прокричал торговец,

невесть откуда взявшись, почти у самого уха Руфина, так что тот невольно подался в сторону.

Вот пронесли сирийские рабы тучного господина, развалившегося в носилках на перине и с пренебрежением взиравшего на толпу, которая с воплями стремилась туда, где египетский чародей показывал фокусы. Он вынимал из стоявшего рядом ящика сразу несколько змей, и гады обвивались вокруг его шеи и рук пестрыми изгибами, высовывая из открытой пасти ядовитое жало. Только его ворожба, по уверению чародея, делала их безвредными. Но не успел фокусник окончить свое представление, как новое зрелище привлекло внимание толпы.

Несколько стражников поспешно вели связанного раба, а за ним бежала вместе с двумя цеплявшимися за ее платье малютками женщина, отчаянно крича. Из-за тесноты произошла давка. Женщина бросилась к узнику и припала к нему,

плача и рыдая. Стражники грубо отталкивали ее. Наши путники должны были невольно остановиться и узнать в подробностях, в чем дело. Оказывается, некий господин прогневался на раба и приказал продать его в гладиаторы для предстоящего боя. Руфин попытался было со своим питомцем выбраться из толпы, которая осыпала несчастную женщину насмешками и издевательствами, но Алексий вдруг взял женщину за руку, прося толпу расступиться. Предстояло новое зрелище — толпа на мгновение стихла. Женщина метнулась было в сторону, стараясь вырваться, но Алексий остановил и стражников.

— Скажите мне, что случилось с вами? — спросил Алексий женщину с выражением неподдельного участия.

Женщина, плача, забормотала что-то на ломаной латыни, но бессвязную речь ее трудно было понять. К тому же рабыня вдруг заметила, что одного ее ребен-

ка, десятилетнюю девочку, оттеснила толпа. Несчастная не знала, что делать... Руфин, в свою очередь взяв Алексия за руку, уговаривал его идти далее, но Алексий решительно объявил, что не уйдет, пока не узнает всего. Он обратился к узнику по-гречески и узнал следующее.

Один из приближенных Иовиана[115] после войны с персами привез с собою в Рим из Эдессы[116] греческую семью. Семья на родине жила зажиточно, кормясь трудами рук своих. Муж был отличным архитектором. Римский вельможа пригласил его в Рим, обещая хорошие заработки в своих поместьях. Но каково было изумление несчастных, когда они узнали, что привезены в Италию в качестве военнопленных и должны навсегда распроститься со своей свободой. Сам Иовиан еще в Антиохии[117] утвердил права своего вельможи на семью несчастного архитектора. И вот после нескольких

лет усердного труда всей семьи, не терявшей надежды на освобождение, господин, разгневавшись, приказал продать архитектора в гладиаторы.

— Но скажи, в чем ты провинился? — спросил Алексий.

— Потерявши надежду на то, что господин наконец возвратит мне свободу, я написал просьбу самому императору, в которой изложил всю историю моего порабощения. Слышно, что нынешний император отличается справедливостью и великодушием, но бумагу у меня отобрали и представили господину.

— Руфин, я покупаю несчастного... Надеюсь, отец мне не откажет... Сколько желает господин твой получить за тебя?

— Но он должен быть гладиатором... Скоро игры...— заговорили в толпе.

— Во имя Спасителя, есть же у вас христианское чувство?! — воскликнул Алексий.

— Нечего, нечего, ведите его скорей! — закричали в толпе с озлоблением.— Он должен биться... Ты чего, глупая рабыня, вопишь на всю улицу?.. Гоните ее...

— Зачем? Она еще полюбуется, как ее возлюбленный отличится в борьбе...

— Молчать! — воскликнул повелительно Алексий.— Ведите узника за мной...

Немедленно поднялся невообразимый гвалт. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Руфин не заметил вблизи консула, окруженного ликторами, близкого родственника Евфимиана. Он бросился к нему и, вкратце объяснив, в чем дело, просил избавить их от толпы. При приближении консула чернь расступилась, и Алексий, не выпуская руки узника, направился к дому, сопровождаемый насмешками и угрозами толпы. Несчастная жена архитектора, не понимая ничего, тем не менее инстинктивно

чувствовала, что с ними произошла какая-то перемена к лучшему. Она молча шла за мужем, ведя за руки детей. Наконец все достигли палат Евфимиана.

Алексий не ошибся: его отец изъявил полную готовность выкупить несчастную семью. Архитектор попросил разрешения вернуться на родину. Однако, по желанию Алексия, на какое-то время согласился отправиться с женой и детьми на виллу Евфимиана, чтобы отдохнуть от пережитых тревог и огорчений.

Между тем описанное происшествие произвело сильное впечатление на восприимчивую душу Алексия. Он был сильно взволнован и долго не мог успокоиться.

— Скажи мне,— сказал ему Руфин, стараясь его утешить,— что так взволновало и расстроило тебя?

— Что за вопрос?! Возможно ли в благоустроенном государстве такое беззаконие?

— Пока рабство существует и признается законом, такие злоупотребления всегда возможны...

— Но почему же оно существует? Зачем так долго признается законом?

— Беда не в рабстве... Отношения между людьми бесконечно разнообразны, и иногда находиться в зависимости или быть под защитой сильного человека вовсе не худо... когда нет другой защиты, например... Худо то, что в рабе у нас не хотят увидеть человека, что на раба смотрят как на вещь, как на добычу военную...

— Но христианские государи могли бы изменить жестокие порядки,— возразил Алексий.

— В том-то и дело, что новое вино не вливают в старые мехи... Весь порядок, все законы, весь строй общественной и частной жизни сложились и окрепли во времена языческие. Как старику трудно и почти невозможно отстать от укоре-

нившихся привычек, так и нашему обществу трудно переродиться... И потому вот тебе совет мой: не слишком близко принимай к сердцу многое, что тебе покажется в жизни неправильным, противным твоим убеждениям...

— Такой совет легче дать, чем исполнить,— произнес Алексий после небольшого молчания.— Как?! Ты видишь брата на краю погибели — и у тебя хватает смелости сказать: что мне, мол, за дело? Подумай только, если все так начнут поступать... Тогда зачем же заповеданы нам святые евангельские наставления?

— Да у тебя не хватит ни сил, ни средств, если ты вздумаешь отзываться на каждый представившийся тебе случай так, как ты сделал это сегодня! Ты еще юн и неопытен, а я уже много видал на своем веку... Никогда мы, римляне, не переживали худшего состояния...

— И я уже знаю кое-что... Но ты действительно видел на своем веку не-

мало. Скажи же кратко: какое заключение вывел ты из всего виденного? — спросил Алексий.

— Вот какое заключение: если варвары не придут и не разрушат наших порядков, то они сами разрушатся... У нас нет народа, нет людей...

— Что это значит?

— Ты сейчас поймешь, в чем дело... У нас много богатых людей, и богатства их неисчислимы... Кроме этих богачей и рабы у нас в изобилии. Но и это еще не беда. Беда в том, что и рабы-то стали вырождаться из-за непосильных работ, угнетений... Они умоляют только о смерти, по крайней мере общественной смерти, они призывают кару на государства, ждут неприятелей, бегут к ним...

— Но если закон бессилен против зла, — сказал Алексий, — неужели мы, христиане, не можем бороться против недугов и бедствий?

— Увы, христианство, просветляя и возрождая отдельную личность, не в состоянии исправить зла, накопившегося веками... Языческие порядки, языческие нравы слишком укоренились и проникли в среду самих христиан... Осмотрись вокруг: кто у нас не питает ненависти к другому? Кто добр хотя бы со своими близкими? Кто считает себя обязанным быть милосердным?

— Ужасно! — воскликнул Алексий.— Но неужели среди этого множества злодеев не найдется людей добродетельных, которые бы оказали покровительство честным людям? Неужели пастыри Церкви не имеют достаточно твердости, чтобы удержать угнетателей?..

— Ты хорошо сказал сегодня утром, что у нас все как бы извратилось... У нас духовенство отдает деньги в рост, а менялы-сирийцы распевают по улицам, как духовные; купцы ведут войну, а солдаты торгуют; у нас бдительность отличает

воров, а начальство спит... — Горечь и озлобление слышались в голосе Руфина.

— Но есть же и среди нас чистые души, предавшиеся Богу вполне... Пойди на Авентин, на острова, в пустыни... Разве святая жизнь ревнителей благочестия не влияет на общество? — возразил Алексий.

— А чем они кончают? Не бегут ли они от нас? Кто населил пустыни Нитрийскую, Фиваидскую и Халкидскую? Не римские ли аристократки укрываются в обителях Востока? Лечение невозможно, когда никакие лекарства уже не действуют. И потому еще раз повторю тебе совет мой: без сомнения, ты не совершишь сам ни одного дурного дела, но не терзай себя напрасно на каждом шагу, при всяком случае, который возмутит твою душу... Одному Богу принадлежит суд над народами. Однако прощай, друг мой. Завтра — в путь...

Не успокоение принес Алексию этот разговор — он, напротив, лишил его спокойствия и мира. Всю ночь Алексий провел без сна, в тяжелых, угнетающих душу думах. И часто приходили ему на память слова, зароненные ему в душу отшельником: «Остерегайся мира... мир во зле лежит...» Порой ужас охватывал его душу и холодный пот выступал на лбу. Разве не живет он сам, да и вся семья его, среди порядков, насквозь пропитанных тяжким грехом язычества, не пользуется ли он сам благосостоянием, в основе которого лежит угнетение? Пусть ни он, ни отец его не виновны сами ни в чем, да и виновен ли человек в том, что гибнет в море, плывя на сгнившем корабле? Но не римлянин ли он? Не должен ли он будет разделить общую судьбу со всеми?..

— Да! Римлян гонит лишь судьба жестокая
За тот братоубийства день,

Когда лилась кровь Рема[118] *неповинного,*
Кровь правнуков заклявшая.*

8. ИСТИННЫЕ УЧЕНИКИ ХРИСТА

И с каждым годом разумом своим
И сердцем отдалялся он от мира,—
И ясно наконец уразумел
Ничтожество и тлен всего земного,
Уразумел богатства, власти бремя,
И суету всех почестей мирских,
И скверну всяких плотских
наслаждений...**

С особенным удовольствием Алексий в этот раз возвратился из Рима в деревню. С каждым приездом в столицу все тяжелее чувствовал он себя среди городской суеты, все больше и больше грусти навевали на его душу и

---

* *Гораций Флакк Квинт.* Эподы, 7 // Собрание сочинений.—СПб., 1993. С. 195.
** *Алмазов Б. Н.* С. 356.

пустота интересов, занимавших общество, и светские неискренние, лживые разговоры, и гонка за деньгами, за пустыми, порочными удовольствиями...

На этот раз мы застаем Алексия в его деревенской комнате во время оживленной беседы с отцом.

— Нет, это ужасно! — говорил Алексий.— Прекраснейшее из созданий — человек, с разумной, бессмертной душой, которой весь мир не стоит, с сердцем, способным биться благороднейшими чувствами, с волей, которая в состоянии покорить вселенную, низводится до положения рабочего скота, хуже того,— отводится в цирк, где проливают его кровь, где лишают его жизни для потехи обезумевшей праздной и бессмысленной черни... А те немногие, которые по своему положению, по богатству могли бы жить по-человечески, те, изнежившись и развратившись до крайности, проводят время в пустоте, в заня-

тиях, унижающих достоинство человека. Так крайности сближаются...

— Увы,— вздохнул Евфимиан,— так всегда было и прежде...

— Да, но никогда не было хуже.

— И это правда! — с грустью произнес Евфимиан и продекламировал:

Чего не портит пагубный бег времен?
Отцы, что были хуже, чем деды,— нас
Негодней вырастили; наше
*Будет потомство еще порочней**.

Как это давно и как верно сказано! — прибавил он.

— Но ведь при таких порядках самая жизнь среди нашего общества теряет цену. Скажи, что может дать мне общество? Славу? Но чем снискать ее? Не подвигами ли для поддержания порядков, осужденных на неминуемое разрушение? Нас душат, давят теперь плоды

---

* *Гораций Флакк Квинт*. Оды. III, 6 //Собрание сочинений.— СПб., 1993. С. 116.

победоносных подвигов наших предков, нас развращают несметные богатства, приобретенные не трудом честным, а ограблением вселенной, нас ужасает громада земель, защищать которые мы более не в состоянии. Что же еще остается? Придворные почести... Но ты сам избегал и избегаешь их. Дела благотворительные, милостыня, но ведь это — капля сравнительно с океаном зол и бедствий... Да и многие ли у нас думают о благотворении? Скажи мне, возможно ли чувствовать себя спокойным, зная, что окружен миллионами умирающих с голоду и доведенных до отчаяния рабов и разоренных сограждан?

— Ты позабыл, однако: *остается жизнь для Бога*,— сказал, вставая, Евфимиан.— Сейчас придет к тебе освобожденный тобою архитектор. Посоветуйся с ним относительно построек, о которых мы с тобой говорили.— И Евфимиан удалился из комнаты сына.

Алексий погрузился в размышления.

«Жизнь, вполне посвященная Богу...» Но возможна ли она среди окружающей нас обстановки? Что нужно для такой жизни? «Не любите мира,— сказано,— ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек. Дети! последнее время...» (1 Ин. 2, 15—18). В мире всюду — соблазн, он затягивает нас, как болото, опутывает нас миллионами сетей. Не стоит ли выйти из смрадного болота, пока бурные волны океана не затопили его, удалиться на возвышенное место и возвратить себе свободу движения?

«Исполняющий волю Божию пребывает вовек...» Но мир препятствует исполнению воли Божией. Не лучше ли

разорвать окончательно все связи с миром? И если отдаться служению Господу, следует отдаться Ему вполне, со всей свежестью нерастраченных сил... Мне нет места среди нашего разлагающегося общества, а между тем я охотно, с радостью, с самоотвержением отдал бы себя честной и полезной деятельности... Я люблю людей... Мое сердце разрывается от тоски и скорби при виде страданий... Но этот «мир проходит»... Да, он проходит... Может быть, на смену ему идет иной мир — мир свежих сил, мир варваров, и юные народы на заре своей жизни просветятся Солнцем Вечной Правды или при свете Его устроят свою жизнь иначе, чем старые, отживающие...

В это время в дверь комнаты кто-то тихо постучал. Это был архитектор. Алексий пригласил его войти.

— Здравствуй, друг мой! — сказал Алексий.— Ну, как ты себя чувству-

ешь, отдохнул ли? Что дети, жена? Хорошо ли им?

— Я не могу выразить тебе всей моей благодарности, благородный юноша. Я еще не пришел в себя от радости: порой мне кажется, что мое освобождение — не действительность, но я вижу чудный, прекрасный сон...

— Довольно об этом. Теперь скажи мне, отчего ты не хочешь остаться в Италии? Зачем так стремишься на далекий Восток?

— Не знаю, что будет дальше, но до моего отъезда мне спокойно жилось в Эдессе. Там жизнь проще, здоровее... Упорным трудом я добился скромного достатка. Прекрасно помню то время, когда утром перед отправлением на работу я ежедневно заходил в храм, построенный еще до прихода римлян, и взирал на чудный образ Спасителя... Как сейчас вижу эти черты, выражающие Божественное величие и неизреченную

кротость, вижу невыразимую словами тихую грусть в дивных очах... Скажу тебе: кто видел хоть раз в жизни это изображение, тот не может уже назваться несчастным...

— И это изображение все еще там сохраняется?! — воскликнул Алексий.

— Да кто же дерзнет поднять руку на нерукотворный образ! И для чего? Для того ли, чтобы лишить тысячи приходящих в Эдессу христиан величайшего утешения? Для того ли, чтобы иссушить неиссякаемый источник исцелений для всех приходящих с верою?

— Как счастливы твои сограждане! Но скажи, сохранились ли какие-нибудь предания в вашей стране? Какие подробности знаешь ты об обращении Авгаря[119], царя эдесского? Я слышал, что рассказ об этом находится в «Истории» Евсевия[120], но, к сожалению, еще не видал этой книги.

— А я, признаюсь тебе, ничего даже и не слыхал о Евсевии, да и вообще я человек малосведущий... Но я расскажу тебе то, что знаю. Авгарь, со славою правивший во время земной жизни Спасителя, однажды занемог страшною болезнью и, наслышавшись о чудесах Господа, послал к нему одного из своих слуг с мольбою об исцелении. Господь ответил Авгарю, что пришлет в свое время к нему одного из Своих учеников для исцеления от болезни и вместе с тем для спасения как его, царя, так и всех близких ему людей. Прошло немного времени, и вот, по вознесении Спасителя на Небо, в Эдессу приходит апостол Фаддей, один из числа семидесяти. Пришлец остановился в доме Товии, сына Товии. Слух о учении и чудесах пришлеца достиг до Авгаря, который сразу понял, что пришлец — это тот самый, о котором возвещено ему было через посла от Господа.

Призвав Товию, Авгарь сказал ему:

— Дошло до меня, что у тебя в доме остановился и пребывает дивный муж, пришедший из Иерусалима. Говорят, он совершает много исцелений именем Иисуса... Правда ли это?

— Да, государь, все это — сущая правда.

— Ступай и немедленно приведи его ко мне.

Вернувшись от царя, Товия сказал апостолу:

— Уважаемый гость, государь приглашает тебя к себе.

— Я готов,— ответил Фаддей.— К нему-то, собственно, я и послан.

Когда Фаддей предстал перед царем, тот восседал на троне, в полном блеске и величии своего сана, окруженный своими вельможами.

Лишь только царь увидел Фаддея, на лице его изобразился благоговейный трепет, и, сняв свой венец, он сошел с

престола и отдал апостолу земной поклон. Все были страшно поражены столь необычайным поступком.

— Правда ли,— спросил Авгарь,— что ты — ученик Иисуса, Сына Божия, Который некогда возвестил мне, что пошлет ко мне одного из учеников Своих, а тот исцелит меня от болезни и дарует жизнь как мне, так и всем моим?

— По великой вере твоей я действительно послан к тебе Господом. Веруй всем сердцем — и исполнятся все благие твои желания.

— О, я уже уверовал в Него...

— Господу и Богу нашему Иисусу Христу надлежало исполнить волю Отца Своего... Совершив все, предназначенное от века, Он вознесся к Отцу, и вот во имя Его я возлагаю на тебя руку мою...

Мгновенно Авгарь почувствовал, что тяжкий недуг покинул его.

Невозможно описать изумления и радости, овладевших всем собранием при виде столь явного чуда, совершенного без всяких лекарств и трав.

— Друг Божий, коснись и меня! — воскликнул Авд, сын Авгаря, страдавший подагрой, и бросился к стопам Фаддея.

Апостол осенил его, и — новое чудо и новое изумление...

— Поистине сила Божия действует чрез тебя! — воскликнул Авгарь.— Расскажи же нам в подробностях о пришествии Сына Божия...

— Завтра всенародно возвещу о Божестве и славе Спасителя нашего. Ты же распорядись собрать народ...

На следующий день площадь была уже с утра полна народа. На возвышенном месте восседал Авгарь, а рядом с ним — апостол. Тысячи глаз смотрели на апостола. Несмотря на многочисленность толпы, тишина стояла полная...

Апостол отверз уста и начал возвещать о том, как совершилось пришествие Господа на землю, о цели Его посланничества, о силе дел Его, о великих возвещенных Им тайнах, о Его искупительной смерти и победоносном воскресении, о том, что Он восседает одесную Бога Отца, превознесенный Божественною Славою, и снова приидет со славою судить живых и мертвых...

И не забудет Эдесса, пока стоит, того дня, когда тысячи горожан во главе со своим государем спешили омыться водою крещения и принять благословение от апостольских рук.

Говорят, Авгарь предложил апостолу много серебра и золота, но услыхал от него в ответ: «Мы оставили свое. Как же возьмем чужое?»

— Вот что рассказывается в Эдессе.

— Благодарю тебя, мой друг... Прости, беседа наша несколько затянулась; я не стану более удерживать тебя. Пред-

полагавшаяся постройка... Я не думаю более о ней. Прощай.

Архитектор удалился.

«Мы оставили свое. Как же возьмем чужое?» — повторил Алексий слова апостола. Вот как поступали истинные ученики Иисуса Христа...

9. НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Родители, с любовию радея
О счастии единственного сына,
Нашли ему достойную невесту
Из царственного кесарского роду,
Прекрасную лицом, умом и сердцем,
И обручили с нею Алексия,
В церкви Божьей честно повенчали...*

— Возможно ли было, дорогой мой Руфин, предполагать, что твой питомец, который в детстве был столь живым и веселым ребенком,

* *Алмазов Б. Н.* С. 356.

превратится в серьезного не по летам и сосредоточенного в себе юношу,— говорил однажды Евфимиан Руфину, прогуливаясь вместе с ним по парку своей виллы.

— А замечаешь ли,— сказал Руфин,— как этот юноша, с его нежным сердцем, эта, по-видимому, мягкая до женственности натура умеет держать себя так, что невольно подчиняет себе все окружающее? Он никогда не позволит себе обидеть кого-либо словом, а между тем все боятся оскорбить его даже малейшим проступком. Часто одного его тихого появления, одного кроткого взгляда бывает достаточно для прекращения ссоры. Но всего более меня удивляет необыкновенная проницательность его ума, верная оценка людей и событий. Часто он расспрашивает меня как человека, много видевшего на своем веку, но я давно уже заметил, что в разговорах со мною он проверяет только

свои, гораздо более глубокие соображения и то, что многим дается как результат многолетней опытности, у него является плодом какого-то вдохновенного проникновения... Я не говорю уже о строгой его религиозности: отношение к Богу — это, так сказать, святая святых его души...

— Признаюсь тебе,— сказал Евфимиан после недолгого молчания,— что все это и радует и пугает меня. Что ему предстоит в жизни? Какое поприще он изберет для себя? По-видимому, самая мысль о какой-либо деятельности далека от его сердца...

— Да, в нем не заметно таких интересов и устремлений, которые обыкновенно сближают человека с обществом. Он живет в доме как строгий аскет, прилежно читает о жизни подвижников Востока и живо интересуется рассказами о Палестине и Египте. На мой взгляд, здесь кроется опасность...

— Но, может быть, женитьба, семейные узы...

— Я сам не раз думал об этом,— с живостью подхватил Руфин,— хотя, признаюсь...

— Что у тебя на уме? Скажи мне все.

— Я мало надежд возлагаю на то, что это легко было бы устроить, хотя не могу решительно отрицать, что сильная, глубокая привязанность может несколько изменить его настроение и хотя бы отчасти возбудить у него интерес к общественной жизни...

Подобные разговоры возобновлялись не раз. Идею женитьбы сына с особенной настойчивостью поддерживала Аглаида. Однако прямо заговорить об этом с самим Алексием ни родители, ни Руфин не решались. Следующее обстоятельство помогло им в разрешении этого важного вопроса. Евфимиан получил известие от своего дальнего родственни-

ка Квинтилла, богатого римского аристократа, что тот со всем своим домом прибудет к нему погостить на несколько дней. Своя вилла у Квинтилла перестраивалась, между тем в соседнем городе появилась заразная болезнь, которая сильно напугала сенатора. Нельзя сказать, чтобы Евфимиан особенно обрадовался приезду Квинтилла: несмотря на то что последний был другом и товарищем его детства, слишком уж разошлись они на жизненном пути; но отказывать в чем-нибудь было не в характере Евфимиана. Квинтилл был знатный вельможа, находившийся в родстве с императорским домом. Сам он был вдов и бездетен, но под его опекой жила у него племянница, молодая девушка. Сверх того, он окружал себя постоянно толпою шутов и паразитов, с некоторыми из которых он даже никогда не расставался.

В доме не успели окончить всех приготовлений, как знатные гости уже при-

ехали. Евфимиан радушно встретил Квинтилла, который поспешил познакомить все семейство хозяина со своей племянницей — круглой сиротой. Она была дочерью сестры Квинтилла и еще в детстве потеряла своих родителей. Ее мать перед смертью усердно просила состоявшую с ней в близкой дружбе Марцеллу взять ее юную дочь под свое покровительство.

История не сохранила нам имени этой девушки. Это не случайность: вглядываясь в скорбный облик ее, как он представляется нам по обстоятельствам всей ее жизни, мы заметим, что отличительными чертами ее характера были тихая преданность, скромность, самоотвержение и глубокая вера в Провидение. Но не будем забегать вперед. Среди благочестивого авентинского общества ее, по ее собственному желанию, называли «юная Марцелла» — так будем называть и мы. Она всем сердцем привя-

залась к своей воспитательнице: Марцелла представлялась ей идеальным существом, с которым она мечтала никогда не расставаться. Но судьба решила иначе.

Когда ей минуло пятнадцать лет, дядя взял юную Марцеллу в свой дом. Сколько слез пролила она при расставании с авентинскими отшельницами! Сколько искренних, теплых чувств и пожеланий выражено было с той и другой стороны! С какой радостью Марцелла отправлялась на Авентин, когда ей удавалось выпросить на то позволение у дяди. Наконец и эти посещения прекратились. Однажды Квинтилл заговорил со своей племянницей о замужестве. Марцелла почтительно, но решительно заявила дяде, что она пока еще не думает о браке. Приписывая нерасположение к замужеству влиянию Авентина, Квинтилл запретил Марцелле ходить туда. Это произошло незадолго до приезда Квинтилла

на виллу Евфимиана, и потому неудивительно, что в семействе Алексия все с первого раза заметили на юном лице Марцеллы отпечаток тихой грусти.

После первых приветствий Евфимиан пригласил гостей к столу.

— Ты не прогневайся,— сказал Квинтилл,— я к тебе явился со свитой... Что делать! Привычка — вторая натура. Позволь представить тебе моего Басса... Это веселый балагур и мой неразлучный спутник.

Трудно представить себе что-либо более отвратительное, чем римский паразит времен упадка империи. Вот как описывал современник черты, отличавшие паразитов: «Паразит грязнее, безобразнее полуобгорелого трупа, свалившегося случайно с погребального костра, когда сам могильщик не соглашается снова запихнуть его в пламя... У него есть глаза, но они, подобно болотам Стикса[121], слезятся во тьме. Паразит от-

личается большими ушами, как у слона, покрытыми кожей со струпьями... Нос у него с широкими ноздрями и узкой переносицей — отсюда противный вид и дыхание спертое... Рот — окаймленный свинцовыми губами, с звериной пастью... Лоб — сморщенный отвратительным образом, с длинными бровями... Бледное лицо — как будто испуганное привидениями...»

Внутренние качества вполне соответствуют внешнему виду: «Беспощадные сплетники, они выдумывают слухи о преступлениях и преувеличивают худую молву; они много говорят, но ничего не скажут; желают смешить, но не веселят; высокомерны, но не постоянны; любопытны, но не проницательны; они мужиковаты от излишнего старания быть изящными в манерах; они удивляются всему настоящему, осмеивают прошедшее и презирают будущее. Паразиты назойливы, когда чего-нибудь домогают-

ся; раздражены, получив отказ; они жадны... Их дело — изменить тайне, оклеветать... Они ненавидят пустоту в желудке и ищут обедов, хвалят не тех, кто хорошо живет, но тех, кто хорошо кормит. Такой человек, однако, сам очень скуп, и для него чужой хлеб — самый вкусный; дома он ест только то, что ему удается стянуть на чужом пиршестве...»

— Хорош экземпляр?.. Ха-ха-ха...— покатывался со смеху Квинтилл, замечая смущение Евфимиана.— Ты не очень стесняйся с ним: он у меня приучен ко всему...

За столом Квинтилл разошелся еще более. Ему пришло в голову потешить общество рассказами своего паразита.

— Ну-ка, Басс, расскажи, расскажи... Ты много кой-чего видал на своем веку...

— С величайшим удовольствием. Вот, например, происшествие, случившееся недавно со мною. Дело было но-

чью... Шел я с одним путником... Луна ярко светила, небо было безоблачно, было так светло, как в полдень. На дороге попадаются нам надгробные памятники. Мой спутник вдруг остановился, снял свое платье — и обратился в волка...

— В волка, Басс! — прервал рассказчика Квинтилл, громко смеясь.— Что-то невероятно...

— Клянусь, что это — сущая правда! Слушай, что было дальше... Я взглянул на его платье — оно уже стало камнем...

— Послушай, Квинтилл, скажи мне лучше, не слыхал ли чего нового в городе,— в свою очередь прервал рассказчика Евфимиан.

— Что нового? Пришли послы с Востока и принесли известие, что в соседстве с готами[122], в Скифии, появились какие-то новые варвары, о которых рассказывают ужасы. Признаюсь, я не желал бы видеть их в соседстве с нами...

Зовут их гунны...[123] О происхождении их рассказывали так. Заметили готы, что между ними завелись какие-то ведьмы. Они были изгнаны в степи. Там нечистые духи, увидев ведьм, скитавшихся в пустыне, сочетались с ними и породили этот безобразный народ, гуннов. Гунны, говорят, сначала жили в болотах, видом малорослы, грязны и гнусны, едва похожи на людей. Размножившись быстро в целый народ, они начали грабить своих соседей... Гунны свирепы даже со своими новорожденными: они оружием уродуют им лица, чтобы впоследствии они тем страшнее были для врагов. Ростом невелики, но проворны. Отличные наездники и стрелки из лука... Германарих, король готов, слышно, не на шутку побаивается этих соседей...

— Что-то и в твоем рассказе мало правдоподобного,— заметил Евфимиан.

— Желал бы я и сам не верить, но в том-то и беда, что выдавали эти извес-

тия за правду. Говорят, что скоро услышим о страшной войне готов с гуннами, и Бог знает, чем кончится эта война... Да, признаться надо, что подчас, как подумаешь, тяжело и жутко становится на сердце, а тут еще эти проклятые сны...

— Это что еще такое? Ты, кажется, прежде не отличался суеверием,— удивился Евфимиан.

— Да, со временем и люди меняются... Снилось мне, будто у нас в Риме, на Форуме, столпилось множество варваров, точно собравшихся со всего света: одни — малорослые, худощавые и смуглые, другие — исполины с зеленоватыми глазами и русыми волосами; одни — нагие, увешанные ожерельями, браслетами, кольцами, другие — закутанные в кожи, в броне; у одних — на головах шлемы, похожие на пасти диких зверей, другие — с бритыми подбородками, с длинными бородами и усами. Шум,

гвалт. Варвары размахивают дубинами, секирами, пращами, издают пронзительные крики. Слышатся звуки трубы, ржание и топот коней, визг детей и женщин, рев звериный... Конечно, все это оттого, что наслушаешься разных разговоров и рассказов... Я уж лучше буду скорее проводить время с Бассом и ему подобными, чем слушать людей вроде Аммиана Марцеллина[124], который много говорил об этих гуннах... Только нервы расстраиваются... А на днях по делам моей Марцеллы пришлось побывать на Авентине в обществе наших благочестивых отшельниц — там только и речей, что о кончине мира. Эти страшные землетрясения последних времен, эти ужасные наводнения — все это там считается за предзнаменование еще более страшных бедствий... Всего не переслушаешь... Ну-ка, Басс, что ты сидишь нахмурившись? Или еще недостаточно набил свой желудок? Скажи-ка что-нибудь повеселее...

— На наш век хватит...

— А потом?

— Потом? А что тебе за дело до того, что будет после тебя?

— Хорошо сказано, Басс... Ты не думай, что он у меня всегда лжет или говорит глупости,— обратился Квинтилл к Евфимиану.— А все-таки лучше было бы не слышать ни о каких землетрясениях, ни о гуннах... Хорошо еще, что от нас далеко...

— Близко, близко, все ближе! — донесся вдруг громкий крик снаружи.— Берегитесь...

— Что это значит?! — вскричал Квинтилл, побледневши вдруг, и бросился к окну.

Оказалось, что в парке появилось бешеное животное, которое перепугало домочадцев Евфимиана. Рабы, вооруженные дубинами, старались убить его или, по крайней мере, прогнать из парка. Этот случай окончательно расстроил суе-

верного Квинтилла, который вместе со своим паразитом поспешил удалиться в приготовленные для них покои.

Завтрак произвел тяжелое впечатление на всех, особенно на Алексия. К тому же ему почему-то сделалось очень жаль бедную девушку, которая, как это ясно было для него, мало привыкла к обществу своего дяди и смотрела все время на него с выражением неподдельной грусти в прекрасных, выразительных очах. Аглаида увела Марцеллу в свою комнату. Она помнила хорошо ее мать и желала теперь оказать сироте самое радушное гостеприимство. Теплота и участие Аглаиды скоро вызвали Марцеллу на откровенность, и она в простых и искренних словах изобразила перед Аглаидой свое положение. Во время рассказа слезы не раз блестели на глазах Марцеллы. Она, по ее словам, мечтала никогда не расставаться с Авен-

тином, но судьба решила иначе... Она должна повиноваться...

Аглаида с самого начала полюбила юную Марцеллу: ее детски чистая душа, ее простые, задушевные речи, приятный голос, кроткий взгляд — все располагало в ее пользу. Когда по прошествии нескольких дней Квинтилл, соскучившись на вилле, стал собираться обратно в Рим, Аглаида попросила его оставить погостить у них свою племянницу, на что тот охотно согласился.

— У вас все-таки не монастырь, как там, на Авентине,— сказал он улыбаясь.

После отъезда Квинтилла жизнь в доме Евфимиана пошла обычным порядком...

Вставши с жесткого ложа рано утром, Алексий прежде всего повергался в теплой молитве перед распятием и просил у Бога (так его учили с юных лет) сохранить его от греха и соблазнов в наступающий день, просветить ум и сердце бла-

годатью Святого Духа. На нем — жесткая власяница, препоясанная ременным поясом. По окончании молитвы, надев поверх власяницы свое обыкновенное платье, он отправлялся приветствовать родителей, к которым питал теплую сыновнюю преданность. Если кто-либо из слуг, живших на вилле или в ее окрестностях, заболевал, Алексий в сопровождении Руфина спешил навестить больного и позаботиться о надлежащем уходе за ним.

Возвратившись к себе в комнату, он посвящал часть времени внимательному чтению слова Божия, распределив это чтение таким образом, чтобы в течение года удалось ему прочитать всю Библию.

Евангелие, апостольские Послания и Псалтирь составляли как бы исключение: с ними он, можно сказать, никогда не расставался. Затем он переходил к назидательному чтению сочинений отцов

и великих учителей Церкви, выбирая то, что особенно его интересовало в то или другое время, ища разрешения возникавших у него недоумений.

За столом обыкновенно собиралось все семейство, а также гости, которые почти никогда не переводились в доме Евфимиана. Нередко в числе гостей встречались пришельцы с Востока — священники и иноки, так что Алексий, живо интересовавшийся всеми событиями церковной жизни, имел возможность хорошо ознакомиться с современной историей Церкви. На Востоке в это время Валент[125] воздвиг гонение на православие, и многие искали убежища на Западе.

После полудня Алексий посвящал всегда несколько часов физическому труду в парке или на постройках, находя, что работа на свежем воздухе укрепляет тело и поддерживает бодрость духа. Вечером снова, особенно если не было за-

нятий по управлению многочисленными имениями (часть своих хозяйственных забот Евфимиан возложил на сына), Алексий посвящал себя богомыслию, продолжительной и горячей молитве.

Так проводил свое время Алексий, не подозревая о тайных думах и заботах родителей. Но в скором времени все изменилось...

10. РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Квинтилл, в сущности, был очень доволен тем, что его племянница осталась в доме Евфимиана. Она его стесняла. Он любил попировать — пиры его нередко оканчивались игрой по-крупному или оргиями. Причина, побудившая его забрать молодую девушку от Марцеллы, заключалась в тайном опасении, что духовенство и благочестивые подруги, уговорив ее отказаться от

замужества, постараются воспользоваться огромным наследством (которым он бесконтрольно распоряжался в качестве опекуна), имея целью благотворительность или построение монастырей на Востоке. Теперь он был на этот счет совершенно спокоен. Поэтому, навещая Евфимиана на вилле или в городе, куда семья Евфимиана приезжала всякий раз перед наступлением великих церковных празднеств, он всегда охотно соглашался оставить юную Марцеллу на попечение Аглаиды.

В семье Евфимиана все полюбили кроткую и тихую Марцеллу. Аглаида привязалась к ней как к родной дочери и не раз говаривала про себя, что не желала бы для своего сына лучшей супруги. Она с удовольствием замечала, что сближение между молодыми людьми все более возрастало. Ничто так не сближает, как известного рода душевное настроение. Алексию нечасто приходилось раз-

говаривать с Марцеллой: Марцелла отличалась молчаливостью и была, особенно вначале, очень застенчива. Однако оба скоро почувствовали, что между ними мало-помалу устанавливается тесная нравственная связь. Марцелла представлялась Алексию нежным благоухающим цветком, которого не коснулось еще дыхание холода или иссушающего зноя. При всей необыкновенной простоте, при всей житейской неопытности Марцеллы в ней была видна глубокая поэзия и богатства внутреннего мира души, возвышенность духовного строя. «Зачем,— часто думалось ему,— зачем вырвали это нежное, прекрасное растение из цветника, где ему было привольно расти?» А сердце сначала робко, затем все громче и громче подсказывало ему ответ, созвучный тайным желаниям его родителей... Но Алексий не допускал пока еще мысли о семейных узах, хотя и замечал, что Марцелла всякий

раз все с большей охотой прислушивается к его словам, все откровеннее высказывается перед ним, что нравственная связь между ними становится все неразрывнее...

Тихий весенний вечер. Роса, озаренная алым сиянием, блестела изумрудами на цветах. На гладкой поверхности озера отражались картины расцветавшей природы. Роща стояла охваченная пурпуровыми лучами заходящего солнца. На огнистом багряном краю облаков показывались звезды. Воздух был насыщен благоуханием распускавшихся цветов. Кругом было тихо и мирно, лишь издали доносился звук пастушьей свирели. Марцелла показалась на террасе и, постояв несколько минут, сошла в парк. Взглянув на садящееся солнце, на рощу и озеро, некоторое время она стояла неподвижно, как бы наслаждаясь красотою вечера; в прекрасных чертах ее лица выражалось присутствие вдохновенной

мысли. Чистая душа ее горела восторгом, и казалось ей, что тот же восторг разлит и в запахах цветов, и в блеске заходящего солнца, и в журчании ручья, и в тихом шелесте листьев... «О Блаженный, Живущий в пречистых обителях небесных, Содержащий все вечною властию Своею!..»* — тихо произнесла она. Ей, особенно в эту минуту, хотелось бы поделиться мыслями с родною душою; поэтому она так обрадовалась, увидев Алексия, которому уже и привыкла поверять свои думы.

— Как часто кажется мне,— воскликнула она,— что Божество близко к нам, людям, что о Нем говорит нам всё — от былинки до ясных звезд, что этот мир создан для блаженства, для радости во славу Небесного Отца!

— О, если бы такая же гармония, какая порой замечается нами в природе,

* Святой Мефодий Патарский[126]. Пир десяти дев//Полное собрание творений.— СПб., 1877. С. 110.

царствовала и между людьми! — вздохнул Алексий.— Но — увы! На эту прекрасную землю против воли приходится часто смотреть как на юдоль печали и плача...

— Отчего же? Скажи мне...

— Ты, чистая, не знаешь мира. Но припомни минувшие века: сколько братской крови обагрило эту землю! Сколько слез поглотила она! А если являлся среди людей избранник Неба и, озаренный Солнцем Вечной Правды, поражал их слух грозной речью обличения и указывал на высшее призвание, толпа с проклятием и злобным смехом разбивала сосуд священный. Не шел ли Израиль за Моисеем[127] по морю как по суше? И что ж? В то время как пророк в сиянии Божьей Славы получал скрижали[128] Вечного Закона, толпа плясала вокруг золотого тельца... Среди тьмы язычества блеснул луч света. Сократ вещим духом приближался к истине и, разру-

шая предрассудки, указывал на стезю добродетели... И толпа его осудила на смерть. Но что я говорю? Когда Спаситель наш, безмолвный, величавый, стоял перед Пилатом[129], в награду за Его благие дела и речи не слышались ли вопли: «Распни, распни Его и отпусти разбойника Варавву!..» (ср.: Лк. 23, 18, 21). А что у нас? Какой гражданин у нас не ненавидит другого гражданина? Кто вполне расположен к своему соседу? Все далеки друг от друга: живут в одном доме, а в мыслях, в сердце — порознь. О, если бы это худшее из всех зол ограничивалось согражданами и соседями! Родственники не чтут уз родства. Кто добр со своими близкими?.. Кто из родственников не снедается злобою, у кого чувство не отравлено желчью, кто не завидует, не казнится благополучием другого? Кто у нас не желает погубить другого для собственного благополучия? Ужасно...

— Но неужели жизнь, посвященная добру и правде, пройдет бесследно для людей? Ужели голос благородный даром прозвучит в этом мире?

— О, блажен, кто для высшего призвания истощит свою жизнь в борьбе, трудах, лишениях, «не сотворив себе кумира ни на земле, ни в небесах!..» (ср.: Втор. 5, 8). Но знаешь что? У египтян был обычай: среди разгара пира, шумного веселья, среди оживленных застольных речей торжественно и тихо вносили усопшего, и немая проповедь его была красноречива... Когда бессильны все слова святые,— лишь подвиг и страдания целой жизни, лишь полное отречение от мира и от всего, что дорого и мило сердцу, может быть, еще смутят окаменевшие сердца.

— Не это ли призвание повлекло в пустыни святых отшельников?

— О, несомненно... Погрязшему в пороках миру надлежало противопоста-

вить иной мир, который изумил бы людей своим величием. Всякое время имеет свои задачи... Во все времена, когда вера во Христа еще не восторжествовала над миром, нужно было насаждать ее и поливать святое семя кровью мучеников. Своею смертью они свидетельствовали истину своей веры, и мир уверовал. Теперь надлежит показать миру, как жить сообразно вере. Иночество — продолжение мученичества... И отдаление от мира необходимо, чтобы урок был ясен для всех, чтобы светильник стоял на верху горы, чтобы всякий ясно видел бездну, разверзающуюся между лежащим во зле миром и святостью избранников Божиих...

— Какой высокий и прекрасный подвиг! — воскликнула Марцелла.

— Но как он труден! — заметил не без волнения Алексий, внимательно смотря на свою собеседницу.

— Тому не труден, кто любит Бога и брата,— скромно опустив глаза и слегка покраснев, ответила Марцелла.— Но мне все-таки грустно...

— Отчего?

— Мне так хотелось бы видеть здесь, на земле, счастье и радость...

— Не жди и не надейся... Только там,— продолжал Алексий, указывая на небо с показавшимися звездами,— только там мы преобразимся, там узрим Бога и отдадимся одной бесконечной песне во славу Отца. Там нам откроется то, что темно на земле. Что здесь скрывается во мгле — там явится премудро, светло и прекрасно, там все станет на свое место. Там забудется грех и скорбь земли... О радость выше слов и меры! Там мы узрим и Того, Кто указал нам путь на Небо... Горе мгновенной жизни там исчезает как дым, как капля в беспредельном океане, как ночная тень от ярких лучей солнца...

С восторгом внимала Марцелла словам Алексия. Он был прекрасен в своем одушевлении, он ей казался светлым ангелом, парящим к Небу...

Вдруг в эту самую минуту перед ними точно из-под земли вырос Басс в сопровождении слуги из дома Квинтилла. Ядовито улыбнувшись, паразит подал Марцелле письмо от дяди. Марцелла не успела еще окончить чтение письма, как слабо вскрикнув, молча опустилась на скамью. Лицо ее было бледно, грудь высоко подымалась, по щекам текли слезы...

— Что это значит? — спросил Алексий.— Боже! Что с ней?

— Дядя и опекун извещает Марцеллу об устройстве ее судьбы: один из его лучших друзей просил руки Марцеллы и дядя заранее обещал ее согласие,— отвечал Басс...

Сильное внутреннее волнение овладело Алексием, который не мог сдержать

своих чувств. Придя несколько в себя, он быстро проговорил Бассу:

— У тебя, вероятно, есть письмо к отцу... Ступай в дом... Тебе необходим отдых, иди подкрепи себя. А я... я позабочусь о Марцелле...

Басс без слов, но с улыбкой повиновался. Оставшись с Марцеллой, которая, с глазами полными слез, по-прежнему сидела молча, бессильно опустив руки и выронив письмо, Алексий почувствовал жгучее чувство жалости и еще другое, более глубокое и нежное чувство... Он понял, как дорога ему Марцелла...

Он молча склонился перед девушкой и поцеловал ее руку. Она взглянула на него своими кроткими очами, и сколько любви и преданности сказалось в этом взгляде!

— Этого не будет, Марцелла! — воскликнул Алексий. — Я не отдам тебя...

— О Боже! — смогла только сказать девушка, в избытке счастья положив на плечи юноши свои руки.

Алексий взял Марцеллу за руки и отвел ее в комнату матери. Более в тот вечер между ними не было сказано ни слова, но оба поняли, что судьба их отныне связана неразлучно.

Алексий не успел еще прийти в себя от взволновавших его чувств, как на пороге его комнаты показался паразит. Алексий вздрогнул.

— Что тебе нужно, Басс? — спросил он.

— Я все знаю... Хочешь ли, чтобы Марцелла принадлежала тебе?.. Нет, погоди, не прерывай меня... Я видел вас... Квинтиллину нужны деньги, он сторговался с женихом Марцеллы... Отдай ему половину ее богатства, и она — твоя... Но не забудь моей услуги...

— Басс, прошу тебя оставить мою комнату,— произнес Алексий, тяжело дыша.— О Боже...

— Не забудь меня! — крикнул, уходя, паразит.

— Ужасно!.. О ней уже торгуются... Ее душа стремится к Небу, а здесь... Нет, все это нужно прекратить! Я спасу ее... Боже, помоги мне...— И Алексий отправился в комнату Марцеллы.

11. ВЗАИМНОЕ ЧУВСТВО

Войдя в комнату Марцеллы, Алексий не застал ее. Она была еще у Аглаиды. На столе девушки кроме книг Священного Писания он заметил несколько свитков, которые, по-видимому, чаще других бывали в руках Марцеллы. Кое-где были сделаны отметки — то были мысли и святые наставления, которые особенно привлекали внимание Марцеллы.

«Когда Божественная благодать не находит препятствий своим действиям в

сердце человеческом, то она постепенно искореняет в нем все страсти, как те, которых семя скрывается в теле человеческом, так и те, которые рождаются собственно в сердце...

Когда вселится Дух Божий в человека, то облегчает ему все дела его; иго Божие становится легким для него... Тогда человек не чувствует ослабления ни в исполнении добродетелей, ни в служении Богу, ни в ночных бдениях; он не гневается, когда другие оскорбляют его; и не имеет никакого страха ни к человеку какому-нибудь, ни к зверю, ни к духам злобы... при нем днем и ночью находится радость Господня; она питает его и просвещает ум его... И <человек> уже ясно чувствует, что привязанность к суетным удовольствиям мира сего и возвращение к жизни порочной гибельны для него. Тогда душевный взор человека на окружающие его предметы просвещается, душа и тело очищаются и в чистоте

своей действуют согласно между собою... Господь по любви Своей к благочестивому человеку иногда подвергает его несчастьям, чтобы он не гордился, но постоянно пребывал в труде и возрастал в добродетели. Если человек тверд и мужествен, то Бог возлагает на него бремя трудов или повергает его в бессилие, вместо радости дает ему печаль... вместо сладости — горесть... любящий Бога... стараясь преодолеть <бедствия>... более укрепляется. Когда преодолевает их, то Дух Святой вспомоществует ему во всем, так что человек уже не боится никакого зла... Когда душа человеческая возвращает первобытную свою чистоту, то тело уже теряет свое господство над нею, ибо тогда оно зависит от воли души, которая и предписывает ему правила воздержания в пище и питии и управляет им во всех его действиях. Если душа постоянно повинуется внушениям Духа Святого и терпеливо переносит труды

покаяния, то милосердый Творец взирает благосклонным оком на все ее подвиги... на долговременный и строгий пост, бдение, размышление при чтении слова Божия, непрестанную молитву, на искреннее и чистосердечное служение всем людям, на нищету духа. Преблагий Бог наконец освобождает ее от всех искушений и изливает ей духовное утешение»*.

«Священное Писание говорит, что "лучше муж долготерпелив паче крепкого" (Притч. 16, 32). Итак, будем долготерпеливы, поелику в долготерпеливом Бог обитает... Незлобие — источник Жизни Вечной. Человек незлобивый... подобен Богу... он есть жилище Святого Духа... С коварным человеком не сообщайся и даже не прикасайся к нему, но удаляйся от него так, как от гнию-

---

* Святой Антоний Великий. Письма к монахам. Письма 1 и 18//Христианское чтение.— СПб., 1826. Ч. 22. С. 44—45, 48, 52; там же, 1829. Ч. 35. С. 142—143, 150.

щего трупа. Лучше <жить> вместе со зверями, нежели с коварным человеком...

Старайтесь быть смиренными и удаляйтесь гордости, свойственной диаволам. Гордость презренна пред Богом, ангелами и святыми Его... По причине гордости Небеса преклонились, основания земли потряслись, бездны возмутились и ангелы лишились славы своей и сделались диаволами... По причине гордости ад получил бытие свое и вечные наказания уготованы... <От гордости> все возмутилось и пришло в беспорядок... Гордость нечиста пред Богом, но смирение и сокрушение сердца благоугодны Богу. Само милосердие Божие... смирило себя даже до смерти, смерти же крестной...

Будем обуздывать язык наш, чтобы не произносить никаких худых слов. Худое слово вреднее всякого яда. Рану, причиненную ядом, можно исцелить, но худого слова, когда оно произнесено, возвратить нельзя. <Язык клеветника

или ропотника> посевает зло между ближними и разрушает весьма многие полезные общества... Язык клеветника подобен жалу змеи... Как убийца мечом умерщвляет тело, так клеветник словами умерщвляет душу... Блажен тот человек, который хранит свой язык, который предохраняет себя и от самых малых грехов...

Не все могут носить тяжкое бремя девства. По сей причине оно... предоставлено свободе <желающих>. Девство есть печать совершенства, подобие ангелам, духовная и святая жертва. Оно есть знак, указывающий путь к совершенству, есть венец, сплетенный из цветов добродетели, есть благоухающая роза, оживляющая всех находящихся близ нее, есть великий дар Божий, залог будущего наследия в Царствии Небесном...»*

---

* Святой Антоний Великий. Двадцать слов к монахам. Слова 3, 4, 5, 10, 17, 19 и 20// Христианское чтение.— СПб., 1825. Ч. 20. С. 298—299, 301—302, 309—310, 322—323, 326—327.

А вот на особом столике лежит книга, только что прочитанная Марцеллой: «Пир десяти дев». Вот мысли, вот чувства, изложенные в книге; вот что говорит одна из дев, обращаясь к Небесному Жениху:

«Я делаюсь невестою Слова и получаю в приданое вечный венец нетления и богатство от Отца; и вечно торжествую, увенчанная блестящими и неувядающими цветами мудрости; ликую на Небе с Мздовоздаятелем Христом близ Безначального и Бесконечного Царя. Я стала свещеносицею незаходимого света и воспеваю новую песнь в обществе архангелов, прославляя новую благодать Церкви...

Забыла я отечество (ср.: Пс. 44, 11), ища Твоей благодати, забыла хоры сверстниц-дев и гордость матери и родных, ибо Ты Сам, Христе, все для меня. Для тебя, Жених, я девствую и, держа горя-

щие светильники, Тебя встречаю я (ср.: Мф. 25, 7)...

О Блаженный, Живущий в пречистых обителях небесных, Содержащий все вечною властию (Своею)! Приими и нас, предстоящих, Отче, вместе с Сыном Твоим внутрь за двери жизни...»*

«Чистое существо, душа, подобная ангелу,— думал Алексий, пробегая вышеприведенные строки,— вот что читали твой ум и сердце... Оторву ли тебя от высшего мира, к которому стремится душа твоя? Возмущу ли ее возвышенный строй земными радостями? Мы соединимся навеки, но будем вместе жить для Бога... Ты возьмешь на себя часть печалей, предстоящих нам, но страдания еще более очистят нас для вечной жизни...»

---

* Святой Мефодий Патарский. Пир десяти дев//Полное собрание творений.— СПб., 1877. С. 54, 108, 110.

В эту минуту дверь отворилась, и вошла, вся в слезах, Марцелла в сопровождении Аглаиды и Евфимиана.

Когда Алексий отвел Марцеллу к своей матери после вышеописанной сцены в парке, молодая девушка в слезах бросилась в объятия Аглаиды и рассказала ей о планах своего опекуна и дяди. Аглаида старалась всеми силами успокоить ее.

— Ах, я думала посвятить себя Господу! — воскликнула Марцелла.— И теперь эта мысль укрепилась во мне более, чем когда-либо...

— И почему же теперь? — невольно спросила Аглаида, но, взглянув в глаза Марцеллы, внезапно покрасневшей при этом вопросе, поняла все...

Марцелла скрыла свое лицо на груди Аглаиды; послышались рыдания; однако Аглаида не растерялась и, тихо отстра-

нив Марцеллу, с нежностью и участием спросила ее:

— Ты любишь Алексия? Скажи мне...

Вместо ответа девушка еще крепче обняла Аглаиду, слезы ручьем струились у нее из очей.

— Дитя мое, Господь да благословит вас! Успокойся, пойдем к отцу...

В это время с письмом Квинтилла в руках вошел в комнату Евфимиан.

Взяв Евфимиана под руку, Аглаида повела мужа и Марцеллу в комнату сына. Узнав, что тот у Марцеллы, все отправились уже в комнату Марцеллы. Войдя в нее, Аглаида подвела к сыну Марцеллу и торжественно спросила его:

— Милый сын, желаешь ли ты соединиться святыми узами брака с дорогой Марцеллой?

— Да! — был ответ Алексия.

12. ВОЙНА МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ И ВАРВАРАМИ

С конца IV столетия варвары особенно смело начинают теснить одряхлевшую Римскую империю. Гонимые гуннами, готы переправились через Дунай и поселились в пределах империи сначала в качестве друзей римлян; но недолго пришлось дожидаться того, чтобы между римлянами и варварами возгорелась ужасная истребительная война.

Императором восточной половины Римской империи в то время был Валент, «христоборный царь»*, по выражению Григория Богослова, до фанатизма преданный арианству. Благодаря покровительству императора ариане, казалось, торжествовали повсюду. По сло-

* Святитель Григорий Богослов. Слово 43. Надгробное Василию Великому//Творения.— СПб., б. г. Т. 1. С. 631.

вам Григория Богослова, «наступало на Церковь лукавое воинство бесов — эриний [130], ибо так вынуждаюсь назвать тех жен, которые оказались неестественно мужественными на зло... Многие Иезавели[131] прозябли вдруг из земли как вредное зелие и избытком злобы своей превзошли упоминаемую в Писании»*.

Православные подвергались бесчестиям, угрозам и всевозможным оскорблениям; у них отбирали имения, самих отправляли в ссылку; храмы их оскверняли избиением епископов, священников, иноков. Православная паства в Константинополе ежедневно уменьшалась, верующие скрывались, где только могли, как овцы, лишенные пастыря и преследуемые дикими зверями.

Все истинно верующие оплакивали это горестное положение Церкви на

* Святитель Григорий Богослов. Слово 43. Надгробное Василию Великому//Творения.— СПб., б. г. Т. 1. С. 500.

Востоке. Но зато Восточная Церковь могла находить утешение в великих пастырях, защитниках православия. В то время как римские первосвященники утопали в роскоши, ссылаясь на величие Рима как на оправдание своего образа жизни, на Востоке ярко сияли такие светила, как Василий Великий и Григорий Богослов. Вероятно, их святую и праведную жизнь имел в виду честный язычник, по имени Аммиан Марцеллин, с горечью говоря о римском духовенстве. Вот его рассказ об избрании папы Дамаза: «Дамаз и Урсин[132] сгорали жаждой захватить епископское место. Партии разделились, и борьба доходила до кровопролитных схваток и смертного боя между приверженцами того и другого... В этом состязании победил Дамаз, благодаря усилиям стоявшей за него партии. В базилике, где совершаются <собрания> христианского обряда, в один день было найдено сто тридцать семь

трупов убитых людей, и долго пребывавшая в озверении чернь лишь исподволь и мало-помалу успокоилась.

Наблюдая роскошные условия жизни Рима, я готов был признать, что стремящиеся к этому сану люди должны добиваться своей цели со всевозможным напряжением... По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их яства превосходят царский стол... <Но> они могли бы быть поистине блаженны, если бы, презрев величие города, которым они прикрывают свои пороки, они стали бы жить по примеру иных провинциальных пастырей, которые, довольствуясь простой пищей и проявляя умеренность в питии, облекаясь в самые простые одежды и опуская взоры свои долу, заявляют себя пред

Вечным Богом истинными Его служителями как люди чистые и скромные»*.

И действительно, было чему поучиться у этих «провинциальных пастырей». Григорий Богослов в самом Константинополе вел жизнь отшельника Фиваиды. Почти всегда находясь дома и будучи весьма серьезным человеком, он был чрезвычайно доволен тем, что его не считали любезным в обществе. Его порицали за слишком скромный стол, за простую одежду и обращение, чуждое всякого высокомерия, однако он предпочитал жить христианином и философом, проводя ночи в молитве и пении псалмов. А после своего удаления с Константинопольской кафедры святой Григорий поселился в отцовском имении, от которого ему остался только тенистый сад с источником чистой, прозрачной

---

* Аммиан Марцеллин. История. XXVII, 3, 11—14/История.— Киев, 1908. Вып. 3. С. 56—57.

воды. Отрешившись от света, Григорий жил среди утесов, ходил босиком, имел одну только ветхую одежду, спал на голой земле и никогда не возжигал огня, чтобы согреть свое тело. Пищей Григория были хлеб с солью и огородные овощи, питьем — вода с небольшой примесью уксуса.

«Я — дышащий мертвец, мое могущество — кончившаяся греза, моя жизнь — в ином мире..»* — воскликнул он, почувствовав приближение кончины.

Не менее строгим подвижником был и святитель Василий Великий. Император Валент, ревностный арианин, незадолго до рокового для него столкновения с готами прибыл в Каппадокию[133]. Он повсюду оставлял следы своего насилия. Его нечестивые военачальники, вместо того чтобы сражаться с персами, скифами и другими врагами империи, вели

* Святитель Григорий Богослов. Стихи о самом себе//Творения.— СПб., б. г. Т. 2. С. 56.

войну с церквами, плясали на алтарях, оскверняли Бескровную Жертву кровью своих человеческих жертв и ругались над чистотою девственниц. Залив кровью восточные города провинции, Валент направился в Кесарию[134], чтобы и там погасить блистающее средоточие, которое одно только еще и светило. Но все козни Валента разрушались адамантовой[135] твердостью святого Василия. Валент сам не дерзнул оскорбить Василия, а послал к нему префекта[136].

— Скажи, как осмеливаешься ты противиться императору и вести себя столь дерзко? — спросил префект.

— О какой дерзости ты говоришь, что ты хочешь сказать? — спросил в свою очередь святитель.— Я тебя не понимаю...

— Я хочу сказать, что ты не желаешь быть одной веры с императором, между тем как другие покорились ему.

— Господь мой не дозволяет мне. Я не унижаюсь до рабского поклонения сотворенному, потому что я сам — творение Божие и мне заповедано приближаться в совершенстве к Богу.

— А нас, за кого же ты нас принимаешь? — вспыхнул префект.— Разве мы — ничто, мы, имеющие власть повелевать? Как! Разве ты не находишь, что высоко и почетно быть заодно с нами!

— Вы, префекты, люди очень знаменитые, однако вы не более Бога.

— И ты не страшишься власти, которою я облечен?!

— Зачем же страшиться? Что можешь ты? Что придется мне претерпеть?

— Что ты можешь претерпеть?.. Множество наказаний: отнятие имущества, ссылку, пытки, смерть...

— Назови что-либо другое, если хочешь устрашить меня. Из всех угроз твоих ни одна меня не пугает. Не имею-

щий ничего не боится потерять имение. Разве тебе нужны вот эти изодранные одежды и несколько книг, составляющих все мое богатство? Я не признаю ссылки, потому что не считаю себя связанным никакою местностью; но считаю своею ту землю, на которой теперь живу, и буду считать своею всякую другую, на какую меня забросит судьба. Вся земля — Божия, а я на ней — странник и пришлец. Что мне мучения? С первого же удара тело мое разрушится, а твоя власть — только над ним. Смерть будет для меня благодеянием, потому что она вознесет меня к Богу, для Которого живу и Которому служу. Большею частью я уже умер и буду счастлив, если скорее отойду к Нему.

— Никто до сих пор не говорил со мною так свободно.

— Знай, что мы кротки и миролюбивы. Мы не только смиренны перед великим императором, но даже перед всяким

из простого народа, самого низкого звания. Но коль скоро подвергают опасности дело Божие, мы видим только Его одного, а все остальное считаем за ничто. Огонь, меч, дикие звери, железные когти, совсем не устрашая, приводят нас к вечной радости. А потому прекрати лучше твои угрозы и делай что хочешь, наслаждайся своей властью. Пусть император это слышит: нас ты не преодолеешь, не вынудишь нашего согласия на нечестивое учение.

На этом свидание окончилось. «Мы побеждены епископом этой церкви,— доносил префект императору.— Он выше угроз, сильнее всех речей, нечувствителен к лести. Следует обратиться к более трусливым».

Немудрено, что Восток, несмотря на религиозные смуты и гонения,— Восток, со своими великими святителями и подвижниками, неотразимо привлекал к себе внимание со стороны возвышенных

душ Запада. Наконец, Валент вернулся в Константинополь. Все население столицы встретило его как виновника общественных зол. Он не успел еще отдохнуть в столице, как, появившись на ипподроме, с ужасом услышал мятежные крики толпы...

— Оружия! Оружия! — ревела толпа.— Мы и без тебя избавим провинции от опустошений дерзкого врага.

Бесполезные возмущения толпы, которая выказывала храбрость на словах, вдали от действительной опасности, только ускорили падение Римской империи. Невежественная и легкомысленная толпа заставила Валента действовать с отчаянной торопливостью. Решительное сражение между готами и римлянами произошло близ Адрианополя[137]. Римляне после ужасного кровопролития потерпели такое поражение, какого они не испытывали со дня битвы при Каннах[138], но последствия которого были несрав-

ненно гибельнее. Валент среди всеобщего смятения и ужаса был покинут своими телохранителями и тяжело ранен стрелою. Один отряд бросился было к нему на помощь, но нашел только груды изломанного оружия и изуродованных трупов, а несчастного императора не было ни среди живых, ни среди мертвых. Слуги успели перенести его в соседнюю хижину и поспешили перевязать его раны. Но и это скромное убежище немедленно окружили варвары. Они попытались взломать двери, однако, когда на них полетели с кровли стрелы, они, потеряв терпение, подложили огонь под груду сухого хвороста и сожгли хижину вместе с римским императором и его свитой. Валент погиб среди пламени...

Ужасно было опустошение, произведенное варварами на всем пространстве от стен Константинополя до самых границ Италии. Иероним, посетивший эти места впоследствии, с ужасом рассказы-

вает о неистовствах варваров: убийствах, поджогах, об осквернении церквей, которые были обращаемы в стойла для лошадей, о презрительном обхождении с мощами мучеников... Но все это было только началом наступавших, еще более ужасных, бедствий. Недалеко было уже то время, когда Рим должен был увидать варваров на своих улицах...

13. РАДИ ЖИЗНИ ДЛЯ БОГА

Для окончательного устройства дел по случаю предстоящей женитьбы Алексия Евфимиан с семейством прибыл в Рим, в самый разгар разговоров об адрианопольском погроме. Впечатление было ужасно. Все бледнели при одном упоминании имени готов.

— Это, однако, изумительно,— говорил Евфимиан под свежим впечатлением всех этих толков в присутствии сына и

Руфина.— Я не понимаю этого страха, овладевшего всеми. Верят всему, даже самому невероятному. Сегодня мне передавали, будто после сражения один из готских вождей заявил с наглым хладнокровием, что ему надоело убивать римлян, что он не может понять, каким образом люди, бежавшие от него, как стадо баранов, осмелились оспаривать право на обладание своими сокровищами и землями...

— Я сам того же мнения,— согласился Руфин.— В самом деле, разве нельзя пополнить потерю солдат набором новых в многолюдных восточных провинциях? Варвары захватили оружие и лошадей? Но многочисленные каппадокийские и испанские конские заводы могут доставить достаточное количество лошадей для формирования новых отрядов. В империи тридцать четыре арсенала наполнены всякого рода оружием, а богатства Азии[139] дадут и денежные

средства. Между тем никто не говорит о поправлении дела, о принятии необходимых мер, и только слышишь одно: ужас, ужас, ужас...

— Зато много говорят о предстоящих гладиаторских играх, зато... — начал было Алексий.

— Об этом что и говорить! Только и живешь спокойно в деревне,— произнес со вздохом Евфимиан.— Не люблю осуждать, но что же делать? Пороки, злодеяния, лень, небрежность, разгул — вот что встречаешь на каждом шагу. Говорят о поражении Валента так, как будто смерть и гибель перед глазами, и сейчас же выражают опасение, как бы не были отложены игры и состязания...

— Я думаю, что пороки прекратятся разве с окончательным истреблением самого имени римлян! — воскликнул в волнении Алексий.— Желал бы я знать, изменили ли свой образ жизни какой-нибудь город или провинция, захвачен-

ные и разграбленные варварами? Смирились ли там?.. Не думаю. Таков уж характер римлян: они гибнут, но не исправляются... Где так живут, как у нас, там погибают прежде, нежели погибнуть... Ты, Руфин, сейчас говорил о богатых материальных средствах, которыми еще располагает империя. Так утрой же, удесятери эти средства, но где ты возьмешь дух мужества, самоотвержения, а ведь без него все наши средства — только лишняя добыча варваров.

— Что правда, то правда,— произнес Евфимиан, поднимаясь с места.— Тяжелые времена наступают. Однако мне пора отправляться для окончательных переговоров к Квинтиллу. Вот человек: ежеминутно дрожит за свою жизнь, а готов ограбить сироту.

— Отец,— воскликнул Алексий,— отдай ему все... Слышишь? Мне ничего не нужно...

— По-видимому, так и придется сделать. Пойдем, Руфин, ты мне будешь нужен...

Адрианопольская катастрофа сильно потрясла, однако, Алексия.

— Это начало конца,— повторял он неоднократно.— Господь гряде сразиться с миром.

Кому в жизни не приходилось терять близких и дорогих людей? Кто может изобразить чувство беспредельной скорби, овладевающей сердцем, когда опускают в могилу дорогое существо, для спасения которого готов был бы пожертвовать своею жизнью? Каким пустым и ничтожным в такие минуты кажется мир со всеми его утехами! Но может ли быть сравнимо чувство личного горя, как бы оно ни было сильно, с тем нравственным потрясением, которое может вызвать в возвышенных душах зрелище погибающей родины? Возможно ли представить, чтобы при виде всеобщего крушения

спокойно можно было думать об устройстве своего личного счастья?

«Нет,— размышлял Алексий,— не свивают гнезда во время бури, не время думать о счастии... Остается одно: спасти душу свою и души близких для Вечной Жизни. О Боже! Сколько горя, слез, страданий готовлю я тем, кого люблю больше всего на свете... Но что же делать? Неужели ждать еще больших несчастий?! Нужно ли укреплять самую сердечную связь с миром, нужно ли оберегать чувство теплой привязанности ко всему земному, чтобы неизбежное грядущее крушение, застигнув врасплох, разом разбило все вдребезги?.. Но отчего же сердце так трепещет, отчего дрожу я весь при мысли о том, на что столь твердо и безвозвратно решился? О Боже, спаси и сохрани их!.. Настает час испытаний... Есть, говорят, люди, которых щадит горе...

Правда ли это? Нужно страдать... Не чаще ли слышится благодарная молитва и возвышенный гимн надежды из уст тех, которые обречены на страдания, осуждены на унижение, бедность и болезнь? Печаль и скорбь да будут для нас горнилом, в котором очищается душа для Неба, для Вечной Жизни... А ты, чистая душою, чей светлый образ согрел мое сердце, прости: мы вместе понесем тяжелый крест, мы разлучимся, но ни на одно мгновение я не позабуду о тебе... Я верю: Всевышний оградит всех нас от грядущих напастей и соединит для вечных радостей...»

Между тем Евфимиан, скоро поладив и условившись обо всем с Квинтиллом, возвратился домой. Начались радостные приготовления к свадьбе. Наконец все было готово и давно желанный день назначен. С величайшим торжеством совершено было бракосочетание в церкви святого Бонифация[140]; невозможно опи-

сать блеска и роскоши брачного пира, устроенного Евфимианом; громадны были пожертвования на бедных... Однако не о том долго говорили римляне, не этим остался памятен всем в Риме день бракосочетания Алексия...

Кончен брачный пир. Юная супруга ожидает в великолепном брачном чертоге своего ненаглядного... Вот слышатся его шаги... Это он...

И подошел к ней тихо Алексий,
И, сняв с перста свой перстень обручальный,
Он с кротостью во взоре ей сказал:
«Возьми свой дар! Пусть будет между нами
Стоять незримо ангельская сила
И для иных даров нас сохранит,
Для оных дней, когда преобразимся
И разумом, и сердцем, и душой
И презрим мир и горних благ взалкаем».
*И тихо удалился Алексий...**

**Алмазов Б. Н.* С. 357.

Часть вторая

СЛУЖЕНИЕ ХРИСТУ

1. ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Возвратившись в свою комнату, Алексий поспешно переоделся. Сняв роскошную одежду, он надел поверх власяницы бедное платье и, взяв с собой несколько дорогих вещей, которые получил в подарок от родителей, тихо и незаметно — под покровом южной ночи — вышел из дому. Рано утром он был уже в Остии[141], где узнал, что через час один из кораблей будет го-

тов к отплытию в Малую Азию. Немедленно одно из мест было взято Алексием; скоро последние приготовления к плаванию были окончены, и вот он — в море, один среди совершенно чужих людей. До него никому нет дела, каждый занят своими интересами. Сильнейшее чувство одиночества охватило Алексия. В воображении всплыли милые образы, сердце заныло, и впервые мелькнул в голове вопрос: был ли он прав, покинув безгранично любивших его родителей и ту, с которой он только что навеки связал свою судьбу? Он дал полную свободу чувству любви и жалости — слезы невольно навертывались у него на глаза.

«Видит Бог Сердцеведец, как глубоко я люблю их... Я жизнь свою готов отдать за них, по капле источить свою кровь... Но что же делать? По моей ли воле зародилось и возросло во мне неодолимое стремление удалиться от мира?

Не укреплялось ли оно в душе моей с каждым годом? И разве все: и уроки жизни, и беседы с другими, и внушения слова Божия — не согласовывалось с тайным влечением души? Не прозрел ли я, наконец, во всем этом перст Божий, который указал мне мое призвание? Мог ли я остаться в мире?.. Мог ли я оставить мир, не порвавши, хотя и с мучительною болью, тех связей, которые всего сильнее соединяли меня с миром? Зачем же сердце разрывается от тоски? Где же воля моя? Всемогущий, укрепи меня... прими эту жертву, приносимую из любви к Тебе, Боже... Тебе всецело, отрешившись от всех земных уз, посвящаю себя, Твоим хочу быть, не отвергни меня...»

Среди тяжелых дум, весь погруженный в себя, Алексий не замечал, как летело время. Дни проходили за днями, путешествие приближалось к концу. И хотя Алексий в первый раз путешество-

вал по морю, его не развлекали ни морские виды, ни новые места, хорошо знакомые ему по описаниям, ни — тем более — разговоры и общение с людьми. Чаще всего он возносился молитвою к Богу, и только молитва подкрепляла его.

Корабль пристал близ города Смирны[142]. Вместе с другими сошел с корабля и Алексий. Принеся благодарность Богу за благополучное плавание, он направился в город. Смирна по своей громадности и красоте местоположения давно считалась первым и блистательнейшим городом Азии. Возвышаясь — в виде амфитеатра — над гаванью, она с любой точки зрения казалась такой гармонически-живописной и цветущей, как будто бы не постепенно воздвигалась, а внезапно явилась на поверхности земли: театры, храмы, роскошные бани, фонтаны и колодцы, богатые дома и дворцы, улицы и площади, выложенные разноцветным мрамором,— все в ней было

прекрасно... Славилась Смирна и прекраснейшим климатом, смягчаемым веявшим с моря благодатным западным ветром. Сюда стекалось множество путешественников, желавших насладиться всеми прелестями роскошной малоазиатской жизни.

Но не за тем приехал Алексий. Смирна мало интересовала его. Сердце влекло Алексия в места более скромные и бедные, но зато освященные дорогими для него воспоминаниями. Из Смирны Алексий отправился в глубь Малой Азии и посетил Лаодикию[143] и Колоссы[144], с которыми связана память об апостоле Павле. В Лаодикии он пробыл дольше, чем в других местах. Здесь он окончательно продумал маршрут своего дальнейшего путешествия. Прежде всего он решил посетить Палестину и Египет, а конечной целью путешествия избрал Эдессу, горя желанием насладиться лицезрением нерукотворного образа Спа-

сителя мира. Только тогда, по совершении странствования, он надеялся получить от Бога указание на то, как ему устроить свою дальнейшую жизнь.

Свое странствование по Святой земле Алексий начал с Галилеи[145]. Из всех областей Палестины Галилея по справедливости может быть названа самой красивой. Она отличается от Иудеи[146] прелестью ландшафта и своим необыкновенным плодородием. В ней нет тех величественных и суровых видов, какие встречаются в окрестностях Иерусалима. Орошенный бесчисленными ручьями, окруженный горами, развертывается здесь перед глазами путника чудный, усеянный цветами зеленый ковер. Вот возвышается покрытая дерном вершина Фавора[147], очертания которой высечены как бы резцом. Смотришь вокруг — всюду природа ласкает взор приятными, привлекательными видами. В той части Галилеи, которая была главным средото-

чием деятельности Иисуса Христа, особенно привлекает светлый, кроткий, мирный характер местности, которого не встретить нигде более в Палестине.

Озеро Тивериадское (Геннисаретское)[148] даже после стольких войн и опустошений носит отпечаток красоты, говорящей о чистоте и мире. Озеро не велико: всего двадцать пять километров в длину и тринадцать в ширину. Своей формой оно напоминает арфу. С запада к нему примыкают склоны зеленых холмов, волнообразно спускающихся к берегу. Цветущие олеандры купаются в синих волнах его. Напротив, с восточной стороны, воды озера омывают крутые скалы, за которыми лежит дикая страна гадарян[149]. На крайнем севере река Иордан[150] теряется в водах озера и снова появляется как пенистый водопад на его южной оконечности. Еще далее на севере белеют снежные вершины Ермона[151], резко обрисовывающиеся в блестящей

лазури сирийского неба, а южнее озера горизонт замыкается мощным горным хребтом. В сиянии утренней зари и в пурпуре заката зеркальной поверхностью своих прозрачных вод озеро отражает все тона и оттенки света. Иногда золотистый туман, точно небесное покрывало, окутывает озеро.

Во времена Иисуса Христа на берегах озера было много цветущих городов с живым, деятельным населением. Обитатели небольшой геннисаретской равнины занимались земледелием, а прибрежные жители — рыболовством или торговлей. Близ западного берега находились Магдала[152], Хоразин[153], Вифсаида[154], от которой теперь остались только развалины водопровода и одна рыбачья хижина, и, наконец, недалеко от устья Иордана — Капернаум[155], обычное местопребывание Иисуса Христа (теперь только груда камней). Рыбачьи челноки

и лодки во множестве бороздили воды озера.

Однако многое изменилось с тех пор, как жил Господь наш на земле. Берега озера теперь едва ли не пустынны, а вместо городов — развалины... Но что ж? Черты природы остаются всё те же. Озеро все еще неизменно лежит в недрах холмов, подобно опалу, оправленному в смарагды, отражая на своей поверхности все световые переливы атмосферы; воды его все так же прекрасны в своей прозрачности, как и тогда, когда лодка апостола Петра колыхалась на его зыблющихся волнах и Иисус задумчиво смотрел в их прозрачную глубь; чашеподобный бассейн все еще переполняется потоками солнечного света; воздух еще дышит своим естественным благоуханием; горлица все еще воркует в долинах, и пеликан ловит рыбу в волнах; в окрестностях все те же пальмы, зеленые поля и журчащие потоки.

С величайшим умилением взирал Алексий на места, освященные пребыванием Спасителя. Слезы навертывались у него на глаза, и сердце трепетало при мысли, что он ходит по земле, по которой ступал Сын Божий, что взор его падает на горы и луга, на которые взирал Спаситель. Но более всего хотелось ему посетить Назарет[156]. Назарет по-еврейски значит «цвет», и, действительно, этот городок — цвет Галилеи. Горы образуют загороженную со всех сторон долину, покрытую померанцевыми, фиговыми и масличными садами. Долина незаметно переходит в естественный амфитеатр холмов, и здесь-то, подобно горсти жемчугов в сосуде смарагдовом, виднеются плоские кровли и узкие улицы Назарета. Дома построены из белого камня, между ними разбросаны сады с тенистыми смоковницами[157] и маслинами, с белыми и красными цветами апельсиновых и гранатовых деревьев. Весною

все здесь выглядит необыкновенно весело и мирно: горлицы воркуют на деревьях; потатуйка неустанно порхает взад и вперед; светло-голубая сизоворонка, самая обыкновенная и любимая птица в Палестине, подобно живому сапфиру, носится над полями, пестреющими бесконечным множеством цветов.

Как все здесь напоминает о Пресвятой Деве Марии, об Иисусе, Который провел здесь в безвестности, готовясь к великому служению, целых тридцать лет Своей жизни! Алексию указали место, где стоял дом праведного Иосифа и где архангел Гавриил явился Пресвятой Деве; указали две комнаты, в одной из которых находилась колыбель Младенца Иисуса, а в другой жил праведный Иосиф. Близко от города протекал ручей, из которого Сама Матерь Божия приходила черпать воду; а вот и скала, с которой озлобленные иудеи хотели низ-

вергнуть Господа после чтения Им пророчества Исаии[158] в одну из суббот. Взойдя на площадку на вершине скалы, Алексий осмотрелся. Что за чудный вид открылся пред ним! Невольно взоры его обратились на запад, а мысли внезапно перенеслись в ту далекую страну, где он оставил все то, что было дорого для него в мире. Вот багряный хребет Кармил[159], в лесах которого обитал Илия, а далее сверкает полоса белого песка, еще дальше синеет море, кое-где, точно блестящие точки, белеют паруса кораблей... Слезы выступили на глазах Алексия, сердце тревожно забилось:

«Дорогие и незабвенные, из далекой страны чрез эти воды посылаю вам мой сердечный привет и молю Господа, да сохранит Он вас от всякой напасти и всякого искушения... Простите меня за ту печаль, в которую мне суждено было погрузить вас!»

«Вот место, где наверное бывал Господь! — подумал Алексий, несколько успокоившись.— В Назарете, говорят, нет ребенка, нет человека, который бы часто не восходил на эту вершину. Здесь-то, стоя на этих горных цветах, с развевающимися от тихого дуновения волосами, может быть в беседе со Своим Небесным Отцом, Иисус проводил целые часы и днем и ночью, отсюда наблюдал за парящими в безоблачной синеве орлами, отсюда взор Его обращался к Назарету, где Ему все так было знакомо: всякая нива и всякая смоковница,— и, без сомнения, Его очи с особенной любовью взирали на маленький дом назаретского плотника... И отсюда-то Он, после дерзкого поступка Своих сограждан, может быть, в последний раз взглянул на равнину Ездрилонскую[160], на лазурные высоты Кармила, на эти белые пески, что там, вдали, окаймляют синие волны Средиземного моря!»

2. ВИФЛЕЕМ

В жаркий полдень приближался Алексий к Вифлеему[161], совершенно не чувствуя усталости после продолжительной ходьбы: он сгорал желанием поскорее увидеть место, прославленное навеки рождением Спасителя мира.

Вифлеем по-еврейски значит «дом хлеба». Он расположен в двух часах пути от Иерусалима, на юг от него. По зеленеющим откосам путник поднимается на вершину холма, и он — на родине Иисуса Христа. Сколько образов, сколько священных воспоминаний! Вот, в глубине долины, подле самого города, те поля, на которых Руфь[162] собирала колосья. Вспоминается, как Вооз[163] выходит из города и обращается с приветствием к жницам: «Господь да будет с вами!» — «Да благословит тебя

Господь!» — отвечают они (см.: Руфь. 2, 4). Так и кажется, будто видишь перед собою жнецов и жниц, расположившихся для отдыха во время полуденного зноя под тенистым деревом; куски хлеба, омоченного в уксусе, поджаренные на огне зерна составляют их незатейливый завтрак. Представляется первая встреча Вооза с Руфью... Слышатся всеобщие приветствия: «Да соделает Господь жену, входящую в дом твой, подобно Рахили[164] и Лии[165], устроившим дом Израилев; приобретай богатство во Ефрафе[166] и да славится имя твое в Вифлееме!» (ср.: Руфь. 4, 11).

Проходят годы... Прекрасный, со светлыми волосами, с приятным взором, правнук Вооза и Руфи Давид[167] пасет в окрестностях стада отца своего, и его сладкогласная песнь во славу Иеговы звонко раздается среди полей... Озирая Вифлеем и его окрестности, пророк Михей[168] восклицал: «И ты, Вифлеем-

Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождения из начала, от дней вечных» (Мих. 5, 2)...

Наконец наступили дни, дни великие... «В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле... И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына Своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице» (Лк. 2, 1, 3—7).

Смиренные пастыри в холодную зимнюю ночь... Явление ангелов... Хоры

бесчисленных Небесных воинств... Все эти образы и великие воспоминания молнией пронеслись в душе Алексия, сердце забилось с радостно-благодарным чувством от мысли, что Господь сподобил его узреть эти места, столь священные, столь дорогие для всякого христианина. Вот место, где был вертеп[169]. Теперь там храм, и главный алтарь построен над самым местом рождения Спасителя мира. Пятнадцать ступеней низводят нас в грот, находящийся под самым престолом. Мраморный круг на помосте указывает на место, где совершилось величайшее событие в истории мира.

Долго и пламенно молился Алексий внутри пещеры, орошая пол ее слезами, прося у Господа, благоволившего оставить Престол славы и родиться на земле не в пышных чертогах, но в вертепе, чтобы Тот послал ему силы подражать своему Искупителю, благословил его новую жизнь — жизнь лишений и под-

вигов — во славу Его святого имени... В двух верстах от Вифлеема, среди небольшой равнины, там, где теперь в масличной роще стоит бедная, как бы заброшенная часовня во имя Ангела-благовестника пастухам, Алексию указали место, где пастыри удостоились видеть ангелов.

Поклонившись всем святым Вифлеема, Алексий остался на несколько дней в этом городе. Все время его не покидало мирное, тихое настроение духа. Ему нравилась незатейливая скромная жизнь обитателей, нравилась невозмутимая тишина, чуждая всяких треволнений городской жизни,— недаром эта местность немного времени спустя привлекла к себе еще одну душу, бурную и пламенную,— блаженного Иеронима, и тот нашел здесь наконец покой, которого тщетно искал в другом месте. Алексию также не раз приходила в голову мысль поселиться по окончании странствования

именно близ Вифлеема. Но одно обстоятельство смутило его: приезд Мелании. Как ни желал Алексий видеть подвижницу и насладиться беседой с ней, но боязнь быть узнанным воспрепятствовала ему. Он не сомневался, что в скором времени его убежище сделалось бы известным в Риме и он подвергся бы сильнейшему искушению уступить неотступным просьбам родителей и вернуться в Рим. Это опасение, как мы увидим, и заставило Алексия искать впоследствии пристанища на крайнем Востоке, у предела римских владений...

3. ИЕРУСАЛИМ

Поздно вечером подходил Алексий к Иерусалиму. Мрачны и печальны его окрестности: молчат безжизненные пустыни; сурово глядят обнаженные горы; повсюду — унылые раз-

валины... Но чарующая прелесть палестинского вечера, нежные краски весенних трав и цветов, долины, погруженные в таинственный сумрак, вершины гор, облитые лучами заходящего солнца, прохлада и благоухание тихого ветерка после палящего дневного зноя — все это содействовало тому, что Алексий не обратил особого внимания на запустение, о котором говорили ему раньше другие. Скорее, он ощущал сладостное чувство умиления при мысли, что он приближается к месту, где открылась так поразительно и явно вся полнота любви Божией к роду человеческому.

Иерусалим!.. Кто с детства не слышал о нем! У кого при упоминании великого города не возникало ряда потрясающих и глубоко трогательных ассоциаций! Есть ли на свете город, судьба которого была бы столь поразительна, как судьба Иерусалима?! Двадцать раз он становился добычею меча и пламени,

три раза он был до основания разрушен; сама эта местность, взрытая и посыпанная солью, долгое время была пристанищем лишь разбойников и диких зверей... Элий Адриан, римский император, восстановил Иерусалим, назвавши вновь построенный город Элио-Капитолия, и населил его представителями разных наций.

На месте храма Соломона[170], там, где находилось Святое Святых, Адриан приказал воздвигнуть свою собственную статую. Гора Голгофа, которая, как место казни, находилась вне городских стен, после восстановления города при Адриане вошла в черту городскую, и на ней поставлена была статуя Венеры. Тогда же засыпана была пещера Гроба Господня, а на насыпи воздвигнута статуя Юпитера...

Прошло 180 лет после этого поругания святыни, и первый христианский царь со своею благочестивою матерью

поспешили возвратить Святым местам подобающее им почитание. Константин Великий повелел святому Макарию[171], патриарху Иерусалимскому, очистить пещеру Святого Гроба от насыпи, выражая желание, чтобы на этом священном месте воздвигнут был храм, который должен был стать самым обширным и великолепным во всей вселенной. Вместе с тем приказано было правителям всех соседних областей доставить патриарху все необходимые средства для выполнения этого намерения. Храм строился десять лет. Сама мать императора поспешила в Иерусалим, чтобы воздать честь и поклонение Живоносному гробу. Храм на горе Елеонской, на месте вознесения Господня, храм над пещерой в Вифлееме и еще шесть храмов в разных местах Палестины остались памятниками пребывания святой Елены во Святой земле. Тогда же святой Елене суждено было как бы в вознаграждение за благо-

честивые подвиги открыть глубоко в недрах земли Древо Креста Господня (всего в нескольких шагах от того места, где оно было водружено), гвозди и дощечку с надписью Пилата. С того-то времени явилось у верующих всех стран стремление к посещению Святой земли. Уже во времена Алексия можно было встретить в Иерусалиме паломников из Индии и Британии, со склонов Кавказа и из Эфиопии...

В каком же виде предстал взорам нашего путника храм Гроба Господня? В обширном здании было, собственно, два храма: храм Святого Креста и Святого Гроба. Они разделялись и в то же время соединялись атриумом, построенным на месте вертограда[172] Иосифа. В здании находились, таким образом, Голгофа, Гроб Господень и место обретения Креста. Храм Святого Гроба назывался Анастасией, или Воскресением. Он был невелик, но благолепно украшен. В нем

находилась пещера, где покоилась пречистая плоть Искупителя мира. Здание имело вид круга, крыша покоилась на столбах из цельного мрамора. Стены также были выложены мрамором и украшены прекрасными мозаиками для того, чтобы, по выражению одного христианского писателя, «представить взорам образ Воскресения».

В настоящее время нельзя видеть того места, где положено было тело Господа: мраморная плита закрывает его, но в IV веке Гроб Господень был открыт... Можно ли изобразить чувства Алексия, когда он, весь в слезах, склонился на Гроб Господень?! Он плакал, но это были слезы радости, блаженства и горячей любви к своему Искупителю. Он не мог оторваться от этого места, готов был всю свою жизнь провести здесь, у этого священнейшего места на земле! Оправившись несколько от взволновавших его чувств, Алексий здесь же вознес пла-

менную молитву Господу о тех, которые теперь далеко находились от него, но оставались близкими его сердцу.

Из храма Гроба Алексий перешел в храм Святого Креста, находившийся на восточной стороне здания. Этот храм был гораздо обширнее храма Гроба. Вход из наружного атриума был окружен переходами, великолепие которых давало предчувствовать внутреннюю красоту храма. Купол поддерживался двенадцатью мраморными колоннами. Невозможно передать, если говорить об общем украшении всего здания, какими драгоценными дарами, состоящими из золота, серебра и драгоценных каменьев, какими мозаиками обогатил его Константин! Эти произведения были сделаны с необычайным искусством.

Посетивши главную святыню Иерусалима, Алексий постарался побывать во всех местах, освященных дорогими воспоминаниями. В одном месте указали

ему на дом Каиафы[173], где Спаситель, приведенный на суд, претерпел первое оскорбление от слуги и где совершилось плачевное отречение Петра; в другом — на преторию[174], где Спаситель осужден был Пилатом на смерть; в третьем — на место бичевания, на столб, к которому Он был привязан. Алексий посетил также и дом, в котором Господь совершил последнюю Тайную вечерю и где потом Святой Дух сошел на апостолов в виде огненных языков. Наконец Алексий взошел на площадку, где некогда стоял храм Соломона, и ему живо представилось то, о чем рассказывали в детстве: картина крушения злобного предприятия Юлиана Отступника.

В то время, когда Юлиан старался всеми способами восстановить язычество и унизить христианство, в его уме родилась необычайная мысль: вновь выстроить Иерусалимский храм. Он знал, что христиане были твердо уверены в истин-

ности приговора, вынесенного Спасителем городу и храму, и восстановлением иудейского храма Юлиан надеялся подорвать веру в это пророчество Спасителя. В торжественном послании к иудеям, рассеянным по различным провинциям Римской империи, он выражал свою готовность покровительствовать иудейскому народу, сожалел о постигших его несчастьях, хвалил его постоянство и верность вере предков и высказывал надежду, что, по возвращении из похода в Персию, он, Юлиан, будет иметь возможность с благодарностью преклониться перед Всемогущим во святом городе Иерусалиме.

Чем же иудеи заслужили такую милость императора? Язычник и философ — он, скорее, должен был бы презирать фанатизм, низкое раболепие и известные недостатки национального характера иудеев. Но дело было в том, что иудеи, как и Юлиан, дышали неприми-

римой ненавистью к христианской Церкви.

Страстное желание увидеть поскорее исполнение своего замысла не дало Юлиану дождаться назначенного им срока — окончания персидской войны. Без всякого промедления он решился воздвигнуть на горе Мориа великолепный храм иудейский, который должен был затмить своим блеском храм Гроба Господня, восстановить в прежней силе ветхозаветное священство и вновь населить Иерусалим иудеями. На зов государя с восторгом откликнулись иудеи всех провинций Римской империи и во множестве начали собираться на священную гору своих предков. Дерзкому, заносчивому торжеству иудеев не было предела. Куда делись алчность и обычное корыстолюбие! Массами доставлялись в Иерусалим серебряные лопаты и заступы; знатные еврейские дамы переносили мусор в шелковых и пурпуровых

мантиях. Щедрые пожертвования текли рекой. Энтузиазм охватил целый народ, работа закипела...

Что же вышло? Место, предназначавшееся для величественного храма иудейского, так и осталось, как было, пустырем, представляя из себя поучительное зрелище разорения и опустошения... Соединенные усилия могущества языческого императора и энтузиазма целого народа оказались тщетными... Надежды христиан, что Господь посрамит нечестивых, оправдались... Современные событиям писатели рассказывают, что страшная буря, землетрясение и внезапно вспыхнувшее пламя разметали фундамент воздвигавшегося здания и рассеяли трудившихся. Аммиан Марцеллин, языческий писатель и вполне честный человек, так повествует об этом знаменательном происшествии: «Алипий <которому было поручено восстановление храма> ревностно принялся за дело,

но странные клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так прекратилось это начинание ввиду упорного сопротивления стихии»*.

Алексий подробно знал все это с детства. Долго и задумчиво взирал он на живые следы страшной катастрофы и изумлялся тайне судеб Божиих...

4. АЛЕКСАНДРИЯ

Посетив святые места Палестины, Алексий решил побывать и в Египте. Путешествие из Иерусалима до Александрии можно было совершить за 16 дней. По дороге Алексий посетил бывшую столицу филистимлян[175] —

* *Аммиан Марцеллин*. История. XXIII, 1, 3 // История.— Киев, 1908. Вып. 2. С. 155—156.

Газу[176], Соккоф[177] с его чудесным источником, Марасфим[207] с гробницей пророка Михея. Длительное путешествие, однако, не очень утомило Алексия, и он наконец достиг Пелузийского рукава Нила, который евреи называли Сиор, то есть «илистый, мутный». Побывавши в земле гесемской[179] и в Танисе[180], Алексий прибыл в Александрию.

Алексий много слышал прежде о Египте. И римляне, и греки, очутившись в Египте, чувствовали себя как бы перенесенными в иной, чуждый им мир. В продолжение долговременного владычества римлян провинции Римской империи в большой степени подчинились римскому влиянию и утратили много из своих обычаев. Один Египет, как мумия, оставался неподвижным, точно окаменев в формах своей древней самобытной культуры. Самая природа этой страны возбуждала в сильной степени любознательность путешественника.

С удивлением взирали чужеземцы на полноводную реку Нил — древний Яро, задумывались о его неведомых истоках, о причинах его правильного ежегодного разлива. В летнее время весь Нижний Египет превращался в обширное озеро: города, местечки, дома казались островами среди моря. Во всех направлениях по гладкой поверхности вод скользили бесчисленные лодки. Алексий еще в Риме видел множество египетских ландшафтов на мозаиках и фресках, которыми римляне украшали стены своих дворцов. Он видел на этих изображениях, как по берегам реки стройные пальмы раскидывают высоко над чащей свои пестрые кроны, а на водах, поросших белыми цветами лотоса, плавают египетские болотные птицы; в прибрежном кустарнике и высоком камыше скрывается гиппопотам, таится крокодил; по берегу крадется ихневмон[181], извивается змея; прихорашивается и приглаживает

перья своим кривым носом ибис... А египетские древности и памятники, над которыми, казалось, было бессильно всесокрушающее время: эти каменные громады пирамид, колоссальные дворцы и храмы, высеченные в скалах бесчисленные пещеры с темными переходами, исполинские статуи и сфинксы, таинственные письмена, покрывающие стены и колонны,— все это ведь оставалось таким же, как и тысячи лет тому назад! Немудрено, что рассказы о Египте и его обитателях, о невиданных нравах и образе жизни всегда казались римлянам очень занимательными.

Не менее интересовала любого путника и столица Египта — роскошная Александрия. Это был уже город не совсем египетский, а полугреческий и полувосточный. Главная улица блистала множеством великолепных зданий, храмов, дворцов, общественных заведений; другая большая улица простиралась с севера

на юг и не уступала первой в роскоши. Напротив гавани красовался величественный Августеон — храм, посвященный первому римскому императору, окруженный обширным двором с портиками, залами, библиотеками, пропилеями[182], рощами, изобиловавший статуями и картинами и богато изукрашенный золотом и серебром. Но величественнее и великолепнее всего был Серапеон[183], еще возвышавшийся во всей своей красе, уступавшей разве только одному римскому Капитолию. Но недолго оставалось уже ему красоваться!

По своей обширной торговле Александрия не без основания считалась вторым городом в империи. Торговые флоты и караваны привозили сюда сокровища из самых дальних и баснословных стран. Здесь можно было увидеть величайшие редкости и драгоценности, какие только были известны. Золотой песок, черепахи Аравии, жемчуг из Персидс-

кого залива, шелк из Китая, драгоценные камни и виссон[184] из Индии — все эти богатства грудами привозились в здешние гавани, и всюду в городе кипела оживленная деятельность. Греки, римляне, египтяне, евреи, христиане и язычники — все здесь находили себе дело, все увлечены были наживой и, казалось, поклонялись одному божеству — золоту. Естественно, что там, где ворочали огромными богатствами, где в оборотах были миллионы, где последний бедняк легко мог иметь обед из соленой рыбы с луковой приправой или утолить свой голод потрохами в харчевне, запивая еду опьяняющим ячменным пивом,— распущенность нравов, роскошь, разврат процветали...

Алексий, проходя по улицам города, подвергся тысячам разного рода насмешек, язвительных замечаний и шуток. Ему казалось, что этот смех, праздная веселость, шутки, остроумная болтли-

вость заразили здесь всех, будто здесь никто никогда не думал о серьезном и никакие высшие интересы не увлекали людей. Ему стало грустно и тяжело на душе, особенно после тех светлых впечатлений, которые он вынес из Палестины.

Быстро прошел он, не оглядываясь по сторонам, Каноб, место, созданное для наслаждений, где при живительной прохладе, навеваемой морским ветром, можно было забыть обо всем мире. Сюда, ко храму Сераписа, спешили больные, чтобы получить исцеление от болезней, но больше всего народа стекалось для того, чтобы предаться здесь самому необузданному разврату. Канал в три мили, который соединял эту часть города с собственно Александрией, заполнен был барками, перевозившими целые общества мужчин и женщин. Эти барки с каютами то и дело приставали к берегу, и в тени растущих из воды кустов еги-

петского боба веселые путники пировали среди великолепия и благоухания цветов; на барках раздавались звуки флейт и исполнялись самые сладострастные танцы... «Теперь ясно,— думал Алексий,— почему Дух Божий указал на пустыню людям, ищущим спасения».

Алексий отыскивал иерея, заведовавшего страннопримными домом в Александрии, того самого Исидора, который посещал Рим вместе с Афанасием и хорошо знаком был с отцом Алексия. От него наш паломник надеялся получить указания относительно дальнейшего путешествия по Египту, а главное, хотел просить Исидора доставить ему случай повидаться и побеседовать со знаменитым христианским учителем, слава которого распространилась по всему Востоку,— со слепцом Дидимом[185]. Потеря зрения постигла его еще в детстве, даже раньше, чем он приступил к учению, но тем удивительнее было, что он сумел

приобрести обширнейшие знания. Он в совершенстве знал грамматику, риторику[186], поэзию, философию, историю и геометрию, но все это было для него только пособием к глубокому проникновению в тайны слова Божия. Он знал Священное Писание наизусть и руководствовался трудами Оригена[187], гений которого высоко чтил. Вместе с Афанасием великий слепец выступил горячим борцом с арианством. Сам Антоний Великий приходил из глубины своей пустыни, чтобы видеть и слушать Дидима, и в восторге воскликнул: «О Дидим, не жалей о слепоте твоей! Правда, ты лишен плотских очей, которыми мы одарены наравне с змеями и кротами, но зато тебе даны очи души, способные, подобно ангелам, созерцать незримое Божество!»

Довольно скоро Алексий нашел Исидора. Иерей был уже немолод, но его приветливая улыбка, живость речи и теп-

лая общительность остались те же. Алексий назвал себя путником, пришедшим с далекого Запада, чтобы увидеть знаменитых наставников Востока и поучиться святой жизни у великих подвижников.

— Благодарение Господу! — воскликнул Исидор.— Видно, еще не иссякло у людей стремление к Богу. Многие приходят ко мне за указаниями... Слышно, сама Павла, знаменитая отрасль великой римской фамилии, отложив суету земную, из Рима собирается на Восток.

— Скажи мне, отец, в каком положении находится в настоящее время пустынножительство? Дух Антония пребывает ли в его последователях?

— О, уже более века прошло с тех пор, как Дух Божий поселился в пустыне первых отшельников, и много перемен произошло с того времени — и в миру, и в пустыне, но, благодарение

Господу, эти перемены такого рода, что им можно только радоваться... Однако, чадо мое, ты устал с дороги, я сейчас распоряжусь, чтобы приготовили все для твоего отдохновения. Надеюсь, что не сегодня и не завтра уйдешь от нас? К вечеру я буду свободен от занятий и готов беседовать с тобой.

Алексий с удовольствием согласился провести несколько дней под гостеприимным кровом Исидора.

5. ЕГИПЕТСКИЕ ИНОКИ

Вечером в тенистом саду Исидор и Алексий сошлись для задушевной беседы. Исидор не мог не заметить, что перед ним высокообразованный и, наверное, из хорошей семьи юноша. Опытного иерея глубоко тронули искренность, сердечность религиозного чувства, внутренний огонь, горевший во

всем существе Алексия, и бесповоротная решимость посвятить себя служению Господу. Старец, с юных лет сохранивший живость характера и общительность, с большим увлечением отдался содержательной беседе и передал своему юному слушателю все, что знал о первых отшельниках, об Антонии Великом, с которым к тому же был и лично знаком.

На следующий день Исидор представил Алексия слепцу Дидиму.

Скоро, после первых приветствий, разговор перешел к предмету, в то время более всего интересовавшему Алексия.

— Иночество умножается, но умножаются и возгласы против подвижничества,— говорил маститый слепец.— Ты услышишь их повсюду, но не смущайся. Говорят, эти люди бежали от общества, удалились в пустыню и думают, что в этом удалении они найдут спасение души... Но разве пустыня заперта для общества? Ведь ты не усомнился в необ-

ходимости из дальних стран прибыть в Египет, чтобы видеть отшельников?

— Напротив, учитель, я полагаю,— заметил Алексий,— что в наше время особенно нужен пример людей сильных духом, которые могут во имя заповедей Божиих отречься от всего, что до безумия увлекает смертных...

— Совершенно верно... Рассуди сам, не убеждает ли нас ежедневный опыт в том, что привязанность к телу, благам мира (которыми пренебрегли отшельники) заставляет людей совершать вопиющие неправды, злодеяния? Не томимся ли, не страдаем ли мы все от таких порядков, при которых человек, предавшись, например, корыстолюбию, лишает свободы других и бывает готов покуситься даже на самое благо государства?

А вот есть люди, которые силою духа и с Божией помощью стали выше всех земных привязанностей, выше всех мелких интересов и высоко подняли свя-

щенное знамя во имя высших духовных стремлений... «Что ж будет, если все уйдут в пустыню? — говорят иные.— Кто ж останется в мире, кто будет служить государю?» Какой нелепый вопрос! Да разве много найдется людей, способных подражать высоким образцам? Разве мы уж так богаты такими богатырями духа, как Антоний и другие? Но они своею жизнью светят миру, они внушительно говорят ему, что кроме мелких житейских интересов у человека есть иное, высшее призвание. А когда того требовали обстоятельства, не являлись ли эти окрепшие в пустыне герои среди нас и не совершали ли таких подвигов, которые уж вовсе не под силу живущим в мире?

— Как рад я слышать эти речи! Сколько раз такие же мысли приходили и мне на ум, сколько раз сердце мое билось изумлением пред великими подвижниками!

— Но скажи мне, куда тебя влечет твое сердце? Я знаю, ты желаешь видеть пустыню... Ее ли безмолвие привлекает тебя?

— Господь укажет и устроит путь мой...

Дидим глубоко задумался. Его безжизненные очи устремлены были куда-то вдаль...

— Не вижу тебя, но как бы сквозь туманную мглу зрится мне твой жребий... Узнай жизнь, полную самоотвержения, жизнь учеников Антония Великого, но не оставайся в пустыне... Время пустыне явиться среди шумной суеты городов, время изнести и показать миру великие уроки... Явись отшельником среди людей, чуждым соблазнов среди всевозможных искушений, явись человеком Божиим среди сынов века сего... Яви достоинство души человеческой среди презираемой в мире нищеты; покажи миру, застаревшему в языческой горды-

не, что и в малых сих, в этих бедных и презираемых всеми созданиях (в которых сильные мира сего едва ли видят образ человека) может проявиться благодать и великая сила Божия. И навеки ты останешься любезен нищей братии, и в славословиях чрез века пронесется имя твое...

На лице Алексия изобразилось изумление. Слепой прозорливец угадал его тайные думы... С глубоким почтением Алексий поцеловал руку слепца и сердечно простился с ним. Побывав еще раз у гостеприимного Исидора и получив от него наставления относительно дальнейшего путешествия, Алексий оставил Александрию.

Начало иноческой жизни положил Антоний Великий, но он не давал внешних правил для жизни иноческой, заботясь, главным образом, о внушении живого, искреннего и глубокого благочестия; однако впоследствии, с умножени-

ем числа иноков, появилась настоятельная потребность в таких правилах и учреждениях, которые могли бы поддерживать и укреплять слабую волю в борьбе с искушениями. Большая часть иноческих правил составлена была Пахомием Великим, и сам основатель и отец иноков признал эти его заслуги. «Вначале, как я стал монахом,— говорил Антоний одному из учеников Пахомия,— не было ни одной киновии (или общежительного монастыря) для воспитания других, но каждый из прежних иноков подвизался сообразно своему духовному стремлению. Великую услугу оказал отец ваш, собрав и устроив такое множество братии». С сего времени образовалось два вида пустынножительства: одинокие отшельники и жители киновий. Алексий вознамерился посетить тех и других.

Горные хребты, образуя Нильскую долину, в своих каменистых скатах и ущельях дают удобные места для от-

шельнической жизни, и вскоре после кончины Антония обители появились к востоку от Нила до самого Чермного моря и древнего Синая[188], а к западу — до страшных пустынь ливийских. В ливийских горах (почти на равном расстоянии от Александрии и древней столицы Египта — Мемфиса) находится местность, известная благодаря своей почве под именем Нитрийской горы. В IV веке там находилось до 50 монастырей, каждый — под управлением своего аввы, или настоятеля. В этих монастырях обитало до пяти тысяч иноков...

В близлежащей пустынной местности рассеяно было множество келий, в которых подвизались отшельники. Но самой дикой и бесплодной пустыней считалась Скитская, лежащая ближе к Нилу. Чтобы добраться до этой местности, надлежало преодолеть большие трудности. Бурное озеро Мареотис, множество крокодилов, топкие болота, дикие хищни-

ки — вот что грозило на пути; но все это не остановило нашего путника, горевшего желанием видеть тех, которых он считал светом мира, солью земли, и слышать их наставления, и Алексий благополучно достиг пустыни Нитрийской.

Итак, вот эта знаменитая пустыня! Вот эти подвижники духа! С жадностью вслушивался Алексий в их рассказы о разнообразных случаях их многотрудной жизни. В то же время эта жизнь поражала его своей простотою. Всё их, пустынников, время было разделено между трудом и молитвой. Одни обрабатывали землю, другие пасли стада и плели циновки, служившие им постелью, третьи ловили рыбу. Наиболее образованные занимались изучением и истолкованием Священного Писания. Все совершалось мирно, строго, с молитвою на устах.

Ну а в «пустыне келий» (рядом с Нитрией) Алексий увидал отшельническую жизнь во всей ее строгости! Там не

было стен, воздвигнутых рукою человека: отшельники жили на склонах скал и в пещерах, питались кореньями и пили воду из горных источников. Все время проводили они в молитве и не имели никаких сношений с остальным миром; только в воскресные дни они являлись в Нитрийскую обитель в одежде из пальмовых листьев или из овечьей кожи. И Алексию казалось, что он видит перед собой не простых смертных, но ангелов в образе человеческом...

Побывав в Скитской пустыне и насладившись беседой со святым Макарием, Алексий отправился к Фиваиде. Близ Арсинои[189] и озера Мери[190] он желал посетить монастырь, который жил по правилам Пахомия Великого.

В жаркий день Алексий приближался к обители, но, еще не дойдя до нее, уже начал встречать необыкновенных тружеников, в грубой, короткой одежде из козьей кожи, с куколем[191] на голове. Они

собирали хлеб, так как было время жатвы. То были иноки арсинойские. Их всех было до десяти тысяч человек...

В Нитрийской пустыне иноки подвизались свободно. Здесь, напротив, по уставу святого Пахомия все дневные занятия иноков и все устройство монастыря были точно определены. Во главе всех арсинойских монастырей стоял общий начальник — отец, авва. Каждый монастырь был разделен на несколько отделений иноков, и каждое отделение занималось каким-то одним видом труда. Отделением заведовал руководящий инок, имевший помощников. Для заведования хозяйственною частью монастырей назначался эконом, который распределял дневные работы по отделениям. Эконом обязан был давать строгий отчет обо всем авве. Благодаря разумному распределению труда и крайне ограниченным потребностям иноков, монастыри не раз отправляли в Александрию

и в окрестные страны, особенно во время голода, целые корабли, нагруженные хлебом...

Как же инок проводил свой день? С утреннею зарею каждый молчаливо принимался за свою работу. В девятом часу труды прекращались. Иноки сходились для пения псалмов и чтения Священного Писания. Авва говорил поучение. Пока он говорил, часто и слезы струились по щекам иноков. Затем иноки расходились, каждый с начальником своего отделения, на общую трапезу. В глубоком молчании проходила трапеза. Кушанье состояло из хлеба и овощей с солью. Вино разрешалось только старцам. До вечерни братии позволена была беседа друг с другом. К ночи каждый должен был быть уже в своей келии. Братская заботливость, любовь, внимание к физическим и духовным нуждам другого, отсутствие праздности и недобрых поступков и слов — вот что заметил Алексий,

приглядываясь к взаимным отношениям иноков. Удивительное послушание старшим прежде всего бросалось в глаза. Постоянная трезвенность духа, суровая борьба с искушениями, святость жизни, благодать Святого Духа, обильно изливавшаяся на усердно работающих Господу, дар чудотворений и сердцеведения, духовная опытность — все это поражало посетителей, и рассказы последних по возвращении в мир производили на всех глубокое впечатление. Древнее общество перерождалось, идя навстречу новому миру...

6. «ВЛОЖИ МЕЧ В НОЖНЫ...»

Возвращаться обратно в Александрию Алексию пришлось в сопровождении спутника, замечательного во многих отношениях. Это был инок (по имени Клавдий), оставлявший пус-

тыню и вновь возвращавшийся в мир. Скоро между путешественниками завязалась беседа.

— До тридцатилетнего возраста я прожил счастливо, пользуясь своим состоянием и наслаждаясь семейными радостями. У меня было имение в Средней Италии, доставшееся от предков. Но человеческая неправда и алчность разорили меня и лишили всего, а смерть похитила жену и детей,— так говорил о себе бывший инок.

— Ты искал мира и утешения в пустыне, но зачем же обратно стремишься в мир? — спросил Алексий.

— Да, пустыня казалась мне лучшим убежищем среди этого проклятого мира, исполненного вопиющих неправд! — сверкнув глазами, воскликнул Клавдий.— Но скоро в душе моей возникли сомнения. «Вот,— думал я, смотря на тихую и безмятежную жизнь святых отшельников,— вот — подобие рая... Благосло-

венны эти люди, отрешившиеся от суеты житейской...» Но разве можно отрешиться вполне от мира? Как?! Разве мысль о том, что миллионы несчастных, задавленных рабством и нуждой, обречены на нескончаемое горе, не в состоянии отравить человека, смутить его спокойствие даже среди безмолвия пустыни? Что толку в том, что я с немногими избранниками устроился сообразно высоким заветам, которые ношу в себе, если бесчисленное множество братий во Христе не могут, не в силах этого достигнуть?

— Но что же можно сделать против этого?

— О, я возвращаюсь в мир не для того, чтобы вновь устроить свое личное счастье... Я брошусь в водоворот житейской суеты для того, чтобы, насколько хватит сил, взмутить его, разрушить и ниспровергнуть ненавистные порядки... Да, я все обдумал... Варвары давно уже

рвутся к пределам империи. Прежде я содрогался от одной мысли о неминуемых вторжениях. Теперь я сам пойду к врагам отечества, сам поведу их в недра империи, сам направлю их разрушительные удары... Это единственное средство... Никакие исправления, ничто не помогает... Разрушить, ниспровергнуть все, расчистить поле — и тогда... тогда пусть выходят из пустынь могучие духовные вожди, пусть возникают вновь новые общества на иных основах — на основах высокого учения Христа...

Клавдий говорил с сильным волнением, со страстными, порывистыми движениями. Алексий решился возражать ему:

— Разве можно получить добрые плоды при помощи насилия и разрушений? Если против насилия и обид вооружиться насилием, то насилие не закрепится ли от этого еще более? Если на обиды и несправедливости отвечать обидами и несправедливостями, то не умно-

жится ли чрез это еще более источник обид и несправедливостей? Разве не составляет непреложную истину убеждение, что только от добрых действий могут произойти добрые последствия, а от дурных и злых — дурные? Только от добра может произойти добро, от света — свет, от любви — любовь. Напротив, от зла, вражды и насилия что другое может произойти, как не сугубое зло, вражда, насилие и новые, еще горшие несправедливости? Утверждать противное, предполагать, что справедливость, мир и любовь могут быть водворены путем насилия и разрушения, — не означает ли белое обращать в черное и черное в белое, из света производить тьму, из тьмы — свет?

— Но ведь это все временно... Как только накопившаяся веками неправда будет уничтожена, как только тысячи паразитов, поедающих баснословные богатства, будут избиты или изгнаны, тог-

да можно будет приступить к устройству новых порядков, тогда можно будет ввести в жизнь братскую любовь и мир...

— Не понимаю, каким это образом из хаоса, из разрушения должно будет явиться царство мира и справедливости? Каким образом люди, привыкшие к грабежу и разорению, могут явиться устроителями новых порядков? Может ли волк обратиться в ягненка? Нет, страшно и опасно вступать на этот путь, опасно брать в руки орудия зла, хотя и для добрых целей... Но предположим на один миг, что это возможно, что после бури разрушения устроятся новые порядки на основах мира, справедливости (хотя, повторяю, это невозможно): что же дальше? Не исказятся ли также и новые порядки? Ведь всегда было, всегда и будет так, что люди будут стремиться к стяжанию благ земных, и более сильные, способные и энергичные постараются завладеть снова громадными бо-

гатствами и поработить толпы своих собратий. Ведь изменить природу человека невозможно...

— Но ты позабыл о законах... При устроении новых порядков необходимо учредить мудрые законы, которые положат крепкую преграду возвращению неправды, по крайней мере в прежних размерах. Мудрые правители, о которых мечтал великий Платон, пусть охраняют их...

— И ты думаешь,— горячо возразил Алексий,— что одними внешними законами, принуждением и страхом наказания можно остановить развитие зла? Да откуда же возьмутся, наконец, мудрые правители? Нет, христианская религия внушает нам верить в духовную силу правды, добра и любви самих по себе; наше святое учение, хотя и говорит о глубоком падении человека, все-таки признает и ничем не искоренимую власть над душой человека высших влияний

добра, правды и любви. Добро, правда и любовь должны восторжествовать собственной силой над злом, враждою, несправедливостью, без всяких пособий внешней силы...

Скажу более: употребление насильственных и грубых средств только повредит делу, замедлит развитие в мире правды, добра, любви, так как в их собственной области — в деле устроения блаженства человека — это делает как бы уступку, допускает хотя бы и временное господство зла, насилия, всякой неправды... Или ты позабыл, что Божественный Учитель сказал Петру в великую ночь самоотверженного шествия на искупительную смерть? «Вложи меч в ножны...» (Ин. 18, 11). «Все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Мф. 26, 52). Нет, только правдою можно победить неправду, добром — зло, любовью погасить ненависть... Если ударят тебя по щеке, подставь другую; если станут сни-

мать с тебя верхнюю одежду, отдай рубашку (ср.: Лк. 6, 29). Не воздавай злом за зло, но побеждай добром зло. «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). Кроткие наследуют землю, гонимым за правду принадлежит Царство Небесное... Если не терпишь зла и неправды в мире, устранись от мира, от богатства, от власти, ничего не желай от мира, стань в ряды обездоленных, несчастных, гонимых... Но думать о насилии... нет, это ужасно, безбожно...

— Но ведь эти возвышенные правила не по силам даже избранным христианам. Как же ты полагаешь, что ими можно руководиться в общественных, житейских отношениях? В действительности между христианами всегда имели место и насилие, и зло, и вражда.

— Ты сомневаешься в практической применимости заповедей Христа, а между тем веришь в свои собственные мечты и планы... Да кто же думает, чтобы возможно было для кого бы то ни было вполне осуществить на земле учение Евангелия, чтобы здесь же, в условиях настоящей жизни, основать царство мира и правды? Не в этом ли твоя ошибка? Не надеешься ли ты устроить рай на земле, осуществить высший идеал счастья? Напрасные мечты... Земля не имеет условий, необходимых для устройства райской жизни. Горе, нужда, болезни, несправедливости всегда были и останутся спутниками человеческой жизни, потому что причина всех зол кроется не столько во внешних и случайных условиях, не столько в недостатках того или другого общественного устройства, сколько в самой природе человека. Пока не откроются для человечества новое небо и новая земля, в которых правда

живет, до тех пор останутся в человеческой жизни и горе, и нужда, и неправда всякого рода. И сколько бы люди ни улучшали свою жизнь, зло будет открываться во все новых видах... Так свидетельствует история, так говорит ежедневный опыт...

— Так, на твой взгляд, вовсе не стоит истощать свой ум и энергию, чтобы освободить людей от зол и страданий, тяготеющих над ними? Значит, лучше склониться с покорностью и равнодушием пред силою зла?

— Кто же тебе говорит об этом? Разве затем даны нам высокие заповеди Евангелия, чтобы мы не исполняли их? Правда, мы никогда не будем в силах исполнить их вполне, но мы обязаны стремиться по мере сил к их исполнению. Всего мы не можем сделать, но каждый может сделать что-нибудь... Христианское учение без прикрас и обольщений раскрывает пред нами всю

глубину зла и страданий, тяготеющих над нами, но не затем, чтобы мы с ужасом и отчаянием останавливались пред страшной картиной, нет,— затем, чтобы мы употребляли со своей стороны все усилия выйти из бездны. Только мы должны знать, что мы не можем достигнуть полной победы над злом без Божией помощи, и притом здесь, на земле. Но самая помощь Божия подается нам при условии собственных усилий и подвига.

— Вот об этом-то я и говорю... Для борьбы со злом, со всем могуществом неправды необходимо вооружиться всеми средствами... Не допускает ли этого само Евангелие? Не сказал ли Божественный Учитель: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10, 34—35) и «Восстанут

брат на брата, и родители на детей, и дети на родителей» (ср.: Мф. 10, 21)? Не сказал ли Он в другой раз: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12, 49)?

— Как ты превратно понимаешь слова Евангелия! Действительно, вслед за распространением христианства страшное пламя загорелось на земле и меч стал поражать тысячи людей. Но кто же употреблял меч и возжигал костры? Христос ли, апостолы ли Его или их последователи — христиане?! Христиане, верные духу Евангелия, никогда не обращались к насилию, а враги христиан только на это и опирались... А если бы кто из христианских учителей вздумал взывать к насилию, да покроется он позором!..

— Но теперь, благодарение Богу, христиане восторжествовали... И сколько бы добра могли сделать пастыри,

предстоятели церквей, если бы отличались большей энергией, если бы более действенными средствами — силою, а в случае нужды хотя бы и насилием — вводили братство и любовь!..

— Опять насилие... Да пойми же наконец, что мы, христиане, должны быть чужды насилия, мы можем действовать только на совести и убеждения. Когда все общество проникнется учением Евангелия, когда преобразится самый дух общества, тогда сами собой улучшатся и отношения между людьми. А когда дух общества огрубел, нравственные силы в нем расслаблены, то никакие внешние принудительные меры не помогут. Они только поведут к еще большему огрубению.

— Да, но когда-то это будет! Не слишком ли продолжителен и труден путь нравственного очищения и перевоспитания общества?

— Вот это-то обстоятельство, эта продолжительность и трудность пути и свидетельствуют о его верности. Что истинно великое достигается без труда?

— А пока не совершилось перевоспитание общества в христианском духе, мы, значит, должны относиться равнодушно ко всем неустройствам, к рабству, к бедности, страданиям народным?

— Правда, христианство считает возможным полное счастье людей только при полном нравственном совершенстве, которое в настоящей жизни не может быть достигнуто вполне. Но следует отличать идеал, конечную цель жизни рода человеческого и действительность. Разве мы, христиане, должны быть чужды страждущим братьям? Разве все учение Евангелия не говорит о любви к ближнему, о самоотвержении? Разве помощь всякому нуждающемуся не является для каждого христианина первой обязанностью? Разве любовь к ближнему не

проявилась в первый раз в мире именно среди христиан?

— Все, что ты говорил, прекрасно и, может быть, верно, но я остаюсь при своем мнении... Пока огонь горит во мне, пока есть силы и энергия, их нужно применять, не стесняясь ничем...

— Скажи лучше: пока обида чувствуется в сердце, пока кипит жажда мщения...

При последних словах Алексия бывший инок Клавдий побледнел, и даже гнев сверкнул в его глазах, однако он опустил голову и, помедлив, произнес с волнением в голосе:

— О, и это — правда! Судьба меня влечет на страшный путь... Прощай, я не забуду и твоих уроков.

— Последуй лучше им...

— Нет, нет. Я решился бесповоротно. Иду к готам... Прощай и не забудь меня в молитвах.

Сказав это, Клавдий поспешил расстаться с Алексием...

7. УХОД ОТ МИРА

«Неисповедимы судьбы Всевышнего! — воскликнул Алексий, расставшись с Клавдием.— Некогда беззаветная любовь к отечеству вознесла римское государство и поставила его во главе царств земных, а теперь в душах самих римлян зарождается чувство ненависти к порядкам, созданным их предками, или по крайней мере равнодушие к судьбам родины... О, как это горько! Мое сердце обливается кровью, когда вспоминаешь и передумываешь все это, и я чувствую, что в груди моей — римское сердце, что я люблю свое отечество... Мне кажется бредом сумасшедшего эта речь, исполненная вражды, мне кажутся дикими и невероятными эти за-

мыслы погубить родину при помощи врагов. Нет, не мстить, не призывать к насилию, а искупить, отмолить грех прошлого — вот призвание! О, если бы мы, потомки славных предков, ввиду грядущих бедствий, раскаявшись, отвергли бы всю неправду вековую и, отпустив толпы своих рабов и разделив свои богатства, породнились бы в общем братстве с меньшею братией! Быть может, это покаяние спасло бы родину и всех нас, отвратив кару Господню... Ведь пощадил же в древности Господь раскаявшуюся Ниневию[192]. А если бы Всевышнему угодно было излить чашу праведного гнева, в час погибели мы предстали бы на суд Его как чистая жертва за грехи веков... Но труден сей подвиг и требует приуготовлений...»

Среди таких размышлений Алексий и прибыл в Александрию. Он был сильно утомлен трудным путешествием и поспешил найти себе приют в одном из небо-

гатых жилищ, в семье рыбаков. Наутро он отыскал себе спутников, отправлявшихся на крайний Восток по торговым делам, и решил немедля пуститься в путь. Целью его был город Эдесса. Это дальнее путешествие было совершено без особенных приключений. Ранним утром Алексий прибыл в Эдессу и прежде всего пошел в храм, где с горячей молитвой повергся пред изображением Богоматери, испрашивая сил на предстоящие труды и подвиги. После долгой молитвы выйдя из храма, он встретил человека, наружность которого ему показалась очень знакомой. Тот точно так же внимательно озирал Алексия.

— Боже! — вдруг воскликнул знакомый незнакомец.— Кого я вижу! Какими судьбами?

С этими словами незнакомец бросился к Алексию и заключил его в свои объятия. То был некогда спасенный Алексием архитектор. Алексий поспе-

шил со своей стороны горячо его приветствовать.

— Каждый день я вспоминаю о тебе и молюсь со слезами благодарности,— заговорил пораженный архитектор.

— Но скажи мне, хорошо ли ты устроился? Все ли здоровы в твоем семействе?

— О, благодаря твоей щедрой помощи мы благополучно добрались до Эдессы и здесь устроились по-старому... нет, гораздо лучше. У меня здесь много работы, благосостояние мое обеспечено... Да что ж мы на улице беседуем? Пойдем ко мне, у меня прекрасный просторный дом и обширный тенистый сад... Как обрадуется жена!..

— Прежде всего,— возразил Алексий,— я потребую от тебя большой услуги...

— О, говори скорее... Чего я не сделаю для тебя!

— Забудь о том, кто я... И если твоя жена не узнает, тем лучше... Не говори ей ни слова...

Архитектор был сильно изумлен такой просьбой и не знал, что ответить на нее.

— И чего бы ты ни заметил странного и чуждого моему званию в моем поведении, храни молчание. Вот все, о чем я прошу тебя.

Впрочем, ты можешь быть мне очень полезен. Ты, конечно, знаешь тех, кто более всего нуждается в вашем городе. Вот возьми все это и раздай... Я уверен в том, что ты мою просьбу исполнишь как следует!

С этими словами Алексий вручил архитектору все свои драгоценности и деньги.

— Я твой слуга,— начал было архитектор,— но...

— Не изумляйся... После узнаешь все...

Разговаривая, они приблизились к дому архитектора. По усиленной просьбе Алексия хозяин отвел ему самую скромную комнатку, выходящую в сад. Алексий поблагодарил архитектора, заметив, что он пробудет в Эдессе лишь несколько дней.

— А теперь скажи мне, могу ли я узреть вашу дивную святыню? Где хранится нерукотворный образ нашего Спасителя?

— Не знаю, говорил ли я тогда тебе обо всем, что произошло со времени Авгаря. Сын его был столь же ревностный христианин, как и его отец, но преемник Авгарева сына оказался идолопоклонником, и множество народа вместе с ним оставило веру во Христа. Тогда епископ, желая сохранить святыню от поруганий черни, приказал огородить то место, на котором был поставлен нерукотворный образ, и лишь те только, вера и усердие которых хорошо известны

епископу, могут взирать на лик Спасителя. Но я знаком со всеми здешними пастырями и представлю им тебя. Ты увидишь бесценное сокровище христиан...

— О, как я тебе благодарен! — воскликнул Алексий.

— Епископ, скрывший образ, возжег пред ним лампаду. Века идут, но не гаснет пламя, и горит лампада. И крепнет вера здешних христиан, что наш город в безопасности, пока хранит в себе великую святыню. Однако ты нуждаешься в отдыхе с дороги.

— Подожди немного. Возьми себе на память о прежнем Алексии, которого теперь уже нет,— возьми вот это платье и принеси мне взамен ветхую и бедную одежду...

— Но к чему все это? Боже...

— Я просил тебя не изумляться. Таково мое призвание, такова моя судьба. Помни, что ты обещался мне.

Затаив свои чувства, архитектор оставил Алексия и немедленно отправился в город исполнить в точности его поручения. Вручив епископу часть вверенных ему сокровищ на нужды церкви, он испросил для Алексия разрешения поклониться лику Спасителя.

Всю ночь провел Алексий в горячей молитве, а ранним утром вместе с епископом отправился на поклонение святыне. Кто может изобразить чувства Алексия, когда он сподобился узреть Божественные черты Спасителя, выражавшие и величие Божества, и бесконечную благость!

Алексий взирал на Господа и не мог решить, что он чувствовал при этом созерцании: преданность ли самоотверженную или благоговейный страх...

Долго, точно позабыв себя и все окружающее, стоял Алексий не сводя глаз с изображения в неописуемом восторге; наконец, придя в себя, упал пред обра-

зом в горячей мольбе. Казалось, сами собой исходили из уст его слова молитвы, между тем как все существо его трепетало и каждый нерв дрожал от испепеляющего пламени.

Алексий молился о дорогих его сердцу, которых он оставил в мире, просил сохранить их от напастей и не лишить Небесного Царства, молился о родине, о всем мире, о всех христианах, о славе имени Божия...

Глубоко потрясенные увиденным, епископ и архитектор замерли не в силах удержать слезы. Долго молился Алексий и наконец умолк. Лицо его преобразилось... Помолчав, он обратился с просьбой к епископу.

И пожелал молиться день и ночь
Поблизости святыни сей великой.
И с той поры на паперти церковной
Он пребывал в молитве непрестанной
*Меж нищими, питаясь подаяньем...**

**Алмазов Б. Н.* С. 358.

Алексий решил остаться в Эдессе. Началась жизнь великого подвижничества, продолжавшаяся годы...

Так плоть свою
он долго умерщвлял —
И юноша цветущий дряхлым старцем
Стал от поста,
и бденья, и молитвы:
Согнулся стан, высокий и прямой,
И алые ланиты пожелтели,
Морщинами покрылося чело,
И развилися кудри молодые,
И мягкие власы посеклись, пали,
И очи потускнели и ввалились,
И руки, возлелеянные в неге,
Как у раба, очерствнув, огрубели,
И борода до чресл произросла,
И Алексий всем телом превратился
Как бы в иссохший остов человека,
*Бессмертною душою оживленный**.

**Алмазов Б. Н.* С. 359.

8. ПЕЧАЛЬ РОДНЫХ

Томился скорбью горестно отец,
Мать плакала,
и плакала невеста:
Никто не знал,
что сталось с Алексием...*

Трудно представить себе переполох, происшедший в доме Евфимиана наутро после свадьбы, когда обнаружилось исчезновение Алексия.

Родители, придя утром в комнату новобрачных, застали невесту сидящею в креслах, в том самом наряде, в котором она была накануне. Слезы тихо струились по ее щекам, глубокая скорбь вместе с недоумением выражалась на ее лице. Когда родители узнали от нее о происшедшем, переспросивши несколько раз о последних словах, сказанных ей молодым мужем, они долгое время не

---

* *Алмазов Б. Н.* С. 359.

могли прийти в себя от изумления. Аглаида, побледнев от ужаса и скорби и схватив себя за голову, с потрясающим душу воплем бросилась в свою комнату. Едва переступив порог, она лишилась сил и упала на пол. Она билась, металась... «Я не встану, я не выйду из этой комнаты, не буду ни есть, ни пить, пока не узнаю, где мой сын и что случилось с ним!» — кричала она. Марцелла поспешила к ней и, стараясь успокоить несчастную мать, дрожащими руками поднимала ее, но голос у ней обрывался, слова утешения не шли на ум. «Я не уйду от тебя, дорогая... Я останусь здесь... Горлица, лишившись подруги, летает по горам, по долинам, ищет ее, подругу свою, и жалобно стонет... И я буду с тобой рядом... И никогда не забуду его, моего дорогого друга... Мы вместе терпеливо будем ждать его...»

Несчастные мать и жена, обнявшись друг с другом, сидели в комнате и тихо

плакали, меду тем как Евфимиан, едва придя в себя, позвал Руфина, тоже глубоко потрясенного событием, и вместе с ним сделал спешные распоряжения относительно розысков пропавшего юноши. Были розданы большие суммы, и гонцы немедленно отправились во все стороны света, главным образом на Восток; но Евфимиан не удовлетворился этим: он поспешил к властям и со слезами просил о принятии надлежащих мер для возвращения бежавшего. В большом волнении прошел весь день в доме Евфимиана, слуги тихо ходили по комнатам и шептались между собою. Несчастные родители и молодая жена вздрагивали и бросались в передние комнаты дома при малейшем шуме...

Печальная новость быстро облетела город, и знакомые Евфимиана спешили навестить его, выразить соболезнование и разузнать подробности. Немногие, однако, искренно сочувствовали горю; на-

шлись и такие, которые втайне радовались случившемуся, у многих возродились и планы о возможном наследстве... Одной из первых прибыла Марцелла в сопровождении своих духовных дочерей, подвизавшихся под ее руководством. Она нарочно взяла с собою тех, которые были особенно дружны с супругой Алексия во время пребывания ее на Авентине. Тщетно старалась Марцелла утешить несчастных мать и жену, да она и сама чувствовала всю трудность утешения в подобных случаях, поэтому и советовала обратиться с молитвой к Богу, Всемогущему Утешителю скорбящих. Обещавшись навещать их как можно чаще, Марцелла в глубокой грусти возвратилась домой. После ее ухода Евфимиан отдал приказ не принимать более посетителей.

Несколько дней родители и молодая супруга находились в тревожном ожида-

нии известий об Алексии, но известий не было. Казалось, исчез всякий след бежавшего. Охватившее всех вначале чувство ужаса и неизбывного горя сменилось — мало-помалу — сосредоточенной грустью, которая, точно траур, охватила несчастную покинутую семью. Общее горе еще сильнее сблизило мать и невестку.

И с той поры остались неразлучны
Вдова и мать — и вместе слезы лили,
*Беседуя о милом Алексии...**

Общий строй жизни в доме, однако, мало изменился, только жизнь стала еще более замкнутой, точно в строгом монастыре: еще сильнее сгорбился и поседел старый Евфимиан, еще строже стал в отношении к себе, еще серьезнее взглянул на свои христианские обязанности по отношению к нуждающимся... Марцелла несколько раз навестила мать и

---

* *Алмазов Б. Н.* С. 360.

жену Алексия, а перед самым отъездом Евфимиана из Рима в деревню предложила «юной Марцелле» возвратиться в авентинское уединение, но та решительно отказалась. Она увидела в своем положении перст Божий, указавший ей на подвиг, которого так жаждала ее душа, и решилась остаться в доме Евфимиана. К тому же ей невыразимо жаль было несчастных родителей дорогого мужа: слишком уж опустел бы их дом, если бы она оставила его. Марцелла чувствовала, что для них она как бы заменяла сына.

Однако не все поиски были безуспешны: несколько слуг Евфимиана побывали в Эдессе и даже видели Алексия, но не смогли узнать своего юного господина в жалком нищем, стоявшем на паперти. Услышав от жителей Эдессы о высоких подвигах Алексия, они подошли к нему и вручили ему небольшую сумму.

У юноши забилось сердце, слезы навернулись на глаза и дрогнула рука, принимавшая деньги, но в душе он поблагодарил Бога, сподобившего его получить милостыню из рук своих слуг.

Убедившись в полной безнадежности всех поисков, Евфимиан решил окончательно поселиться в деревне, и лишь в дни особенно торжественных праздников печальная семья появлялась в Риме. Зато каждый приезд Евфимиана в город встречаем был с радостью в среде несчастных бедняков. Евфимиан, однако, не расточал без разбора своих благодеяний; он оставлял без всякого внимания просьбы, а иногда и назойливые требования многочисленной праздной римской черни. Каждый раз он тщательно собирал сведения о нуждающихся и щедро помогал тем из них, которые при всем трудолюбии и трезвой жизни не могли достать себе пропитания или которые застигнуты были каким-нибудь несчас-

тьем вроде болезни, пожара и тому подобного. Излишне и говорить о том, что все жившие в его обширных поместьях благословляли свою судьбу.

Так шли года... Но внезапно наступили тревожные, тяжкие времена, которые должны были отразиться и на семье Евфимиана.

9. ФЕССАЛОНИКИЙСКАЯ РЕЗНЯ

Сердце сокрушенно и смиренно
Бог не уничижит.

(Пс. 50, 19)

В 395 году скончался последний римский император, правивший единолично всей империей,— Феодосий Великий[193]. Смерть его оплакивали все, точно предчувствуя предстоящие бедствия. Везде говорили о достоинствах покойного императора, о неотвратимой утрате, постигшей государство. И в са-

мом деле, какие печальные виды открывались на будущее! Слабые сыновья покойного императора — Гонорий[194] на Западе и Аркадий[195] на Востоке — не подавали никаких надежд на твердое и мужественное правление. Развращенность нравов дошла до последней степени. Изнеженность и сластолюбие влили тайный и пагубный яд даже в ряды легионеров[196]. Развращенные солдаты пренебрегали и своей собственной обороной, и защитой своего отечества.

Среди всеобщего крушения только Церковь Христова в лице достойнейших пастырей той эпохи казалась несокрушимой скалой. Время Феодосия — это эпоха полного и окончательного торжества христианства. Император запретил под страхом строгих наказаний приносить жертвы языческим божествам и приказал повсеместно разрушить языческие храмы. Но всего лучше доказывает силу и влияние Церкви того време-

ни то сыновнее уважение к ней, которое выказал Феодосий, смиренно подчинившись епитимье, наложенной на него архиепископом Миланским — святым Амвросием.

В 352 году в Риме происходил священный и трогательный обряд отречения от мира и принятия иночества юной девой Марцеллиной. Сам папа Либерий совершил его в ночь Рождества Христова и произнес превосходную речь по этому случаю. В числе слушателей находились два брата новой инокини — Амвросий и Сатирий. Мать их была женою правителя Галлии. Лишившись мужа, она переселилась в Рим. Юная Марцеллина скоро вступила в знаменитое общество авентинских дев под руководством Марцеллы, Сатирий умер в молодых годах, а Амвросий, достигший высокого положения префекта Лигурии[197], впоследствии также принял иночество и сделался од-

ним из знаменитейших пастырей своего времени.

Его прекрасные слова о девстве с восторгом читались на Авентине. Но более всего он прославился своей непреклонной твердостью и неустрашимостью характера. Пред его взором останавливались в страхе грубые готские войска. Его приговаривали к ссылке за ревность о чистоте христианского учения, но самоотверженная преданность паствы охраняла пастыря. Всю свою жизнь, все дарования свои он отдал служению Церкви. Подобно Василию Великому, он мог говорить о себе, что его жизнь и его судьба находятся в руках императора, но он никогда не изменит Христовой Церкви и не унизит епископского достоинства. За такое дело он готов претерпеть все, чему бы ни подвергла его злоба демона, и он желает только, чтобы ему пришлось умереть в присутствии его верной паствы и у под-

ножия алтаря. Богатства внушали ему презрение: он отказался от своего достояния и без колебаний продал церковную утварь для выкупа пленных. Понятно, что духовенство и жители Милана были беззаветно преданы своему пастырю и готовы были положить за него свои головы.

Феодосий после своего вступления на престол, как покровитель Православия, естественно, не мог не выказать всей своей любви и уважения к Амвросию, который в своем лице соединял все епископские добродетели в их высшей степени. И друзья, и министры Феодосия подражали своему государю. Сам Амвросий отечески относился к достойному монарху, ибо его, Феодосия, мудрость, его военные подвиги внушали глубокое уважение как подданным, так и врагам. В частной жизни Феодосий отличался семейными добродетелями, был целомудрен и воздержан. Его блистательные

императорские титулы только украсились нежным званием верного супруга и доброго отца. Он любил своих племянников как родных детей. Его друзья были из числа тех, которых он хорошо узнал и оценил еще будучи частным лицом. Он забыл все обиды, перенесенные им до своего воцарения, но с признательностью вспоминал об оказанных ему услугах. Будучи приветлив со всеми, за исключением, однако, ариан, он особенно ценил хороших и истинно добродетельных граждан.

Сверх тяжких забот по управлению обширным государством и военных подвигов, он находил время для научных занятий, причем особенно любил историю. Его благородство, великодушие и милосердие хорошо были известны всем. Справедливо говорил один оратор, что если бы суровый Брут[198] мог возвратиться к жизни, он у ног Феодосия раскаялся бы в своей ненависти к царской

власти и искренно сознался бы, что такой монарх, как Феодосий, был бы самым надежным блюстителем благосостояния и достоинства римского государства.

Однако в характере Феодосия были и темные стороны. Он был нетерпелив, вспыльчив и раздражителен. «Ты отличаешься пылкой натурой,— говорил ему Амвросий.— Если бы кто-то пожелал смягчить этот пыл, то очень легко склонил бы тебя к милосердию. Бойся тех, кто раздражает и подстрекает тебя. Тогда ты доходишь до такого состояния, что едва можешь сдержать себя!» Сам Феодосий знал за собою этот крупный недостаток и увещевал своего сына более всего сдерживать раздражительность. В одну из несчастных минут своего гнева Феодосий вынес жестокий приговор фессалоникийцам.

Фессалоники[199] был главным городом всех иллирийских[200] провинций. Его охраняли от готов сильный гарнизон и ук-

репления. Предводитель войск, Боферик, имел в числе рабов красивого юношу, который возбудил гнусные желания в одном из лучших наездников цирка. Боферик в сильном гневе приказал заключить наездника в тюрьму. Но вот, в день общественных игр, огромная толпа народа окружает дворец Боферика. «Отдай нам ловкого наездника!», «Что нам за дело до его нравственности!», «Искусство для нас важнее добродетели!»,— раздавались мятежные возгласы. Боферик оставался, однако, непреклонен. Шум усиливался. Подстрекатели разжигали народ. «Не бойтесь,— кричали они,— у него нет войска!» Ярость толпы дошла до предела. В несколько минут Боферик и его свита были умерщвлены. Обезображенные трупы их влачили по улицам...

Император находился в Милане, когда принесли ему известие об ужасном событии. Он был страшно потрясен.

«Кровь Боферика должна быть искуплена кровью всех жителей города. Не нужно никакого разбирательства! Приказ о поголовном наказании исполнить немедленно!» — воскликнул он. Узнав об этом жестоком решении, Амвросий поспешил к императору и сумел было укротить его гнев, но вслед за уходом епископа льстивый царедворец Руфин успел снова раздуть в страшное пламя погасавшую искру гнева. И немедленно были отправлены гонцы с кровавыми приказаниями.

«Император приглашает своих верных подданных в цирк и желает возвеселить их невиданными играми!» — возглашали герольды[201] на улицах Фессалоник. Народ стремительно бросился в цирк, у входа была страшная давка. Между тем поблизости от цирка собирались в засаде отряды наемных варваров. Лишь только цирк наполнился народом, как тотчас дан был знак к началу не игр,

но ужасающей резни. Целых три часа шло избиение при непрерывных потрясающих воплях избиваемых... Лились потоки крови...

«Боже праведный! — воскликнул Амвросий в невыразимой горести при вести о фессалоникийской резне.— Молчать ли? Но молчание не сделает ли и меня сообщником преступления?» И вот он пишет грозное обличительное письмо императору. «Не буду приносить Святой Жертвы ни от твоего имени, ни в твоем присутствии,— писал Амвросий.— Молись и проси — проси прощения, но не дерзай приблизиться к алтарю Христа с руками, запятнанными кровью!» Император был глубоко потрясен. Совесть и страх суда Божия громко заговорили в его душе. Горько оплакивая пагубные последствия своей опрометчивости, он спешит в храм, но на пороге храма встречает его Амвросий и языком посланника Неба объявляет ему, что тайного раская-

ния недостаточно для того, чтобы загладить ужасное злодеяние, совершенное явно, и умилостивить гнев Божий.

— Отче, я согрешил тяжко, но и Давид, человек по сердцу Божию, провинился не только в смертоубийстве, но и в прелюбодеянии.

— Так подражай же Давиду и в его раскаянии,— возразил Амвросий.

Народ, бывший свидетелем этой сцены, молил строгого пастыря о прощении государя.

— Отче, к твоим стопам повергаю мою диадему...[202]

— Сложи с себя знаки своего величия и среди церкви, на коленях, со слезами и сокрушенным сердцем, принеси покаяние! — воскликнул сквозь слезы Амвросий.— Но не скоро ты будешь вновь принят в число верующих...

Император подчинился суровым условиям. В течение восьми месяцев Амвросий старался уврачевать растерзан-

ную душу императора и наконец с радостью снова принял его в общество верующих.

Пример поразительный! Счастливы властители, которые, стоя выше всех человеческих ограничений, признают над собою власть невидимого Судии! Блаженны пастыри, дерзающие именем Божиим говорить правду сильным мира сего! Монарха, который подчиняется влиянию надежд и опасений, внушаемых религией, можно сравнить со львом, который знает голос только своего сторожа и послушен только ему одному!

Участь, подобная той, которой подвергались Фессалоники, угрожала однажды и Антиохии, но святые отшельники, спустившиеся с гор и вышедшие из пещер, сумели укротить гнев императора и убедили его грозных послов приостановить исполнение сурового приговора.

Приведенные примеры показывают нам, кто должен был стать во главе

народа в наступавшую тяжелую годину страшных бедствий, вокруг каких вождей должны были сплотиться силы распадавшегося общества, где можно было искать и находить защиту и утешение. Правительства, легионы, крепости падут пред напором страшных варварских полчищ, но выступят Лев Великий[203], святой Северин[204], святая Женевьева[205] и тому подобные...

10. ОПОМНИЛИСЬ – И УЖАСНУЛИСЬ

Гений Рима умер вместе
с Феодосием*.
Нечестивии же предел преидоша.

Западная половина Римской империи вверена была Феодосием управлению его несовершеннолетнего сына, слабого Гонория. Это была вялая,

* *Гиббон Э*[206]. История упадка и разрушения Римской империи.— М., 1884. Ч. 3. С. 312.

ко всему на свете равнодушная натура. Верховая езда и стрельба из лука вначале несколько занимали его, но потом показались утомительными, и он все свое время сосредоточил на разведении и откармливании кур, проводя сонливую жизнь в стенах дворца. А гроза была близка... Феодосий скончался в январе, но еще прежде истечения зимы поднялись готы и смело обнаружили свои враждебные замыслы, давно таившиеся в их свирепых душах. На этот раз во главе готских полчищ стоял отважный, непоколебимого мужества герой — Аларих[207]. Начались опустошительные набеги, разгромы городов, разорение целых провинций. Пожар войны вспыхнул наконец и в самой Италии — римляне, как и некогда во времена Ганнибала[208], спешили укреплять стены Вечного города, а сам Гонорий едва избежал позорного плена.

Мужество, распорядительность и отчасти коварство Гонориева руководителя, доблестного полководца Стилихона[209], однако, на этот раз спасли Италию и Рим от полного разорения.

После изгнания варваров из Италии римский сенат[210] обратился к Гонорию с почтительным приглашением отпраздновать в столице мира победу над готами. В течение последних ста лет римляне только три раза удостоились присутствия своих государей. Тем с большим великолепием готовились они теперь встретить царственного гостя. Все предместья и улицы от Мильвийского моста до Палатинского холма были запружены народом, восхищавшимся блеском триумфального шествия.

Взоры всех прикованы были к великолепной колеснице, на которой подле императора вполне заслуженно находился недавний победитель готов — Стили-

хон. Шествие медленно подвигалось к роскошной арке, нарочно воздвигнутой для столь торжественного события. Но не идольская жертва на этот раз была завершением триумфа. В течение своего пятимесячного пребывания в Риме император старался показать себя усердным христианином, часто посещая гробницы апостолов.

Давно уже не видали в Риме и столь грандиозных цирковых зрелищ. В день игр все население было с утра уже на ногах. У входов в цирк — страшная давка, свалка и крик. Но вот все стихло. Римляне — на местах и нетерпеливо ждут начала игр. Глаза всех обращены на сводообразные, загражденные канатом ворота, за которыми, топая и фыркая, стоят беговые лошади.

По данному знаку канат падает, и колесницы стремительно врываются в ри-

сталище[211]. Со всех сторон снова поднимается невообразимый крик. Сотни тысяч зрителей потрясаются одною, всех охватившею страстью, доходящею до неистовства. Если взглянуть со стороны на это напряжение, досаду, бешенство, восторг и порывистость движений, можно подумать, что видишь пред собою толпу умалишенных.

Неотступно следя глазами за колесницами, зрители ударяют в ладоши, кричат изо всех сил, наклоняются вперед, машут одеждами и платками, простирают руки, как бы желая достать ристалище, подгоняют криками лошадей своей партии, соскакивают с мест, скрежещут зубами, грозятся, спорят, бранятся, проклинают, издают крики восторга и победы, плачут и смеются, падают в обморок... Но вот первая колесница достигает цели... Новые, потрясающие воздух крики... А впереди еще звериная

травля и охота. А потом и гладиаторские бои...

Тщетно ратовали против этих отвратительных зрелищ лучшие люди язычества, тщетно гремели со своих кафедр христианские проповедники... Несколько сот, а может быть, и несколько тысяч несчастных все еще убивались для потехи черни ежегодно в больших городах империи; римляне точно так же (если не более) наслаждались этим кровавым и варварским зрелищем.

Один христианский поэт обратился к Гонорию с трогательными увещаниями искоренить своею властью отвратительный обычай, так долго не уступавший ни голосу человеколюбия, ни авторитету религии. Тщетно! Бои гладиаторов были внесены в программу торжеств... Мало того — придуманы были самые дикие и сумасбродные способы, чтобы придать как можно больше возбудительности бесчеловечным играм.

Громадный амфитеатр по-прежнему полон, безжалостно и бессмысленно льется потоками человеческая кровь, несутся ужасные стоны раненых и умирающих, но тем больше буйствуют зрители, заглушая эти предсмертные стоны своими неистовыми криками и точно пожирая арену кровожадными и как будто готовыми выскочить из орбит глазами.

Но вдруг происходит нечто совсем неожиданное. Бедно одетый инок бросается к сражающимся гладиаторам и начинает разнимать их...

Толпа мгновенно притихает, пораженная, и среди внезапно наступившей тишины раздаются из уст отшельника грозные слова обличения с призыванием кары небесной и проклятия против нераскаянности и упорства в ужасном злодеянии...

Невозможно изобразить того, что произошло потом. Весь амфитеатр взре-

вел одним адским криком негодования и злобы, огромная толпа зрителей бросилась как бурный поток на арену. Люди стали подобны разъяренным зверям.

Трудно было увидеть, что происходит в этом хаосе, в невообразимой свалке...

Но, когда толпа отхлынула, на арене остался растерзанный и обезображенный труп инока.

То был святой Телемах[212], восточный отшельник.

Однако на этот раз была спета лебединая песнь гладиаторским боям. Население Рима опомнилось — и ужаснулось.

Гонорий поспешил издать законы, навсегда отменявшие человеческие жертвоприношения...

Вместе с тем пролитая праведная кровь была последней каплей, переполнившей чашу гнева Божия...

11. ШЕСТЬ ДНЕЙ ВАРВАРСТВА

> Горе, горе *тебе*, великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу[213], украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом, ибо в один час погибло такое богатство!.. и, видя дым от пожара ее, возопили, говоря: какой город подобен городу великому! И посы́пали пеплом головы свои, и вопили...
>
> (Откр. 18, 16—19)

Прошло всего около семи лет после описанного нами происшествия, а неумолимый враг стоял уже у стен Рима. Несчастный город принужден был испытать все бедствия голода. Тогда-то богачи, затруднявшиеся прежде в выборе всевозможных яств, поняли, как немного нужно человеку для удовлетворения потребностей природы. Самые нездоровые и вредные продукты, самая отвратительная на вид и на вкус пища

пожирались с жадностью. Ходили слухи, что некоторые питались трупами умерших, что матери ели мясо убитых детей... Множество погибших от голода оставалось без погребения, воздух заражался от зловония, и к ужасам голода присоединились заразные болезни... Малодушный Гонорий и его двор укрылись в крепкой Равенне[214] и мало думали о бедствиях столицы и государства, сделавшихся добычею свирепого неприятеля.

Наконец, через тысячу шестьдесят три года после основания, Рим, этот царственный город, поработивший вселенную, взят был хищными полчищами Алариха. Рабы в полночь предали столицу, тайком отворивши перед варварами ворота.

Трудно представить себе все ужасы, происходившие в городе при взятии его готами, начавшими немедленно грабежи и убийства. Городские улицы усеяны

были трупами убитых. Сорок тысяч рабов спешили отомстить своим господам за когда-то сыпавшиеся на них позорные удары плети. Знатные дамы и девушки лишали себя жизни, чтобы избежать насилия.

Между тем как в городе на каждой улице и чуть ли не в каждом доме происходили убийства и раздавались отчаянные вопли жертв, Аларих поспешил издать для своих воинов прокламацию. В ней грозный вождь поощрял солдат обогащаться добычей и забирать сокровища у привыкшего к роскоши, изнеженного народа. Напрасно возражал против этого поощрения Клавдий, уже известный читателю беглец из пустынь египетских, а теперь близкий советник Алариха.

— Нужно же вознаградить воинов за их храбрость! — воскликнул Аларих.— Да теперь их и не остановишь!

— Так зачем же поощрение? — возражал Клавдий.— Позволь написать при этом по крайней мере, чтобы победители щадили жизнь покоренных и не дерзали касаться христианских святынь.

— Напиши. Я сам хотел издать такой же приказ.

Получив прокламацию, Клавдий торопился повсюду оповестить варварских предводителей. Проходя по улицам города, он увидел, как один из вождей ворвался в скромное жилище одной престарелой девы, посвятившей свою жизнь делам христианского благочестия. Клавдий поспешил вслед за ним и застал следующую сцену. Варварский вождь в восторге любовался множеством принесенных ему дорогих вещей из золота и массивного серебра художественной работы.

— Это — священные сосуды, принадлежавшие апостолу Петру,— строго сказала дева.— Если ты осмелишься

прикоснуться к ним — совершишь святотатство, которое останется на твоей совести. Страшная кара постигнет тебя. А что касается меня, то я не могу более охранять то, что не в силах защитить.

— Что делать с этими сокровищами?! — воскликнул варвар, пораженный ужасом.

— Немедленно известить короля,— ответил Клавдий.— Ты останешься здесь, а я отправлюсь...

Клавдий скоро возвратился от короля с приказанием перенести в храм апостола все священные сосуды и украшения. Лишь только вынесли из дома сокровища, как вдруг показалась огромная толпа варваров, которые с криком бросились к великолепной добыче.

— Стойте! — воскликнул Клавдий.— Это — сокровища святого Петра. Их несут по повелению короля во храм.

Мгновенно толпа варваров присмирела и, выстроившись рядами, с оружием,

блестевшим от ярких лучей солнца, присоединилась к шествию. Золотые и серебряные сосуды несли с благоговением на непокрытых головах. Пение псалмов прерывалось восторженными возгласами. Сбежалось и множество римлян, обрадовавшись случаю добраться безопасно до священного убежища в Ватикане.

Между тем грабеж продолжался: готы спешили снести на повозки груды сокровищ — золотую и серебряную посуду, дорогую одежду, украшения, роскошную утварь. Не обошлось без уничтожения самых изящных произведений искусства: металлические статуи растапливались ради извлечения драгоценных металлов; сосуды при дележе разбивались на куски ударом боевой секиры. Но грабителям казалось мало приобретенной добычи. Наступила ночь, и под покровом ее совершались ужасы, от которых кровь холодеет в жилах. Варвары рассеялись по всем улицам и, врываясь в

дома, подвергали их несчастных обитателей невыразимым мучениям и пыткам, чтобы заставить указать, где спрятаны сокровища.

Среди ночной темноты показалось зловещее зарево пожара: огонь возник сразу в нескольких частях города. К довершению бедствий над городом разразилась сильная буря с грозою, небо озарилось огнями и, к невыразимому ужасу победителей и побежденных, молния обратила в прах и римский Форум, и украшавшие его гордые статуи древних богов и героев.

Ужасная катастрофа, поразившая Рим, произвела повсюду необыкновенно сильное впечатление. Многие видели в ней предзнаменование грядущей кончины мира.

Рассказы о великом бедствии разносились по всем провинциям многочисленными беглецами из Рима и Италии. Множество богачей, сделавшихся теперь

нищими, нашли себе приют в обителях Востока.

После того как сокровища апостола благополучно перенесли в Ватикан, Клавдий, испросивши у короля отряд воинов, устремился в наиболее зажиточные кварталы столицы, стараясь всюду — по возможности — прекратить ужасы разрушения. Уже вечером, возвращаясь к королю, он заметил огромную толпу варваров, устремившихся к обширному зданию, принадлежавшему, по-видимому, очень богатому и знатному человеку. Клавдий уже отчаялся окончательно остановить грабежи и убийства; взглянув на подвергавшееся нападению здание, он махнул рукою и повернул было в противоположную сторону. Но в это самое мгновение он вдруг услышал:

— Клавдий, если можешь, защити этот дом. Он принадлежит моему отцу!

Тот, кто произнес это, стоял пред Клавдием, устремив на него присталь-

ный, строгий взгляд. Клавдий не выдержал этого взгляда.

— Алексий! — удивленно-испуганно воскликнул он.— Боже, откуда ты?

— Исполни, если можешь, мою просьбу...

Точно окрыленный невидимою силою, Клавдий бросился вперед и быстро разогнал толпу грабителей. Удаляясь, он оставил стражу близ здания со строгим повелением не допускать грабителей, а сам отправился немедленно к королю и испросил у него позволения принять все меры к охранению дома, дома Евфимиана... И, когда по прошествии шести дней варвары очистили Рим, в городе рассказывали с изумлением, что в доме Евфимиана не только хозяин и его семейство остались совершенно невредимыми, но и никто из его слуг не подвергся даже и малейшему оскорблению...

А король готов, оставляя город, оплакивал потерю одного из своих прибли-

женных: Клавдий сам пронзил себя мечом на развалинах римского Форума...

12. УКАЗАНИЕ ПРОВИДЕНИЯ

Много лет прожил Алексий в Эдессе в великих подвигах поста и молитвы и глубоких размышлениях о судьбах Провидения.

Путешествия в пустыни и наблюдения за жизнью святых отшельников доставили ему великое утешение. «Сильны болезни нашего времени,— размышлял он,— но сильны и противодействия этим болезням; сильны нравственные подвиги лучших людей нашего века, сильна их борьба со страстями, велики лишения, которым они добровольно подвергают себя во имя высших духовных стремлений, чтобы дать им торжество над грубой материальной силой... Пусть приходят варвары... Не одно расслабленное

общество встретят они в отечестве,— нет, навстречу богатырю, гордому своей силой, дающему полную волю страстям своим, выйдет другой богатырь, ополченный высшими силами, величием нравственного подвига, славою торжества духа над плотью: выйдет монах... и в борьбе этих двух богатырей само варварское общество станет на стороне последнего, ибо поймет, что его подвиг выше, труднее...

Среди хаоса разрушения увидят монастыри, великие твердыни, которые создадутся для нравственной охраны общества: то будут звезды среди ночи. Они, как путеводные светила, будут давать нравственное руководство. В них будут немолчно раздаваться голоса, которые будут напоминать о высших духовных началах... Да, варвары, теперь вы можете прийти. Клавдий, веди своих готов... Вы все победите, все ниспровергнете, но и вас — в свою очередь — за-

воюют, победят и преобразуют. Явились уже люди, которые будут властвовать над вами. Они овладеют вашими душами и воспламенят их... Они овладеют храбростью и обратят ее на служение своему Богу...» И душа Алексия при этих размышлениях возвышалась до изумления и восторга пред неисповедимыми планами Провидения, управляющего миром, до горячей и благодарной молитвы Богу.

Перед духовным взором Алексия раскрывалась дивная картина...

Дикая Фиваидская пустыня. Девять часов вечера. Удушливый день приближается к концу, работа прекращается, и среди песков из пещер, из подземелий разрушенных языческих храмов, из руин памятников погибшего древнего народа раздаются голоса народа живого и возносятся к Небу; отовсюду слышатся гимны, молитвы и серьезные, нежные или радостные напевы подвижников, про-

славляющих в Давидовых песнях Бога Живого; и восхищенный всем этим путник из дальних стран Запада восклицает: «Вот где рай!»

«Нет, я верю, не могу не верить в будущее торжество истины и правды христианской в мире! — думал Алексий.— А пока, подобно Давиду, не потерявшему еще дорогое дитя, надлежит молиться, чтобы Господь предотвратил грядущие бедствия... Необходимы постоянные и усердные моления, целые потоки молитв. Молитвы отклоняют гнев Божий и снимают с мира бремя отяготевших над ним беззаконий; молитвы и восстановят равновесие между Царством Небесным и царством земным».

И после таких размышлений еще пламенней возносилась душа Алексия в молитве, еще обильнее были потоки слез.

Но вот Провидение указывает ему новое назначение. Он много молился, а теперь нужен иной подвиг. Нужно ему,

знатному римлянину, обладателю несметных богатств и многих тысяч рабов, на себе самом перенести все скорби, унижения и страдания, которым подвергался в Риме последний раб, самому испытать всю вековую неправду железного Рима и искупить ее... Окрыленная молитвой, эта жертва будет угодна Богу...

В ночной темноте среди полной тишины дремлет на паперти церковной в городе Эдессе привратник-сторож. Сон одолевает его. Иногда он открывает глаза, и перед ним — все тот же давно для него привычный вид: возвышающийся храм, а рядом с храмом — коленопреклоненный нищий. Долгие, долгие годы он молился — видеть его все давно привыкли. Глаза сторожа снова смыкаются, голова клонится долу... Но сколько света, света вокруг!.. Весь храм светится, точно озаренный лучами только что взошедшего солнца. Но это не солнце. Сияющая лучезарным светом Пресвятая

Дева парит в воздухе... Это Она! Так Она изображена и на иконах в храме... Да как же это? Сторож пытается повергнуться пред Царицей Небесной ниц, но у него точно окостенели члены, язык онемел... «Введи во храм Мой человека Божия, который достоин Небесного Царствия,— слышится ему райский голос.— Молитва его восходит пред лице Божие как кадило благоухающее; как венец на главе царя, так на нем почивает Дух Божий...» Привратник ясно слышит это повеление и недоумевает, о ком говорит ему Владычица. Но Она Сама предупреждает вопрос его и указывает ему на нищего, того самого, который столько лет молится у храма и только что присел отдохнуть на паперти церковной.

С изумлением и ужасом вглядывается привратник в Алексия, и в это время дивное видение исчезает... Привратник бросается к ногам нищего и, приветствуя

его как «человека Божия», рассказывает ему о своем видении.

Утром об этом видении знает уже весь город и спешит к Алексию. Но великий подвижник, поняв, что Провидение указывает ему иное назначение, незаметно скрывается из города. Несколько дней странствования — и Алексий снова видит вечно синие волны Средиземного моря... Он садится на корабль, направляющийся в Киликию[215].

Попутный ветер тихо веял в парус,
И плыл корабль два дня благополучно.
На третий день вдруг буря поднялась,
И черной тучей небо все покрылось,
И ветер заревел, и море вздулось,
И затрещали снасти, и корабль
По сторонам метался, падал в бездну,
Всплывал наверх и снова опускался.
И кормчий, путь в испуге потеряв,
Пустил корабль идти
по воле Божьей.
И долго по неведомым водам

Корабль носился. И в великом страхе
Молились люди, смерти ожидая.
И вот (то было самой темной ночью)
Вдруг в сторону корабль рванулся
с треском
И потянулся медленно и тихо,
Как будто шел он по песку морскому,
И, покачнувшись, стал как на мели.
И Алексий, и кормчий, и все люди
Не ведали, что с ними, где они,
Что Бог им дал: спасенье иль погибель?
Все стали ждать рассвета. Рассвело.
Глядят: корабль в реке остановился.
И вдаль взглянул невольно Алексий,
И перед ним предстал из-за тумана
Великий град — необозримый, пышный,
Стоящий на семи холмах отлогих;
В нем высятся палаты, и дворцы,
И храмы, осененные крестами,
И вкруг сады и рощи зеленеют...
И благовест от города несется...
И Алексий глядит, очам не верит,
Глядит — и вдруг затрепетало сердце:
Узнал он свой родимый город Рим.
И слезы полились из глаз обильно,

И зарыдал отшельник как дитя,
Родимые места свои увидев.
Он живо вспомнил дом родной
и детство,
Родителей своих и слуг любимых —
Все, что еще любил он в этой жизни,
Все, от чего не мог он оторвать
*И отчуждить привязчивого сердца**.

Так после долгих лет отсутствия Алексий возвратился в Рим, где ему уже к концу дней его дано было Богом, как мы видели выше, спасти свое семейство от ярости варваров.

13. СТРАННИК В ОТЧЕМ ДОМЕ

Медленно и задумчиво шел Алексий, как бы невольно направляя шаги к дому отца. По дороге встретил он какого-то важного сановника, возвращавшегося из храма в сопро-

* *Алмазов Б. Н.* С. 363.

вождении большой толпы слуг и клиентов. Алексий всматривается в старца и немедленно, с трепетом в сердце, узнает в нем своего отца... Когда шествие поравнялось с Алексием, он приблизился к Евфимиану и поклонился ему до земли. Слуги начали было отталкивать его, но были остановлены строгим взглядом своего господина.

— Раб Божий! — воскликнул Алексий.— Сжалься над моей нищетой, дозволь мне жить где-нибудь при твоем доме и кормиться от крупиц, падающих от стола твоего. Господь благословит тебя и даст нетленную награду в Царстве Небесном...

А если кто-нибудь из дома твоего находится в далеком странствовании,— прибавил Алексий дрогнувшим голосом,— Господь возвратит его тебе здоровым и невредимым.

Слова и вид незнакомца глубоко тронули Евфимиана.

— Кто из вас желает послужить этому нищему? — спросил он, обратившись к толпе слуг.— Кто успокоит его, тот получит свободу и не будет забыт мною, клянусь Всевышним... Устройте ему помещение при входе в дом мой, чтобы я мог видеть его при входе и выходе из дома. Пусть пища подается ему с моего стола, и Боже сохрани кому-нибудь из вас обидеть его...

Отдав этот приказ, Евфимиан еще раз взглянул приветливо на незнакомца и молча двинулся дальше. Алексий присоединился к толпе сопровождавших его слуг.

В доме Евфимиана отвели Алексию тесное и бедное помещение — задолго пред тем опустевшую сторожку привратника. Евфимиан не забыл нищего: ежедневно приносили ему кушанья с господского стола, но Алексий не касался роскошных яств и раздавал все нищим, довольствуясь лишь хлебом и водою.

Внешне его жизнь мало изменилась: дни и ночи он проводил в непрестанной молитве и еженедельно причащался Божественных Таин. Только по вечерам нарушалось его безмолвие. Среди нескольких сот тунеядцев-рабов, живших при доме Евфимиана, нашлись негодяи, которые избрали Алексия предметом издевательств: лишь только господа отходили ко сну и в доме водворялась тишина, двор наполнялся рабами. Алексия вытаскивали из его хижины — часто среди молитвы,— схватив за волосы, ставили среди толпы, и начиналась дикая потеха: на него сыпались затрещины, его оплевывали, обливали нечистотами, мазали грязью, глумясь и насмехаясь... Случалось это чуть ли не ежедневно.

И все сносил без гнева Алексий.
Но пред другим великим испытаньем
Он устоять едва-едва был в силах:
Он из окна обители своей
Вседневно видел матерь и супругу,

Сидящих у окна своей светлицы,
Смотрящих вдаль в тоскливом ожиданье
И льющих слезы горько, неутешно.
И ведал он, по ком они так плачут,—
*И сердце в нем и ныло, и болело**.

Ведал Алексий также и то, что ни родители его, ни супруга, испытавшие так много горя, никогда — даже в мыслях — не укоряли его; ведал Алексий и то, что, если б он открылся им, все пережитое горе мгновенно было бы забыто, счастье и радость разлились бы в этом доме печали и озарили бы своими лучами догоравшую жизнь его родителей.

Ведал он, что стоит ему произнести лишь одно слово,— и вся эта толпа рабов, издевавшаяся над ним, будет у его ног... Но он не произнес этого слова. «Какой жестокий и непонятный подвиг!» — воскликнут, наверное, многие

---

* *Алмазов Б. Н.* С. 364.

сыны века сего. Да, этот подвиг целой жизни труден для полного его уразумения. Чтобы понять его, нам необходимо отрешиться от многого и взглянуть на многое не с нашей обыкновенной, житейской точки зрения, а вознестись на ту духовную высоту, где веет вечностью... По крайней мере, историческое значение этой жизни несомненно: в эпоху, когда расшатаны были все основы общества, когда все общественные связи распадались, когда все и вся грозил залить потоп варварства, когда нельзя было поручиться даже за завтрашний день,— вся жизнь Алексия была одним энергическим указанием на Небо, на вечные и нетленные блага, которых «ни тать не украдет, ни моль не истребит» (ср.: Мф. 6, 20). То была эпоха, когда сделаться человеком Божиим значило все сохранить. Да и тогда ли только это имело значение? Недаром имя Алексия, человека Божия, не сходит целые века с уст

бедных, обездоленных жизнью страдальцев, недаром поется эта чудная поэма, каждый стих которой внушает нам, что истинной отрады душа христианина должна искать за пределами земных благ, даже за пределами земных привязанностей...

Почувствовав приближение кончины, Алексий попросил Руфина (бывшего своего воспитателя, теперь уже глубокого старца), чтобы тот дал ему перо, чернила и хартию[216]. Руфин давно уже по старости лет ни во что не вмешивался в доме Евфимиана. После внезапного исчезновения Алексия он стал как-то ко всему равнодушен и только посещения храма в праздничные дни выводили его из обычной апатии. Правда, старый воспитатель Руфин и — неузнанный им — его воспитанник Алексий заметно сдружились: в праздничные дни можно было видеть, с какой заботливостью убогий

нищий водил старца за руку в храм и обратно.

Итак, получив просимое, Алексий подробно изложил на бумаге всю свою жизнь. Последними словами грустной повести были следующие: «Молю вас, дорогие родители и честная моя невеста, не гневайтесь на меня за то, что причинил вам столько горя своим удалением... Верьте, что я сокрушался всем сердцем об этом и молил Бога, чтобы Он ниспослал вам дар терпения и сподобил вас утешений Вечной Жизни. И я надеюсь на Его милосердие, верю, что Он исполнит мое прошение, так как из любви к Нему я оставался глух к вашим рыданиям и немилосердно жесток к себе самому... Но повиноваться Богу — это высший долг... Непоколебимо верую, что Всевышний воздаст вам за все, что вы претерпели».

Окончивши свой труд, Алексий погрузился в молитву и тихо скончался.

14. ВЕЛИКИЙ ПРАВЕДНИК

Необычный шум и суета в доме Евфимиана: слуги с озабоченным видом выносят из кладовых разную дорогую мебель, ковры чудной работы, канделябры и люстры, расставляют по комнатам — приводят дом в непривычно праздничный, светлый вид... Что за причина? Ходит молва, что прибывшие незадолго до этого в Рим император Гонорий и папа Иннокентий[217] в присутствии многих свидетелей во время богослужения сподобились откровения, что в Риме обитает человек Божий, что его следует найти. Однако все поиски были напрасны, пока не последовало вторичное откровение, что человека Божия надлежит искать в доме Евфимиана. И вот старый Евфимиан вместе со столь же престарелым Руфином без устали распоряжается приготовлениями к достойному приему

императора и папы, которые изъявили готовность сами посетить дом Евфимиана и лично удостовериться в присутствии в нем великого праведника.

Приготовления далеко еще не были закончены, как с улицы послышался шум многотысячной толпы, сопровождавшей императора и первосвятителя и приветствовавшей их громкими криками. Скоро и дом, и двор Евфимиана наполнились многочисленной и блестящей свитой императора и множеством священнослужителей. Император и папа вступили в приготовленную для них палату и начали расспрашивать подробно обо всех обитателях дома Евфимиана.

— Нет у нас никого, кто бы отличался такой уж добродетельной жизнью,— проворчал престарелый Руфин.— Скорее напротив: все предаются праздности и порочной жизни. Но осмелюсь высказать мою догадку. Не нищий ли, которого приютил несколько лет тому назад

господин мой,— не он ли человек Божий? Я стар и многое видел на веку своем, но не видал никогда столь великого терпения, такого искреннего благочестия, такой горячей и одушевленной молитвы, таких великих подвигов...

— Что же ты раньше ничего не говорил мне? — спросил изумленный Евфимиан.

— Не знаю, но в этом праведнике я замечал нечто такое, что налагало на мои уста печать молчания... Я изумлялся его великому смирению...

Евфимиан немедленно поспешил к жилищу нищего, вошел в него — пред ним среди крайне убогой обстановки на бедном одре лежало тело умершего с прикрытым лицом. В правой руке нищий держал свернутую хартию. Евфимиан открыл лицо умершего и поразился: черты лица, которые сияли небесным спокойствием, показались вдруг ему очень знакомыми. Сердце в нем забилось с

необыкновенной тревогой... Дрожащей рукой он спешит взять хартию, но не может этого сделать... Не чувствуя под собою ног, он бросается в дом и доносит о своем открытии императору и папе. Император приказал поставить возвышение среди обширного двора и на нем богато украшенное ложе. Когда все было исполнено, император, папа и епископы, подняв с благоговением честные останки человека Божия, возложили его на ложе и поверглись ниц, прося усопшего праведника вручить им хартию. Спокойно и тихо раскрылась десница и отдала хартию, которая и была вручена для прочтения Аэцию, хартуларию[218] великой римской Церкви. Мертвая тишина немедленно водворилась во всем доме Евфимиана. Император, первосвятитель и епископы — на возвышении — окружили ложе. Близ них находился и сам Евфимиан с супругой и невесткой... Началось чтение хартии...

И возрыдал Евфимиан несчастный,
Уразумев, кто был почивший странник,
И пал пред ним, и горько возопил:
«О, горе мне, несчастному, о, горе!
Что сделал я с тобой,
страдалец бедный?!
Когда б я знал, что ты —
мой сын любезный,
Мое единое, возлюбленное чадо,
Моя единая и отрасль, и опора,
Не жил бы ты в хлевине мрачной,
смрадной,
Ты б не терпел обид и поруганий.
Роскошнейшую храмину в палатах
Тебе бы я на жительство избрал,
И с радостью, с любовью непритворной
*Тебе б рабы любимые служили...»**

Все присутствовавшие до глубины души были тронуты горем и рыданиями почтенного старца. Вдруг

Вопль из толпы отчаянный раздался.
Все вздрогнули: то был ужасный голос —

---

* *Алмазов Б. Н.* С. 366, 367.

Плач матери, все в жизни потерявшей.
«Пустите, люди добрые, пустите,—
Она к толпе взывала в исступленье.—
Раздайтесь, дайте матери дорогу,
Взглянуть хоть раз на сына
мне позвольте!»
Толпа пред ней рассеклась в один миг —
И, вся в слезах, в растерзанной одежде,
Предстала мать, дрожа и задыхаясь,
И, увидав труп сына бездыханный,
Вдруг вскрикнула пронзительно она
И бросилась на грудь его, рыдая.
И целовала очи, руки, ноги,
И, жалобно стеня, к нему взывала:
«Ах, сын мой несравненный,
ненаглядный,
Дитя мое родное!.. Алексий!..
Что сделал ты со мною, безутешной,
Зачем ты мне при жизни не открылся?
Как ты не сжалился над матерью
несчастной?!
Как ты не сжалился над бедною женой,
На слезы их и на печаль взирая?!
Как не узнала я, не догадалась,
Как сердце не почуяло мое,

Что от меня так близко,
близко ты!
Ах, если б я узнала, сын мой милый,
Что ты у нас, пред нашими очами,
Пред нашими очами, и больной,
Больной и одинокий, и страдаешь,
И сносишь поруганья слуг своих,
Не видя утешения и ласки,—
Сама бы я тогда тебе служила.
Служила б, как последняя служанка,
И за больным тобой сама б ходила,
Как встарь, когда ты был еще дитя,
Сама б тебя из рук своих кормила,
И волосы прекрасные чесала,
*И прах от ног слезами обмывала!»**

Точно глухой стон послышался в многочисленной толпе, пораженной виденным и слышанным. У всех струились обильные слезы...

Тогда, давно стоявшая в молчанье,
Приблизилась стопою боязливой
Прекрасная и верная невеста,

---

* *Алмазов Б. Н.* С. 367, 368.

Сокрушена неутолимой скорбью,
И, тихо плача, тихо говорила:
«Когда бы прежде я узнать могла,
Что это ты — супруг мой,
господин мой,
Кого так долго тщетно я ждала,
По ком так горько плакала и плачу,—
Утешилась бы я в моей печали;
К тебе бы каждый день я приходила
Не для того, чтобы тебя тревожить
Мирских речей греховным суесловьем,
Не для того, чтобы смущать твой дух
Любви моей докучными словами,—
Нет! Я бы слова вымолвить не смела,
Но тихо, тихо, притаив дыханье,
Склонившись в прах и умилясь душой,
*Молилась бы с тобою, преподобный!»**

Долго в безмолвном изумлении пред неисповедимыми путями Промысла стояли все присутствовавшие, и навеки неизгладимым осталось в памяти у всех только что виденное и слышанное. На-

---

* *Алмазов Б. Н.* С. 368, 369.

конец император приказал нести ложе с честными мощами на Форум. Можно сказать, весь Рим сопровождал шествие.

Когда шествие остановилось среди обширной площади и ложе было поставлено на возвышение, папа произнес следующие знаменательные слова:

— Много героев может насчитать Древний Рим, много славных имен занесено на скрижали его истории, но никогда еще не приходилось погребать более славного, более великого подвижника-героя... Великие герои древности подвизались за славу, за богатство, за могущество Римского государства, но сами служили миру,— думая владычествовать над ним, были рабами мира... Алексий, отвергшись князя мира, всем сердцем и душой отдавшись Богу, восторжествовал над миром... О, чудная победа!.. Были пролиты потоки крови, миллионы наших братий были лишены свободы ради славы Рима, а мир, взволновавшись нена-

вистью к римскому имени, поднял — имею в виду варваров — мстительную длань свою на нас... Померкните вы, образы древних Сцевол[219] и Дециев[220]: здесь жертва выше вашей. Благороднейший из сынов Рима добровольно вынес и выстрадал то, чему здесь подвергали последнего из рабов... Да очистит Господь грехи наши, да примет раскаяние наше! О, чудесная жертва!

Когда первосвятитель и император отступили от одра, то, словно неудержимый поток, двинулись толпы, стремясь прикоснуться к честным мощам, и «все недужные исцелялись: слепые получали зрение, прокаженные очищались, бесы покидали одержимых ими — словом, какая бы ни была у кого болезнь, каждый получал совершенное исцеление от мощи угодника Божия...»*

---

* Житие преподобного Алексия, человека Божия // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святи-

Позволим себе в заключение привести трогательное и живое описание погребения, содержащееся в «Житии»:

«Царь и патриарх <папа> пожелали сами нести одр в церковь, чтобы приять благодать от прикосновения к телу святого. Родители и невеста с плачем сопровождали их; народа же, стремившегося прикоснуться к честному телу, собралось такое множество, что от тесноты невозможно было нести одр. Чтобы заставить народ отступить и дать дорогу к церкви, царь велел бросать в толпу серебро и золото, но никто не обращал на это внимания; все усиленно желали лишь видеть человека Божия и прикоснуться к нему. Тогда папа обратился с увещанием к народу, прося его отступить и обещая не предавать погребению честное тело до тех пор, пока все не облобызают его и не примут благода-

---

теля Димитрия Ростовского[221].— М., 1906. Кн. 7. С. 340.

ти чрез прикосновение к нему. С трудом убежденный народ немного отступил и дал возможность принести святое тело в соборную церковь, где оно стояло целую неделю, так что каждый желающий мог ему поклониться; всю ту неделю при одре святого Алексия находились плачущие родители и невеста. Царь же приказал сделать гробницу из мрамора, украсить ее золотом и изумрудами, в которую и положили человека Божия; тотчас же от святого тела истекло благовонное миро, наполнившее раку; все помазывались тем миром во исцеление от болезней. И погребли с честью честные останки святого Алексия, славя Бога»*.

Недолго после смерти Алексия прожили на свете его родители. Нужно ли прибавлять, что они вместе с невесткой почти неотлучно находились при гробнице сына? Все громадное имущество свое

* Житие преподобного Алексия, человека Божия//Там же. С. 340—341.

они завещали нищим, обездоленным беднякам и всем особенно пострадавшим во время последнего варварского нашествия. После кончины Евфимиана и Аглаиды верная Марцелла, давно отрекшаяся от всех житейских утех, вступила в общество авентинских дев и пламенно молила Бога о скорейшем соединении ее с возлюбленным мужем — для вечных, нескончаемых радостей в обителях Отца Небесного. Аминь!

ЖИТИЕ
СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ФИЛАРЕТА МИЛОСТИВОГО

Святой Праведный Филарет Милостивый

ПРЕДИСЛОВИЕ к 5-му изданию

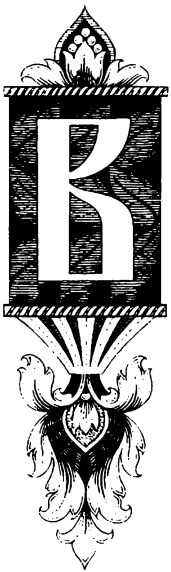
Предлагаемая благочестивому вниманию читателей книга «Святый праведный Филарет Милостивый» выходит уже пятым изданием. Особенность сего издания в том, что текст книги пересмотрен нижеподписавшимся, причем глава о психологии милостивца, заимствованная целиком из дневников отца Иоанна Кронштадтского, дабы не прерывать течения рассказа, с VI места перенесена в конец повествования на место главы XIV; и 2) в Приложении, кроме рассказа о «Русском Филарете Милостивом» — Лукиане Степановиче Стрешневе,— помещены извлечения из «Троицких Листков» о милостыне — известнейшего витии Илии Минятия и неизвестного монаха, жившего двести лет назад,— как раскрытие учения о милосты-

не с точки зрения Церкви и нашего народа.

Позволяю себе думать, что почивший мой друг, отец протоиерей Михаил Иванович Хитров, был бы только благодарен за такие дополнения к его труду, тем более что и самая мысль написать это житие была ему подана мною же, дабы дать православным русским людям, с особенною любовию чтущим память сего праведника-милостивца, его житие в изложении автора, знатока древней истории и художника слова.

Архиепископ Никон

1. РАСЦВЕТ ЗЛА



Восточная половина Римской империи, иначе называемая Византийским царством или Византией, существовала около тысячи лет после того, как варварские народы поделили между собою земли западной Римской империи.

Греки, подданные византийских императоров, крепко стояли за чистоту веры, за православие, но походили ли они на христиан своими нравами, своей жизнью? Увы! жизнь в Византии была едва ли лучше, чем во времена

языческие. Над Византийским царством вполне исполнилось слово Спасителя: не вливают нового вина в старые мехи. Как трудно старику изменить нажитые привычки, так оказалось невозможным преобразиться по духу Евангелия царству, в котором издавна укоренились языческие порядки. В первые века, когда над христианами постоянно висел меч мучителей, христианскую веру принимали только те, которые ценили радости вечной жизни больше, чем блага земной, которые и в слове и в жизни, во всех своих поступках оказывались истинными последователями Христа. Потому-то они не боялись лишиться земных благ, не боялись смерти. Но с V века времена изменились. За христианскую веру никого более не преследовали, напротив — императоры покровительствовали христианам. И вот между христианами появилось многое множество таких, которые, считаясь христианами, вовсе не думали

отказываться от языческой жизни. Так чистый ручей, ясно отражающий лучи солнца, делается мутным, когда бурное наводнение снесет в него накопившуюся кругом нечистоту... В недрах христианского общества с ужасающей быстротой ожило и проявилось древнее язычество — в нравах, в законах, в увеселениях, во всех мелочах повседневной жизни. Трудно было сохранить верность Богу и чистоту христианской жизни среди такого общества, трудно было не запятнать себя среди зловонных и мутных волн увлекавшего всех потока безнравственности, и те, кто, как первые христиане, желали остаться верными Богу, бежали в пустыни. Многие негодовали на это. Зачем было удаляться от общества своих собратий? «Зачем? — отвечает Златоуст.— Да я первый желал бы, чтобы не было нужды удаляться в пустыню. Но ведь здесь в городах все извращено... Несмотря на судилища, на законы,

города полны нечестия и пороков... Порицайте не тех, кто указывает на пустыню, как на тихое пристанище от бурь и смятений, но тех, кто сделал города невозможными для христианской жизни! Если бы кто-нибудь, подкравшись среди глубокой ночи, поджег большой дом с целию погубить спящих людей, кого мы стали бы винить — того ли, кто разбудит и выведет из объятого пламенем дома обреченных на гибель, или поджигателя?»

Тяжелое впечатление ложится на душу при чтении рассказа о событиях византийской государственной и общественной жизни того времени! Дух необузданного самолюбия, самого черствого эгоизма, своеволия и пренебрежения ко благу и жизни другого обуял византийское общество. Все жаждали насладиться только благами мира сего, какой бы ценой ни приобретались они. Один историк сосчитал, сколько императоров в

Византии лишены были трона и печально окончили свои дни, начиная от Аркадия до взятия Константинополя турками,— и нашел, что из ста девяти государей двенадцать принуждены были отречься от престола, столько же умерло в темнице или в монастыре, трое уморены были голодом, восемнадцать были изуродованы, лишены зрения, изгнаны, задушены, погибли от кинжала или низринуты с верху колонны... Не ужасно ли все это?

Упоминать ли о том, что в этих кровавых делах нередко участвовали самые кровные родственники — отцы, матери, жены, дети?.. Тщетно старались оградить себя от измены страшными казнями: виновных в заговорах подвергали лютым истязаниям, отрубали руки и ноги, отрезывали носы и уши, вырывали глаза, секли до смерти бичами с свинцовыми наконечниками... Но страсти были еще лютее.

Казалось, для такого общества не было ничего священного... И точно: мы встречаемся в это время с примерами самого возмутительного кощунства над святейшими таинствами веры. Деньги, постыдные забавы, скандальные интриги, мятежи, цирковые игры — вот что занимало всех.

К довершению бедствий, вокруг Византии, как орлы около трупа, собирались страшные враги, со всех сторон производившие набеги и опустошения, часто подступавшие к самому сердцу империи — Царьграду[222]. Как же могло существовать целых тысячу лет государство при столь глубоком упадке нравов? Если, с одной стороны, нас ужасают картины страшного развращения, то с другой — мы повергаемся в благоговении пред величием христианской истины... Среди бездны порока Евангелие часто торжествовало свои величайшие победы. Нередко сердца самых закоре-

нелых злодеев потрясались силой слова Божия, и тихие обители принимали к себе кающихся. В конце VI и в начале VII столетия блаженные путники Иоанн Мосх и его «верное чадо» Софроний совершили великое путешествие, обойдя все земли, подвластные византийскому императору, и, под шумным зрелищем бурных страстей, открыли пред нами чудный мир христианских добродетелей*. В мирных обителях, в тиши сельского уединения, иногда даже среди шумных городов встречали они истинных чад Божиих. И если Судия всей земли готов был пощадить Содом и Гоморру[223] ради десяти праведников, Он пощадил и хранил грешную Византию до того великого часа, когда она, отдав юным народам** все, что было в ней лучшего и светлого, исполнила свою великую историческую задачу...

---

* Свое путешествие Иоанн Мосх описал в книге «Луг Духовный».

** Славянам.

2. СОСТРАДАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

В восьмом столетии в Малоазийской области Пафлагонии[224] жил богатый вельможа по имени Филарет. По всей Малой Азии славился он своим богатством. Ему принадлежали обширные поместья, на которых трудились тысячи рабов. Огромные стада паслись на тучных лугах. Его дом, среди живописной местности, близ берегов реки Амнии и селения того же имени, издалека привлекал взоры своими размерами и богатством украшений. Его окружали лавровые и платановые рощи, среди которых попадались аллеи и лужайки, орошаемые фонтанами. Вокруг самого дома возвышалась мраморная колоннада, ярко сверкавшая при блеске солнца среди окружавшей зелени. Величественные сени, высокий атриум, широкий перистиль — словом, все помеще-

ния внутри дома блистали убранством, обличавшим изящный вкус строителей и украсителей дома. Стены были покрыты древней живописью и лепными орнаментами. Мозаичные полы пестрели затейливыми узорами. Персидские и индийские ковры развешены были вместо занавесок. Богатые ложа, столы, табуреты, выложенные украшениями из золота, серебра, янтаря и цветного дерева или выточенные искусной рукой из слоновой кости, со вкусом расставлены были в обширных помещениях. Любой вельможа из роскошной столицы позавидовал бы такому жилищу. В городе — пыль и духота. А здесь — аромат полей, тихая прохлада рощ, голубые зеркала озер, серебристые извилины реки и ее притоков... Вода на юге ценится более, чем где-либо. Где нет ее, там — засуха и все обращается в пустыню. Близ воды и зелень свежее, и листья на деревьях роскошнее, и кроны их тенистее. Берега

озер, живописные долины, орошаемые ручьями, веселые и широкие равнины с протекавшими по ним реками — такие местности и в древности ценились весьма высоко. Очаровательная тенистая долина в Сабинских горах, воспетая Горацием, его «сладостное убежище», всю прелесть свою получала от источника Бандузия: кристальные журчащие воды, вытекая из скалистой расселины, над которой возвышался каменный дуб, веяли прохладой в знойные дни. По словам Сенеки[225], едва ли можно было найти озеро, над которым не возвышались бы виллы вельмож, едва ли была река, которая не протекала бы у стен чертогов. Густые и высокие рощи покрывали берега Амнии и отражались на ее поверхности. Волна далеко уходила в лесную глушь. Лишь по обеим сторонам господского дома обступавшие реку рощи редели и открывали подчас обширные виды на далекие окрестности. Завидное убе-

жище! В городе — смятения и бури страстей, разражавшиеся мятежами, в городе — интриги и сплетни, здесь, в глубине провинции, почти в глуши — мир и тишина. Здесь не донесется до слуха ни грома рукоплесканий, ни оглушительных криков ипподрома, не совьет гнезда кровавый заговор, здесь — простые деревенские нравы: нет утонченности в манерах, речь грубее, зато под покровом изящных одежд не сверкнет кинжал тайного убийцы, не прольется сладкий яд льстивой, лицемерной речи...

Кроме богатства и знатности, Господь наделил Филарета, как древле Иова, семейными радостями. Сам он отличался крепким здоровьем и красивой, величавой наружностью. Обхождение его было приветливо и сердечно со всеми, отличаясь в то же время достоинством и врожденным благородством. Как могучий дуб простирает кругом свои ветви и под тенью их, укрываясь от зноя, скромно ра-

стет и нежная травка и расцветают полевые цветы, так счастливо и спокойно жилось всем подчиненным и рабам под отеческой властью Филарета. Ему служили не за страх, но за совесть. Его супруга Феозва, знатного рода, отличалась благоразумием и семейными добродетелями. Выйдя замуж за Филарета, она увеличила его богатство и подарила его сыном Иоанном, а потом — двумя красавицами дочерьми — Ипатией и Еванфией. Филарета можно было считать счастливейшим из людей.

Но не богатство и знатность, не красота и здоровье, даже не семейные радости были главным сокровищем Филарета: в груди его билось сострадательное сердце, чутко отзывавшееся на нужды и скорби ближних. Христианская любовь светилась в его очах и озаряла все его существо таким сиянием, в лучах которого блекнет всякая другая красота, всякое земное великолепие...

Любовь! Что может быть выше, прекраснее, могущественнее ее? Быстр и дальнозорок эгоизм — он сумеет среди многообразия предметов найти, что ему нужно. Он зорко будет сторожить намеченное. Он заставит человека забыть еду, удобства, сон и покой, пока не достигнет цели. Он создаст подходящие средства, когда дело коснется удовлетворения честолюбия или алчности. Он не станет разбирать между добром и злом — все, что ведет к цели, кажется самолюбцам возможным и вполне применимым. Откуда берется настойчивость, неутомимость, страшное напряжение воли, сокрушающей все преграды! И жизненный опыт как будто подтверждает, что удача, успех и счастье чаще следуют за триумфальной колесницей самолюбца, чем истинных друзей человечества. Но ведь вся сила эгоизма и самолюбия только и держится слабостью в нас чувства любви. Часто, едва пробу-

дившись в нашем сердце, оно готово снова погрузиться в сон; едва сверкнуло решимостью идти навстречу несчастию, как уже смутилось и ослабло... Но если так силен эгоизм, если он часто торжествует блестящие победы,— бесконечно сильнее его истинная любовь! Любовь до бесконечности расширяет горизонт зрения, любовь проникает в глубину незримых миру тайн человеческого сердца. Она видит не только те скорби и бедствия, которые всем видны, но и те, которые таятся от постороннего взора,— не только видит, но и овладевает ими, носит в себе, чувствует и переживает их. Любовь озаряет наше сознание высшим светом, она постигает тайны мирового порядка, чует биение сердца ближнего, между тем как самолюбец, замыкаясь в себе, отчуждает себя от всех. Потому-то любовь спешит навстречу всем случаям, когда требуется ее помощь; она усматривает горе и страдания в самом их заро-

дыше, возникновении и спешит предотвратить их. Истинная любовь жаждет сострадания сильнее, чем жаждущий в знойной пустыне: она сострадает о тех, кого не видит, о ком не знает, она милует и лелеет в сердце всех страждущих, она готова обнять весь мир. Она сильна, как смерть, не знает утомления, никогда не скажет: довольно! У нее не всегда хватает внешних средств, но в своем существе, в своих движениях, в своих молитвенных воздыханиях она не знает никаких ограничений. Бесконечно обогащая человека, любовь, среди самых скорбей, носит в себе самой источник неисчерпаемого блаженства. Не насыщаясь ничем земным, она чует присутствие в себе Бога... Как бесконечно могущество любви! Где колоссальное богатство Креза?[226] Где честолюбивые мечты завоевателей полмира? Но примеры истинной любви, но подвиги самоотвержения потрясают сердца на расстоянии

тысячелетий, в них ведь обнаруживается могущество Того, Кто царствует над веками, та великая сила, которая в немощах совершается, которая бедных делает всех обогащающими, слабых венчает неувядаемым венцом, незнатных возвышает над величайшим земным величием, некнижных и неученых просветляет божественной мудростью!

Будем ли удивляться тому, что в век, когда зло, подобно бурному потоку, прорвавшему плотину, разливалось во все стороны, клубясь и неистово бушуя, ниспровергало все преграды, умножая человеческие страдания, что в такой век любовь воздвигает человека, который готов был отдать все, что имел, чем только располагал, который, в святом чувстве сострадания, казалось, не пожалел бы последней капли крови? Таков был живший в VIII веке «в веси Амниа», «в стране Пафлагонстей», «един от вельмож преславных» Филарет Милостивый!

Можно полагать, что блаженный Филарет постепенно восходил по ступеням благотворения — до той поры, когда он пришел к решимости посвятить все силы великой души своей, вместе со всеми имевшимися у него средствами, святому делу христианского благотворения. С любовью взирал он на источники счастия, повсюду разлитые в изобилии в Божием мире, с чувством благодарности Подателю щедрот пользовался ими, и в то же время, взирая на скорбь и горе близких, проникался чувством сострадания к ним. Если в чувстве благодарности он любил исчислять благодеяния Божии и, чем больше исчислял их, тем более убеждался, что они неисчерпаемы, так точно его сострадательность зорко следила за несчастиями человечества и, чем более всматривалась в них, тем более они росли и умножались в очах ее, от внешних бед и несчастий до сокровенных тайников человеческой жизни, до

глубины страдающего сердца. Наконец, настал решительный момент... С одной стороны — «премногая богатства имея», с другой — «мнозей скудости и в последней нищете бедствующих видя», блаженный сказал в своем сердце: «Для того ли я получил столько благодеяний от руки Господней, чтобы одному пользоваться и наслаждаться ими? Не должен ли я поделиться своими богатствами с бедными, вдовами, сиротами, убогими, которых Сам Господь на Страшном суде пред лицом ангелов и людей не постыдится назвать Своею братией? Если я буду беречь и копить богатство, поможет ли оно мне в день суда, суда без милости "не сотворшим милости"? Или в грядущем веке может ли богатство напитать и напоить меня? А эти светлые и дорогие одежды превратятся ли в нетленное одеяние?..»

И припомнилось блаженному слово апостола: мы ничего не принесли в мир;

явно, что ничего не можем и вынести из него (1 Тим. 6, 7).

«Если же ничего из этого мира мы не можем взять с собою в век грядущий, то не лучше ли отдать все мое богатство взаймы Богу, Который никогда не оставит без Своей помощи ни меня, ни жены, ни детей моих? Не святую ли правду сказал пророк: “Я был молод и состарился, и не видал праведника оставленным, и потомков его просящими хлеба” (Пс. 36, 25)?»

И с той поры блаженный Филарет стал для всех, как любящий отец, «алчущия питая, жаждущия напаяя, нагих одевая, странных в дом свой с радостию приемля и тех любезно упокоевая»... Началась жизнь, всецело посвященная целям благотворения. Имя великого благотворителя далеко разнеслось по окрестным странам, и устремились к нему со всех сторон все ищущие помощи. Никто не уходил от блаженного с пустыми ру-

ками. Но щедрость благотворения возвышалась еще более необычайной приветливостью, отеческой лаской, любовью, светившейся во взоре блаженного... Любовь роднила благотворителя и благотворимых.

3. УЖАСНЫЕ НАБЕГИ МАГОМЕТАН

В восьмом столетии могущество арабов-магометан было в полном расцвете. Столицей халифов со второй половины столетия сделался город Багдад, на западном берегу реки Тигра. Туда стекались сокровища всего мира, на улицах великолепного города толпились купцы из Тибета, Китая, Индии, Ферганы, из Армении, Нубии и Аравии... Громадных сумм стоили массивные стены столицы с восемью железными воротами, увезенными из Васита и Дамаска. Нельзя исчислить всех удиви-

тельных созданий архитектуры в причудливом восточном вкусе, украшавших город. Шестьсот каналов прорезывали его, умеряя солнечный зной. Сто пять мостов изумляли иноземцев красотой своих арок и роскошью отделки. Великолепные бани и мраморные фонтаны попадались на каждой улице. Дома утопали в роскошной зелени садов. В дворцах халифов собрано было все, что только могла изобрести азиатская роскошь. Один из них носил название рая...

Быстрый и необычайный рост магометанского могущества был несчастием для Византии. Магометане вели с греками непрерывные войны. Впрочем, эти войны в первой половине восьмого столетия ограничивались небольшими битвами на границах, набегами, захватом добычи и пленных, осадами городов. Но в конце столетия, в то время, как на престоле Византии воцарился малолетний Константин, а государством правила

мать его Ирина, враждебность магометан разразилась нашествиями, грозившими разрушением христианской державе. Знаменитый Гарун Аррашид, сын третьего халифа из династии Аббасидов, с берегов Тигра, чрез малоазийские владения Византии привел к берегам Босфора грозное девяностотысячное войско и стал, в виду Константинополя, на Хрисопольской горе. Ужас охватил жителей столицы, когда они узнали, что свирепый враг приказал заковать в цепи послов императрицы Ирины. Греки согласились платить ежегодную дань в 70000 золотых монет и оставили во власти врагов всю захваченную добычу и пленных.

Возвращение Гаруна по греческим провинциям Малой Азии было ужаснее самой войны. Подданные Византии должны были почувствовать, что «один месяц грабежа обходится дороже целого года покорности».

Кто из нас не слыхал в детстве о знаменитом халифе Гаруне Аррашиде, о Гаруне «Справедливом»? Этот сказочный герой царствовал в веке неслыханного довольства, блеска и великолепия. Как он был мудр и справедлив на суде, как он был великодушно щедр к ученым и поэтам! Как часто он выказывал благородство души своей! Багдад можно было считать раем, а подданных Гаруна — счастливейшими из людей. Потомки много столетий спустя с восторгом рассказывали, как жилось их предкам в золотой век Гаруна. А между тем хорошо известно, что настоящий, действительный Гарун был далеко не похож на героя-государя, каким изображает его пылкая восточная фантазия, каким он является в лучах поэзии. На самом деле это был свирепый, мстительный, алчный и кровожадный тиран. Справедливость так же чужда была его жестокой душе, как и многим другим халифам. Но в

одном ему отказать нельзя — в счастливых и многочисленных войнах, которые были несчастием для христиан: он восемь раз предпринимал опустошительные походы против Византии. Его полчища не раз проникали до Анкиры и Эфеса.

Малая Азия жестоко страдала от этих нашествий неверных. При приближении свирепых врагов жители спешили укрыться в горные ущелья, в леса, оставляя на произвол судьбы свои дома и хозяйство. Возвращаясь по удалении врагов на свои пепелища, они с ужасом взирали на картину страшного погрома, которому подверглась их родина. Нередко они находили на своих родных полях уже других хозяев, успевших завладеть ими во время нашествия. Некогда цветущие области обратились в пустыни... Сколько в это ужасное время было семейств, лишившихся крова и последнего куска хлеба, сколько бесприютных си-

рот-детей, потерявших своих родителей! Горько было это зрелище скорби для сострадательного сердца Филарета. Он не щадил оставшихся у него средств для щедрой помощи всем страдальцам, приходившим к нему. Тяжкие несчастия, обрушившиеся на родную землю, не подавили его, напротив — пробудили в нем новые силы.

На короткое время являемся мы здесь на земле. Истинный смысл нашей земной жизни состоит в том, что она должна воспитать нас для жизни вечной. Но мы часто забываем об этом. Наш ум постоянно занят тем, что мы видим, что слышим — преходящими образами мира сего. Наше сердце — в плену житейских утех, которые исчезают одна за другой, оставляя после себя пустоту. Самые дорогие, самые священные привязанности становятся для нас источником неутолимых страданий, если человек отдается им *всем сердцем*, сосредотачивая на них

всю силу своей любви. Тогда ведь весь мир для него начинается и оканчивается в его доме, тогда счастье, успех, здоровье, будущность детей и родных становятся для него *единственным* предметом, заслуживающим его внимания и забот. Чем он утешится, если явится к нему в дом «царица ужасов» — смерть и исторгнет у него то, в чем полагал все свое блаженство?.. Святое Провидение посылает нам скорби для того, чтобы показать нам истинную цену земных привязанностей и напомнить о небесной отчизне. Во времена, подобные тем, о которых мы говорим, с особенной силой чувствуется непрочность и тленность земного благополучия, отрешение от земли, оживление веры, которая чрез сумрак земных скорбей указывает нам на отверзтое для нас небо. В тяжкие времена земных испытаний в сердце пробуждается влечение к вечной жизни, к небесному убежищу ничем не возмущае-

мого мира и тишины. И каким неполным и жалким является тогда в наших очах этот мир со всеми его суетными удовольствиями! Тогда мы начинаем понимать слова апостола: «Мы не имеем целию вещи видимые, но — невидимые, потому что видимые — преходящи, а невидимые — вечны» (см.: 2 Кор. 4, 18). В такие минуты мы возвышаемся над всем земным и временным и чувствуем дыхание вечности, и молитва становится теплее и сердечнее, и истинная любовь разгорается сильнее.

Только приняв во внимание все это, мы поймем отчасти безграничное отрешение Филарета Милостивого от всех земных благ. Он не менее, чем другие, пострадал от неприятельских погромов, он так же, как многие, потерял все свое богатство, но — тем с большею готовностью делился он со всеми, просившими у него помощи, последними оставшимися у него крохами. Дивная повесть о его

житии раскрывает пред нами ряд трогательных происшествий из этого времени его жизни. Не было более у него обширных поместий со множеством рабов, не было более цветущих виноградников, в корень истребленных руками неверных, не было более золота и серебра в его палатах,— у него остался всего только один разграбленный дом и небольшое поле. Пара волов, один конь, одна корова да старый раб с рабыней — вот все, чем он теперь располагал. Но «в таковой нищете и озлоблении, и в толицех напастех сый, добрый сей муж никакоже поскорбе, ни поропта, и яко другий Иов праведный ничтоже согреши пред Господем, но — якоже кто о множестве богатства своего радуется, сице о нищете своей веселяшеся, юже яко велие сокровище вменяше, видящи удобнейший себе нищему царства вход, неже богату, по словеси Господню: яко неудобь богатый внидет в Царствие Небесное».

4. ЛЮБОВЬ ХРИСТИАНСКАЯ

«Любовь изменяет самую природу вещей!» — говорит Златоуст. Неизмеримая бездна лежит между тем, в сердце кого горит святое пламя христианской любви, и холодным самолюбцем. Скорее поймут друг друга чужестранцы, говорящие на разных языках, чем люди близкие, даже кровные родные, но — с различным духовным настроением. Что в очах любящего составляет священную обязанность, которую он исполняет с радостною готовностью, то во мнении другого является непростительным безрассудством. Как много истинных друзей человечества оставили этот грешный мир непонятыми, еще хуже — отверженными, заклейменными клеветой, среди вражды и ненависти своих современников! Заповедь любви христианской — воистину новая за-

поведь: она возжигает любовь среди мира, искони лежащего во зле, среди мира, в котором укоренилось самолюбие и отравило ядом злобы и взаимного недоверия все людские отношения!

Любовь не только исправляет или улучшает нашу жизнь,— нет! Она в самом корне изменяет ее,— она воистину изменяет самую природу вещей!

Недаром списатели жития святого благотворителя, умолчав о многих, гораздо более значительных благодеяниях его, с особенной подробностью передали нам о делах его из того времени, когда он сам обнищал и все-таки не оставлял «святой милостыни», недаром вводят они читателя и в круг его домашних, семейных отношений. Его жертвы во имя христианского милосердия тем выше, чем более ему самому приходилось терпеть лишения и выслушивать укоризны от тех, кого он, без сомнения, горячо любил. О святых мучениках говорят, что

для них не столь страшны были угрозы со стороны мучителей, как слезы и нежнейшие просьбы со стороны родных и близких лиц. «Если мы,— говорит Ориген,— в продолжении всего времени испытания, не допустили диаволу внушить нам дух слабости и колебаний, если мы перенесли все ругательства, все мучения от наших противников, все их насмешки и оскорбления, наконец, перенесли мольбы и сострадание наших родных, если ни любовь дорогой супруги, ни малых детей не убедили нас дорожить этой жизнью, если, напротив, отрешившись от всех земных благ, мы вполне предались Богу и жизни, от Него исходящей,— только тогда мы достигли высшего совершенства». И без сомнения, в этом-то смысле — *врази человеку домашнии его*! (Мф. 10, 36). Как часто христианин, преодолев много тяжких испытаний, отступает от исполнения воли Божией, когда между ним и его

священным долгом встанут интересы семьи! Не должен ли каждый из нас в тяжкий час испытания с особенной крепостью держать в памяти слова Господа: «кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня!» (Мф. 10, 37).

Как золото, пройдя очистительное пламя, является во всем блеске, так блаженный Филарет не тогда является пред очами нашими во всем своем нравственном величии, когда он располагал несметными богатствами и при этом умел сохранить чуткость сострадательного сердца, но тогда, когда обнищал и должен был видеть горе и лишения своей семьи.

Не легко человеку, выросшему среди богатства, взяться за тяжелый труд для насущного пропитания. Если необходимость и заставит его трудиться, это представляется ему тяжким крестом: он начинает проклинать свою жизнь. Не так поступает тот, в чьем сердце обитает

любовь. Вот блаженный Филарет собрался возделывать своими руками небольшое, оставшееся у него поле,— запрягает волов... «Благодарение Богу! — восклицает он, и светлое спокойствие озаряет его лицо.— Благодарение Богу: вот и мне Он послал утешение исполнить Его святую заповедь: в поте лица своего ясти хлеб свой. Как дивно Он создал нас! Каждый палец внушает нам, чтобы мы трудились. Все наше тело просит труда для своего здоровья! Воистину не достоин хлеба, кто избегает труда».

С рассвета до полудня трудится на своем поле святой труженик, пока палящие лучи солнца не заставят его искать отдыха в тени деревьев для себя и для волов. А когда сойдет зной, он, вкусив хлеба и утолив жажду водой из источника, снова, благодаря Бога, с бодрым и спокойным духом принимается за труд.

Однажды по соседству с полем святого Филарета крестьянин, запрягши

волов, возделывал свое поле. Вдруг один вол, «вострепетав», упал и после недолгой агонии «издше». Бедняк был поражен нежданной бедой. К довершению горя, волы у него были не свои,— он едва выпросил их у своего соседа для обработки нивы. Слезы невольно прошибли беднягу. «Что ж делать? Где искать помощи?» — восклицал он. И вдруг припомнились ему щедрость и участие к бедствиям ближнего святого Филарета. «Ах, если бы не обнищал милостивый нищелюбец! Сейчас пошел бы к нему и получил бы не одного, а двух волов... Но теперь он сам в большой нужде, и ему нечем помочь другому, как бы этого ни желало его сердце... А все-таки пойду к нему... Он, по крайней мере, пожалеет меня, утешит...»

Немедленно, «взем жезл», бедняк отправляется к святому Филарету. Пройдя лес и пригорок, он увидал святого мужа за тяжким трудом на своем поле. При-

близившись к нему, крестьянин низко поклонился и со слезами рассказал о своем горе.

Филарет внимательно выслушал рассказ и, прежде чем крестьянин пришел в себя от изумления, быстро отвязал одного из своих волов.

— Вот, брат, возьми моего вола и ступай — возделывай свое поле, благодаря Господа.

Крестьянин бросился к ногам блаженного.

— Господин мой,— воскликнул он,— я не прошу у тебя вола... Боже, что за дивное милосердие! Но ведь нельзя тебе остаться с одним волом. У тебя самого нет другого вола...

— Возьми, возьми себе этого вола и ступай с миром — у меня есть еще вол дома...

Крестьянин взял вола и, не веря своему счастию, только благодарил Бога и дивного благотворителя...

Что было делать с одним волом? И вот, «взем рало на рамо», святой Филарет направился к дому. У ворот его встретила жена вопросом:

— Господин мой, где же у тебя другой вол?

— Я прилег было отдохнуть, а волов оставил пастись по полю. Один из них ушел — заблудился, а может быть, кто-нибудь увел его.

И кроткая улыбка озарила лицо блаженного благотворителя.

Феозва давно знала, что ее муж не любил говорить о своих благотворениях и старался по возможности совершать их тайно, и уже привыкла к ответам вроде того, какой получила теперь. Она поняла, куда делся вол, но на этот раз не могла сдержать себя.

Припомним, что сказано выше, и не станем осуждать жены, которая не могла еще возвыситься до понимания духовного совершенства своего супруга. Она,

любящая жена и мать, жила пока лишь всецело в кругу своих семейных интересов, и с этой точки зрения действия ее мужа часто возбуждали в ней чувство недовольства. «Долго я переносила его безрассудство,— думала она.— Но теперь... теперь, когда голодная смерть грозит моей семье, я должна действовать иначе».

— Пойди и немедленно отыщи вола, без которого отец сегодня возвратился домой. У кого бы ты ни нашел его, верни! Отец сказал мне, что вол пропал, но я подозреваю совсем другое.

С такими словами обратилась она к своему старшему сыну, придя в дом.

Обойдя много полей, юноша, наконец, нашел своего вола в ярме одного крестьянина. Признав вола, он гневно вскричал:

— Злой, нечестный человек! Как смел ты чужого вола запрячь и работать на нем? Где ты взял вола? Немедленно

отвяжи и возврати мне его! А не то ответишь за него на суде, как вор!

— Зачем, чадо, напрасно гневаешься на меня? Сын святого мужа! Не обижай меня без всякой вины с моей стороны. Твой отец сжалился надо мной. У меня случилось горе: внезапно пал вол во время пашни...

Юноше вдруг стало стыдно своего напрасного гнева. Поспешив домой, он рассказал обо всем матери. Феозва снова вспыхнула от негодования и досады на мужа. Схватившись за голову и «терзающи власы своя», она бросилась к мужу:

— О горе мне, несчастной, с таким мужем...

Вопль и стоны огласили мирное жилище.

— Бесчеловечный, с каменным сердцем! — кричала Феозва, не помня себя от гнева.— Или ты хочешь прежде времени голодом свести всех нас в могилу?!

По грехам нашим мы уже лишились всего своего состояния... Два вола остались у нас, чтобы трудом прокормить детей, а ты, обленившись в богатстве, не хочешь работать! Тебе бы сладко покоиться в палатах... Разве ты ради Бога отдал вола? Ради себя, ленивец! Не на чем-де работать... Какой ответ дашь ты Господу, если из-за твоей лености я с твоими детьми погибну от голода?!

Кроткий и спокойный взгляд Филарета несколько образумил Феозву.

— Послушай, что говорит Сам Бог, богатый в милости,— начал Филарет.— Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец ваш небесный питает их. Ужели не прокормит Он нас, несравненно более дорогих Его сердцу, чем птицы? Он сторицею воздаст тем, кто ради Него, по вере в Него, не боится раздавать свои имения. Зачем же ты, неразумная, так скорбишь о воле? Помнишь ли ты слово

Божие: «Если брат твой обеднеет, поддержи его...» (см.: Лев. 25, 35). Просящему у тебя дай...

У Феозвы было вспыльчивое, но доброе сердце. Она была хорошая христианка. Слова мужа успокоили ее совершенно.

По русской пословице, одна беда ведет за собой другую. Прошло пять дней. Вол, подаренный блаженным крестьянину, наелся ядовитого растения и пал.

Бедняк не столько жалел о воле, сколько мучился укорами совести за то, что взял вола у Филарета. Явившись к нему, крестьянин бросился к ногам блаженного...

— Согрешил я пред Богом, взял вола у твоего семейства... Не следовало мне отнимать у вас куска насущного хлеба. Бог наказал меня за это, не дал воспользоваться твоим добром: вол твой пал!

Не промолвив ни одного слова, блаженный Филарет быстро привел изум-

ленному крестьянину своего последнего вола.

— Возьми его,— воскликнул он, и властная сила, сила всепокоряющей любви прозвучала в его голосе.— Возьми и иди с миром... А мне предстоит вскоре отправиться далеко отсюда,— прибавил святой муж, в дивном прозрении будущего.

Изумленный крестьянин не нашелся и возразить блаженному. Не смея ослушаться его, он молча взял вола и удалился.

Между тем в доме скоро все узнали о поступке Филарета. Дети принялись плакать вместе с матерью.

— Что ж мы теперь будем делать? Отец, видимо, ненавидит нас — отдает последнее... Все, что у нас было, это — два вола, и тех уже нет!

— Дети, зачем предаетесь скорби? — говорил Филарет.— Зачем терзаете себя и меня? Ужели вы считаете меня жесто-

косердым? Ужели я, в самом деле, задумал погубить вас? Успокойтесь: у меня в одном месте скрыто столько богатства, что хватит вам на сто лет жизни, хотя бы вы и ничего не делали и ни о чем не заботились! Я сам не могу исчислить тех сокровищ.

Слова отца, сказанные в силе провидящей веры, поразили детей и жену. В доме снова водворилась тишина.

5. ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ

Непрерывно повторявшиеся набеги магометан, вместе с необходимостью защищать северные границы от славян, требовали необычайного напряжения военных сил. Весь строй Византийской империи мало-помалу принял военный характер. Государство было разделено на темы, и в каждой теме начальствовал стратег, командующий ме-

стными войсками. Ему были подчинены и гражданские чиновники. В каждой теме часть земли была отделена на содержание войска. Это были так называемые имения воинов. Если почему-либо воин не мог исполнять своей обязанности, имение у него отнималось и передавалось другому. Мы уже знаем, каким страшным опустошениям подвергалась Малая Азия от арабов. Тысячи мелких и крупных хозяйств потерпели полное крушение. В особенности чувствовался недостаток в скоте, который или был истреблен, или уведен врагами. Поэтому всякий сбор военных сил причинял немалые беспокойства воинам. Они должны были явиться в полк в полном вооружении, с двумя добрыми конями.

Однажды к Филарету Милостивому явился давно знакомый ему воин Мусилий, с убитым, растерянным видом.

— Что с тобой, Мусилий? — спросил Филарет.

— Горе, господин мой! Я совсем теряю голову... Ты, конечно, уже слышал о приказании стратега явиться всем нам на службу... Кое-как я собрал необходимое вооружение. У меня был и конь. Сегодня я должен был уже отправиться в путь, но вчера конь мой пал... Я полагал, что с меня не спросят другого коня — положение нашей местности хорошо известно стратегу. Но как могу явиться на службу теперь? Как могу я взять свое оружие и необходимые запасы? Если я не явлюсь в полк, у меня отнимут мою землю и дом... Куда мне деться с женой и малыми детьми? Боже, я знаю, мне стыдно просить у тебя. Ты сам обнищал до крайности. Но ради милосердного Господа, умоляю тебя, дай мне твоего коня, избавь меня от неминуемой беды.

— Что ж? — воскликнул блаженный Филарет с просиявшим лицом.— Возьми у меня коня и ступай с миром. Не

именем стратега, но именем всещедрого Бога умолил ты меня.

Обрадованный воин бросился в ноги своему благодетелю, который, впрочем, вовсе не требовал благодарности, и, получив доброго коня, быстро отправился домой.

Благочестивый списатель жития Филарета Милостивого тщательно отмечает о постепенном оскудении некогда богатого дома. Последуем и мы его примеру. «И остася уже у святого Филарета едина токмо крава с телятем, и осел един, и пчел неколико ульев...»

А нужда кругом все росла... Один крестьянин, лишившись всего своего скота во время арабского погрома, много слышал о необычайной щедрости Филарета. Крестьянин жил далеко от блаженного благотворителя, но не усомнился прийти к нему.

— Господин,— говорил он, кланяясь Филарету,— дай мне теленочка... Труд-

но мне поправиться, но я знаю, твой дар будет мне на счастье, принесет благословение моему дому.

— Не беспокойся, друг, не тужи... Трудись и надейся на Бога! — отвечал Филарет.— Я с радостью исполню твою просьбу, а Господь ниспошлет тебе Свое благословение и умножит плоды праведных трудов твоих.

С этими словами Филарет немедленно вывел просителю теленка. Крестьянин с радостью удалился. Но тут произошло одно из тех мелких обстоятельств, которые нередко причиняют большое горе. Корова, лишившись теленка, «озирающися семо и овамо», подняла жалобный рев на весь дом. Все сожалели о скотине. Пылкая Феозва не стерпела и обрушилась с упреками на мужа:

— Скажи, долго ль все это будет? Удивляюсь, где делся твой здравый смысл?.. Смешно смотреть на тебя! Не

жалеешь жены, детей моришь голодом, а теперь не пожалел даже бессловесной скотины, матери, отнял теленка... Рассуди, что ты сделал? Ну, дому убыль — так и быть! Да будет ли прибыль и тому, кому ты отдал теленка? Подумал бы, что недавно рожденный теленок не может жить без молока матери?.. У нас исчахнет корова, а у другого издохнет теленок!

— Правду говоришь ты, Феозва! — спокойно ответил Филарет.— Я поправлю беду...

И, догнав посетителя, возвратил его назад.

— Вот, брат, какое дело: корова без теленка не дает нам покоя, страшно ревет на весь дом...

Бедняга понял, что у него хотят взять обратно полученный дар. Это его очень огорчило.

— Что ж делать? — сказал он вздохнувши.— Видно, недостоин я получить

от блаженного мужа и этого небольшого благодеяния...

Корова с радостным мычанием бросилась к теленку.

Феозва стояла у ворот и улыбалась, смотря на радость бессловесного, как вдруг услышала голос мужа:

— Вот что, брат! Жена говорит, что нехорошо разлучать теленка от матери. Так возьми вместе с теленком и корову и ступай с миром. Всещедрый Бог да благословит тебя и дом твой, и да будешь ты так же богат, как некогда был и я, и не забудешь о тех, кто просит помощи!

Феозва, пораженная этими словами, не сказав ни слова, с воплем, всплеснув руками, бросилась внутрь дома...

Впоследствии блаженный имел утешение узнать, что Бог благословил дом и труды просителя. От данной ему коровы с теленком чрез несколько лет у него было уже больше двух стад волов и коров.

Естественно, что, при недостатке в скоте, голод все чаще и чаще посещал провинции, разоренные неприятелями. В доме Филарета однажды не оказалось ни зерна... Тогда Филарет, взяв осла, который один только и оставался у него из многочисленных прежде стад, отправился к своему доброму знакомому и выпросил у него взаймы шесть мер пшеницы. На некоторое время семья была обеспечена от голода. Но, видно, нужда кругом была столь велика, что соседи тотчас проведали об этом, и вот не успел еще блаженный отдохнуть после утомительного пути, как к нему явился бедняк и со слезами просил одного решета пшеницы, чтобы накормить умиравших с голоду детей.

Феозва между тем уже спрятала пшеницу. Что было делать? Филарет, выслушав просителя, отправился в дом. Феозва просевала пшеницу.

— Послушай, жена! Мне бы хотелось этому бедняку дать мерку пшеницы...

Феозва даже не взглянула на ходатая.

Филарет печально стоял около нее... Ей стало жаль мужа.

— Дай нам-то сперва насытиться... Я вот возьму себе меру, детям оставлю по мере да меру — прислуге, а что останется, раздавай кому хочешь...

— А для меня ничего не оставишь? — спросил Филарет, кротко улыбнувшись.

— Тебе зачем? Ты ведь ангел, а не человек, и в пище не нуждаешься,— с насмешкой ответила Феозва.— Был бы голоден, не подумал бы раздавать взятой взаймы пшеницы.

Филарет молча отмерил бедняку две меры пшеницы. Лицо Феозвы загорелось негодованием.

— Отдай уже и третью меру! Ведь ты — богач!

Филарет отмерил еще меру и отпустил бедняка. Феозва бросилась к мужу и, отняв оставшуюся пшеницу, унесла в кладовую. От гнева она перестала разговаривать с мужем...

Между тем взятая в долг пшеница скоро вышла. Снова приходилось голодать. Вставши рано утром, Феозва отправилась к соседям и, выпросив взаймы полхлеба, разварила его, смешав с лебедой. В полдень она накормила детей, даже не позвав к трапезе мужа!..

Но в тот же день явилась неожиданная помощь. Один старый друг Филарета, человек богатый, узнав о его нужде, прислал четыре полные повозки с хлебом, по десяти мер пшеницы в каждой. Слуга, привезший хлеб, вручил Филарету письмо от господина. Друг писал блаженному: «Дорогой брат и человек Божий, посылаю тебе сорок мер пшеницы для тебя и для твоей семьи. Когда выйдет вся, пришлю тебе еще столько же.

А ты — помолись за меня, грешного». Прочитав письмо, Филарет, в чувстве благодарности за милость Господа, пал на землю; затем, поднявшись и простирая руки к небу, воздал хвалу Богу: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты не оставил раба Твоего, возложившего на Тебя все упование!»

Феозва не менее мужа была обрадована неожиданной помощью. Теперь ей стыдно было перед мужем за свое поведение, хотя тайное опасение подсказывало ей, что и эта пшеница не долго останется в доме... Она кротко подошла к Филарету и ласково сказала ему: «Господин мой, отдели мне пшеницы, сколько найдешь нужным, да детям нашим. Да — долг необходимо заплатить... А ты возьми свою часть и поступай с нею, как знаешь». Филарет послушался жены и разделил пшеницу, оставив себе пять мер, которые и раздал бедным в два дня. Это снова привело в негодование

Феозву. «Пусть теперь питается, чем знает!» — говорила она, ломая себе руки с досады. С этого времени семейство Филарета питалось отдельно. Феозва не звала его более к обеду... Однажды, сильно отощав, Филарет пришел к своему семейству, сидевшему за трапезой.

— Что ж, дети, ужели не примете меня, не накормите — если не как отца, то хотя бы как гостя и странника?

Дети с улыбкой посадили отца за стол. Феозва сосредоточенно молчала... У ней текли по лицу слезы.

— Господин Филарет,— вдруг заговорила она, когда уже все насытились,— что ж не откроешь, где это у тебя хранятся сокровища, о которых ты нам говорил? Не дразнишь же ты нас, как малоумных! Если это правда, скажи нам — мы возьмем и купим себе, по крайней мере, хлеба. Тогда снова будешь питаться вместе с нами.

— Подождите еще немного,— сказал с глубоко проникновенным взором Филарет.— В скором времени у вас будет много сокровищ...

Если приходили бедняки и делились с Филаретом своим горем, блаженный, не зная, чем помочь им, отправлялся на пчельник и, вынимая мед из улья, наделял бедняков. Кроме ульев, у него ничего теперь не было. Дети, заметив это, взяли весь мед из ульев. Однажды утром один голодный пришел к Филарету. Блаженный отправился с ним на пчельник, но не нашел более меда. Тогда он снял с себя хитон и отдал нищему. Феозва, стыдясь соседей, со слезами на глазах, сшила ему хитон из своей верхней одежды... Так блаженный исполнил заповедь Господа: «Имеяй две ризы, да подаст неимущему»! (Лк. 3, 11).

Когда читаем биографии так называемых друзей человечества, известных филантропов, то узнаем, главным обра-

зом, об общественном значении их полезной деятельности, о великих научных открытиях, о тех или других благотворительных учреждениях и тому подобном. И, без сомнения, все это должно войти в историю развития благотворительности в христианских обществах. Не видим этого мы в жизнеописании святого Филарета Милостивого. Напротив — как бы намеренно сказав кратко о его широкой благотворительности во дни его богатства, оно вводит нас в его домашнюю жизнь, в его семейную среду, говорит об испытаниях его при семейных лишениях. Так — в жизни величайшего благотворителя является пред нами как бы само милосердие, независимо от тех практических результатов, которыми оно отражается в жизни общества. Истинный благотворитель совершает пред нами свой подвиг, весь проникнутый милосердием, благотворит потому, что не может не благотворить, потому что в этом —

вся жизнь его души, благотворить для него так же естественно и необходимо, как дышать воздухом. Он любит милостыню ради самой милостыни.

Какой это великий подвиг!

6. ВЕЛЬМОЖНЫЕ ГОСТИ

Юный император Константин находился уже в таком возрасте, когда приходилось позаботиться о его вступлении в брак. Императрица-мать решила пригласить ко двору со всех стран империи красивейших девиц для выбора царской невесты. Вельможи, «illustres», отправлены были для этой цели в различные провинции. Прибыв в малоазиатскую область Пафлагонию и проезжая мимо селения Амнии, они неожиданно были поражены, увидав в очаровательной местности, в глубине старинного парка, роскошное здание.

— Наверное, здесь живет богатый и знатный владелец здешней местности. Нам нельзя миновать этого дома. Как вы думаете? — говорил один из вельмож.

— Здание построено с удивительным вкусом. Я полагаю, хозяин не откажется принять нас. Во всяком случае, мы пошлем к нему с просьбой дать нам временно помещение для необходимого отдыха. После нашего путешествия я с удовольствием провел бы несколько дней в этой местности. Ведь здесь точно рай земной...

— Что ж? — сказал первый собеседник.— Отправим послов и прислугу, которая позаботится о всем необходимом для удобнейшего размещения. Палаты так обширны, что места, полагаю, хватит на всех нас.

Но часто — чего не знают господа, отлично знает прислуга. Воины, сопровождавшие царских послов, уже успели

расспросить попадавшихся на пути поселян о всех жителях той местности.

— Осмелюсь ли доложить вашей светлости,— выступив, сказал один из воинов.— Стоит ли останавливаться здесь? Говорят, этот дом, снаружи поражающий своим великолепием, совершенно разорен и пуст внутри, так что в нем нельзя найти не только никаких удобств, но даже самого необходимого. В нем живет старик, беднее которого нет никого в этой местности.

— Не может быть, чтобы дворец принадлежал нищему! — возразил один из вельмож.— Пусть все будет исполнено, как мы решили.

И немедленно царские послы, в сопровождении воинов и свиты, направились к дому, обратившему на себя их внимание.

Читатель, конечно, догадывается, что этот дом принадлежал блаженному Филарету. Филарет, узнав о приближении

необычных гостей, взял жезл свой и вышел к ним навстречу. Путники увидали пред собой маститого старца, убеленного сединой. Духовная красота души светилась в строгих, благородных чертах его лица. Неподдельное радушие слышалось в его голосе.

— Добро пожаловать! — говорил Филарет, низко кланяясь.— Сам Господь послал мне эту радость — принять столько почетных гостей в моем убогом жилище.

В то время как гости остановились на террасе, залюбовавшись прекрасным ландшафтом, и не без чувства удивления рассматривали наружные рельефные изображения, Филарет поспешил к своей супруге.

— Дорогая, позаботься устроить доброе угощение для знатных гостей, пришедших издалека. Мое сердце не обманывает меня: Сам Бог привел их к нам.

Феозва от изумления широко раскрыла глаза и с недоумением слушала мужа.

— Да в своем ли ты разуме? — воскликнула она.— Из чего ж я устрою угощение? Во всем доме нет ни ягненка, ни даже курицы... Уж не сварить ли для них лебеды, которую едим сами, и то без масла?!

— Твое дело только развести огонь да прибрать верхние комнаты. Об остальном не заботься: Бог пошлет нам припасов.

Ничего не понимая, Феозва тем не менее поспешила исполнить желание мужа. Она отправилась в верхние, давно уже не отпиравшиеся покои дома: роскошные украшения их неприятно напоминали обитателям дома о минувшем довольстве... Позвав детей и внуков, Феозва быстро привела в порядок палаты: плесень и паутина исчезли с древних мозаик, столы и кресла из слоновой ко-

сти с позолотой снова блистали по-прежнему... Спустившись вниз, Феозва радостно вскрикнула: на дворе дома откуда-то взялись овцы, ягнята, множество кур и других домашних птиц, в больших корзинах лежали хлебы, на повозках — мехи с вином, запасы масла, сыра, фруктов и тому подобное. Зажиточные жители селения, увидав, что шествие знатных гостей направилось к дому Филарета, и сообразив, что блаженный будет сильно огорчен невозможностью принять и угостить такое множество гостей, поспешили доставить к нему на двор необходимые запасы: так велико и дорого было имя Филарета для всех соседей! Многие из них раньше сами получали щедрую помощь от него и не забыли благодеяний.

Феозва была искусной хозяйкой. Работа, как говорится, кипела у нее в руках. Сверх того, у нее был тонкий, развитый вкус: верхние палаты быстро при-

няли такой вид, что в них не стыдно было бы принять самого кесаря, а на круглом столе из слоновой кости дымились вкусно приготовленные яства. Феозва ликовала, окидывая торжествующим взором пиршественную залу, в то время как дети и внуки в старинных вазах расставляли цветы и в комнате разливался нежный весенний аромат душистых трав и едва распускавшихся роз. Наконец, все было готово. Хозяин уже вел гостей к трапезе. Гости не могли удержаться от восклицания удивления при входе в залу для пиршества, но более всего трогало их — глубокое задушевное гостеприимство хозяина, к которому они невольно, с каждым часом чувствовали все большее уважение: его радушие, в соединении с величественной осанкой, каким-то внутренним, совершенно естественным благородством слов и действий вызывали в памяти величавые образы ветхозаветных патриархов.

Трапеза проходила среди оживленных разговоров, причем гости не раз приходили в изумление от глубоко проникновенных слов и замечаний своего радушного хозяина. Кушанья приносили и уносили, равно как и за столом прислуживали его внуки. Среди трапезы в залу вошел сын Филарета Иоанн, живой портрет своего родителя. Вельможные гости не могли надивиться врожденному благородству манер и изящной выдержанности в поведении молодых людей. Не всегда при дворе приходилось им наблюдать это соединение изящной простоты с чувством внутреннего достоинства. Переглянувшись между собою, они спросили хозяина:

— Скажи нам, честнейший муж, есть у тебя супруга?

— Есть, господа мои, а вот эти молодые люди — мои дети и внуки.

— А возможно ли будет нам познакомиться с твоей супругой?

Филарет послал сына пригласить мать. Феозва вошла с достоинством. Черты лица ее и в старости сохранили следы поразительной красоты. Гости почтительно приветствовали хозяйку дома.

— А нет ли у тебя дочерей?

— При мне живут девицы, дети моей старшей дочери.

— Теперь уже мы будем усердно просить тебя представить нас и твоим внучкам. Мы непременно должны видеть их. Не скроем от тебя цели нашего путешествия: по высочайшему повелению мы должны избрать девиц, которых представим ко двору для выбора невесты государю.

— Стоим ли мы, нищие, такой чести?.. Но ведь сегодня вы утомлены после путешествия. Я советую вам отдохнуть, а завтра — воля Господня да будет!

Гости действительно нуждались в отдыхе и охотно согласились на слова хозяина.

Солнце уже сияло во всей утренней красе, когда вельможные гости Филарета пробудились от сна. Они чувствовали себя превосходно. Все в этом доме пришлось им по сердцу: и очаровательная местность, и радушная внимательность семейства, и изящество обстановки. Точно дома, в столице, чувствовали они себя в жилище Филарета, только без шума и сутолоки городской жизни.

Когда Филарет явился к своим гостям с утренним приветствием, они сказали ему:

— Прикажи же, честнейший господин, привести к нам своих внучек!

Блаженный отличался великим смирением, но в словах гостей своих он почувствовал оттенок некоторого высокомерия, высказанного, может быть, совершенно бессознательно. Дело касалось не его самого, но горячо любимой им семьи.

— Как прикажете, господа мои, так и будет! Но не прогневайтесь на меня —

не соблаговолите ли вы сами пройти во внутренние покои дома? Мои внучки не привыкли выходить из своих комнат.

Гости, поняв свою ошибку, немедленно выразили полную готовность представиться девицам. Филарет повел их во внутренние покои.

Три юные красавицы встретили гостей и почтили их «смиренным и честным покровом».

Гости были поражены ослепительною красотою юных девиц и не могли удержаться от выражений восторженного удивления.

— Благодарим Господа! Конец нашему путешествию! — воскликнули они единодушно.

Девушки опустили взоры. Краска разлилась по лицам их...

Возвратившись в свою комнату, царские послы заявили Филарету:

— Мы нашли, что нам нужно, честнейший господин! Одна из твоих внучек

должна стать августейшей нашей повелительницей. Прекраснейших нам не найти, хотя бы пришлось пройти всю вселенную.

Филарет низко поклонился гостям.

Послы решили пробыть несколько дней в жилище Филарета и разослали гонцов в разные страны и области, которые пришлось посетить им. Эти гонцы должны были к назначенному дню возвратиться вместе с теми девами, которые намечены были раньше послами, в сопровождении их семейств. Трудно было узнать теперь мирный уголок Амнии: почти ежедневно прибывали все новые гости, в сопровождении друзей, родных и прислуги. Всех дев собралось десять. Некоторые из них принадлежали к знатным и богатым семействам. Хозяин принимал гостей с искренним радушием, лицо его светилось радостию. Никогда он не чувствовал себя более бодрым, как при приеме и размещении гос-

тей. Феозва оказалась такою распорядительною хозяйкой, что, при большом многолюдстве, в доме не было беспорядка: всем находились места и необходимый покой.

Наконец, назначен был день отправления в столицу. Что это было за зрелище, когда окрестные жители собрались проститься с Филаретом! Сколько было искренних дружеских объятий, сколько слез, задушевных пожеланий! Царские послы говорили, что этот день произвел на них неизгладимое впечатление и остался навеки незабвенным.

Блаженный покинул родное гнездо со всеми детьми, внуками и домочадцами, всего в количестве тридцати человек. Во время путешествия окрестные жители обязаны были доставлять к указанным пунктам смены лошадей и экипажей, равно как и все необходимые запасы.

Остановки, более или менее продолжительные, происходили днем, так как путешествие при вечерней прохладе считалось более удобным, чем под палящими лучами солнца. Семейство Филарета, никогда не покидавшее родного гнезда, глубоко интересовалось всем на пути. На восточном берегу озера Аскания, в Никее, путники с благоговением посетили церковь, где происходили заседания Первого Вселенского собора. Чрез день пути отсюда все прибыли уже в Никомидию, где видели остатки былого величия Диоклетиана[227] и вспоминали о мученичестве святого Георгия и царицы Александры[228]. В деревне Акерон сохранялось еще жилище, где первый христианский царь окончил свое славное земное поприще. В скором времени прибыли и в Халкидон, и пред очами путешественников, как золотое полотно, сверкнули изумрудные волны Пропонтиды. Чрез Босфор они могли уже ви-

деть башни, стены дворца и храмы Нового Рима... Как сильно забилось сердце у многих при виде столицы Востока!

В Халкидонской пристани уже готово было для путников просторное судно, убранное флагами, с золочеными драконами на носу. Гребцы в придворных нарядах сидели у весел. Новые вельможи присланы были для почетной встречи путешественников. Мало-помалу все они разместились на корабле. Нет надобности добавлять, что во время путешествия все коротко познакомились друг с другом. Десять избранных девиц и три внучки блаженного Филарета на корабле помещены были все вместе в просторной каюте. До сих пор между ними царствовало дружеское согласие, но на переезде чрез пролив произошло одно обстоятельство, которое несколько омрачило общее светлое настроение. В числе дев заметнее других была дочь одного из знатнейших вельмож, Геронтия, гор-

дая красавица, с блестящими черными очами, ослеплявшая всех богатством своих нарядов. Естественно, что, в виду пышной столицы, мысли всех устремлены были к той блестящей судьбе, которая могла выпасть на долю счастливой избранницы. Старшая внучка блаженного Филарета, Мария, обратившись к подругам, сказала:

— Послушайте, дорогие, что мне пришло на сердце. Из всех нас одна должна удостоиться высочайшей чести и славы на земле. Положим завет между собою: если Господь возвеличит одну из нас, пусть вспомнит она и в своем царственном величии и не оставит своим покровительством остальных подруг. Мы же все будем молить Господа, да пошлет Он, всемогущий, на высоте земного величия избраннице царя и истинное счастие!

— Что за уговоры! — воскликнула, окинув всех торжествующим взглядом,

гордая дочь вельможного Геронтия.— Точно может быть какое-либо сомнение в выборе царя... На что можете рассчитывать все вы, кроме женской красоты? Разве мало еще осталось красавиц на свете? Кроме красоты, для будущей императрицы необходимы знатность рода, богатство и высокий ум... Деревенская простушка и нищая не может стать невестой царя!

Самоуверенный тон гордой красавицы поразил остальных подруг и произвел между ними смущение... Но корабль уже пристал к берегу, на котором виднелись царские золоченые экипажи...

7. ПЫШНАЯ СТОЛИЦА ВОСТОКА

Трудно изобразить тот интерес, с каким путники, в первый раз попавшие в Константинополь, смотрели на пышную столицу Востока. Глаза

их поражались на каждом шагу все новыми диковинками. При быстром проезде пред ними мелькали купола, роскошные терема, колонны, статуи, знаменитые храмы, раскинувшиеся на семи холмах великого города. На улицах кипела жизнь ключом. Во всем заметно было, что здесь — центр могущества и богатства Восточного царства. Географическое положение столицы было неоценимо: она находилась на рубеже Европы и Азии; в ее обширной гавани находили себе спокойное пристанище многочисленные корабли, прибывавшие, с одной стороны, из всех прибрежий Эвксинского Понта, с другой — из всех стран Средиземного моря. Немудрено, что на улицах города толпились представители всевозможных народов. Но вот наши путники въехали во второй из четырнадцати округов столицы. Этот округ расположен был на холме, где Константин некогда раскидывал свою палатку и назна-

чал его местом главного форума. Колесницы проехали триумфальную арку, и взоры путников поражены были открывшимся перед ними богатейшим собранием избраннейших произведений древнегреческого искусства. Здесь виднелись статуи, свезенные из Афин, Кизика, Кесарии, Траллеса, Сардов, Севастии, Халдеи, Великой Антиохии, Кипра, Крита, Родоса, Хиоса, Атталии, Селевкии, Смирны, Тианеи, Иконии, Никеи, Сицилии и многих других городов Востока и Запада. Все страны, все города древнего мира принесли свою дань царственному городу.

Главный форум, или Августеон, открывшийся во всем своем блеске пред изумленными взорами гостей, окружен был самыми знаменитыми сооружениями: здесь в дивном великолепии предстал пред ними храм Святой Софии; несколько южнее — ипподром и затем — императорский дворец. Дворец с одной

стороны выступал на Августеон, а с другой обращен был к морю, у самого входа в Босфор. Из окон своих покоев, сиявших золотом и драгоценной мозаикой, император мог смотреть на свой победоносный флот, уносивший его армию к берегам Италии, Азии и Африки, а также на бесчисленные купеческие корабли, привозившие в Константинополь богатые товары трех частей света.

Ипподром был настоящим центром общественной жизни в столице. Здесь разыгрывались важнейшие моменты византийской истории. При взгляде на него путники вспомнили, как Юстиниан II попал в руки своих врагов, которые отрезали ему нос и уши, и здесь же, вернувшись впоследствии победителем в свою столицу, он попирал пурпурными сапогами головы бунтовщиков, при криках непостоянной черни: «На аспида и василиска наступиши!» Здесь же, на главной площади, стоял знаменитый

«Миллион», от которого шли измерения всех дорог на Востоке,— куполообразное здание, окруженное аркой из семи колонн, украшенное дорогими статуями, между которыми видны были статуи основателя столицы и его матери, на порфировом пьедестале. Но возможно ли перечислить все чудеса пышной столицы Востока?

Колесницы с новоприбывшими путниками подъехали к одному из дворцовых зданий, назначенному для их пребывания. Здесь они должны были ожидать того момента, когда их пригласят явиться к повелителю Востока и его матери. Этим промежутком они могли воспользоваться для отдыха после путешествия, для обзора и ознакомления с достопримечательностями столицы, для поклонения многочисленным святыням, для посещения храмов.

Но, разумеется, прежде всего путники спешили побывать в храме Святой

Софии, подобно тому, как приезжающие в Москву из далеких окраин святорусской земли считают своим долгом помолиться в Успенском соборе. Кто из читателей незнаком с этим чудесным храмом во славу Премудрости Божией из многочисленных описаний? Но большинство этих описаний знакомит нас с дивным сооружением в его настоящем виде. С трудом можно себе вообразить все великолепие храма той поры, когда его еще не касались святотатственные руки воинственных слуг римского папы и впоследствии турок. В средине здания стоял амвон в виде большой трибуны, осененной куполом с крестом: блеск золота и драгоценных каменьев соперничал здесь с красотою великолепнейших мраморов. Алтарная часть отделялась от остального храмового пространства серебряной преградой, на колоннах которой в медальонах виднелись изображения Спасителя, Пресвятой Девы, ангелов, апостолов

и пророков. Престол был из золота, и на его фоне сияли эмаль и драгоценные камни. Над престолом простиралась, в виде кивория[229], глава, увенчанная массивным золотым крестом. Ее поддерживали четыре серебряные вызолоченные колонны.

«Кто не подивится,— восклицает один поэт того времени,— дивному великолепию святой трапезы? Кто может представить себе чудную красоту ее, когда она сияет различными цветами, играя блеском то золота и серебра, то сапфира,— словом, испускает многоцветные лучи, смотря по роду дорогих камней, перлов и различных металлов?» Что за чудное зрелище представляла внутренность храма в ночное время, когда все ее драгоценности точно загорались разноцветными огнями при блеске шести тысяч золоченых канделябров? Своды купола и апсид[230] и стены поражали зрителей огромными декоративны-

ми мозаиками. Здесь на золотом или синем фоне выступали, точно живые, колоссальные величественные изображения и в числе их — образ Спасителя мира, во всем блеске Его Божественной славы, восседающего на великолепном престоле. Одна рука Его благословляла молящихся, а в другой — раскрытое Евангелие с начертанными на его страницах словами: «Мир вам! Аз есмь свет миру!» Теперь сохранившиеся остатки дают лишь скудное понятие о внутренности Святой Софии того времени, когда мозаичное убранство еще одевало ее вполне... Но и теперь, несмотря на утрату былого великолепия, храм все еще производит неотразимое впечатление на душу христианина...

Блаженный Филарет со всем своим семейством пользовался своим пребыванием в столице для того, чтобы посетить храмы Божии и поклониться многочис-

ленным святыням, дорогим сердцу каждого христианина. Ни его, ни членов его семьи не привлекали роскошь и богатства столицы: выросши в тиши уединенной провинциальной жизни, они были чужды соблазнов тщеславия и наружного блеска. Мало того: всматриваясь в нравы жителей пышной столицы, блаженный с грустью убедился, что не все то золото, что блестит, и ему невольно припоминались громоносные обличения Златоуста. Вместе с тем сострадательное око его, при всем видимом богатстве столицы мира, открыло в ней притоны безысходной нужды, нашло больных, оставленных без ухода, беспомощную старость... И, чем более он знакомился с этим миром горькой нужды, тем более содрогалось его сердце... Не о блеске, не о предстоявшем величии мечтал он, нет! Он горел желанием принести посильную помощь несчастным, отереть слезы без-

утешных, на которых в роскошной столице так мало, казалось ему, обращали внимания...

Вовсе не с такими расположениями готовились к торжественному приему у царя другие, прибывшие вместе с ним в Константинополь. Молодые девицы и во главе их дочь вельможного Геронтия, вместе со своими родственниками, вели нескончаемые беседы о почестях, о несметных богатствах, и старались завязать знакомства с «сильными мира сего». Закипели интриги... Так как ни блаженный Филарет и никто из его семьи не выказывали ни малейшего желания участвовать в каких-либо честолюбивых затеях, то их, к счастью, оставили в покое. Внучек блаженного перестали считать опасными соперницами. И жизнь их в царском дворце скоро потекла обычным порядком, мало отличавшимся от их жизни в далекой Амнии...

8. РОСКОШЬ ДВОРЦА ИМПЕРАТОРА

Между тем во дворце все громче говорили о близком выборе царской невесты. Заметны были уже и приготовления к предстоящему торжеству.

Трудно представить себе весь блеск императорского дворца в Константинополе. Казалось, все искусства соперничали между собою для прославления императорского величия.

Когда пробегаешь, говорят нам хроники, громадные залы дворца, сияющие золотом и мозаикою, как будто переносишься в какой-то фантастический дворец «Тысячи и одной ночи». Величие и роскошь этого здания, назначение многих его зал отвечали представлению, какое только может составить себе фантазия историка. Император был, так сказать, земным Богом; все было рассчита-

но на то, чтобы придать характер могущества и блеска малейшим актам его публичной жизни. Зал торжественных приемов, трон, на котором он восседал, его одежда, свита, его окружавшая,— все это должно было производить на умы впечатление величия и почтения...

Дворец разделялся на три главные части: Халкею, Дафну и Священный дворец.

Халкея заключала в себе целый ряд комнат, где дежурила стража, молельни, галереи и приемный зал, называвшийся Великой Консисторией. В этот зал вели три двери, сделанные из слоновой кости. В глубине на эстраде стоял трон или, правильнее, один из тронов императора. Короче сказать, Халкея составляла как бы сени дворца и его часть, наиболее доступную для публики. Между Халкеей и Дафной находился Триклиний, или столовая, с девятнадцатью ложами. Тут происходили большие парадные пиршества.

Дворцовое отделение, называвшееся Дафною, состояло из двух этажей, и его залы имели вообще официальное назначение. В нем находилось до трех религиозных зданий, или ораторий. Кроме того, чрез галереи верхнего этажа император отправлялся из своих апартаментов в ипподром — между ним и дворцом существовало сообщение. Дойдя до ипподрома, монарх находил, на почетной стороне этого здания, так называемую Кафизму — отдельный небольшой дворец, выстроенный нарочно для того, чтобы император мог тут же давать аудиенции, кушать и облекаться в парадный костюм прежде вступления своего в ложу.

При входе в Священный дворец лежал обширный атрий, но не прямоугольный, как в римских домах, а состоявший из двух полукружий, причем одно полукружие было покрыто апсидой. Тут собирались высшие чиновники и придворные в ожидании появления императора

или позволения войти в самый дворец. Средина атрия была занята большим бронзовым тазом с серебряными краями; в середине его возвышалась золотая ваза. При некоторых торжествах ее наполняли плодами, которые мог брать кто угодно.

За атрием следовал перистиль в форме дуги, называвшийся Сигма; потолок его подпирался пятнадцатью колоннами фригийского мрамора, а в центре его возвышался купол, поддерживаемый четырьмя колоннами зеленого мрамора. Здесь, в известных случаях, ставился трон императора. За Сигмою начинались императорские покои и залы, до того многочисленные, что надо отказаться от их перечисления. Между ними особенно замечателен был Хризотриклиний, то есть золотой триклиний, служивший для самых торжественных приемов: это было, так сказать, святилище императорского культа, по своему расположению чрезвычайно походившее на

храм. Зал был восьмиугольный, с куполом, прорезанным шестнадцатью окнами, и с двустворчатою дверью, обложенною серебром. Во время приемов эта дверь сначала оставалась закрытою, пока толпа входила в Хризотриклиний и не наступала тишина; потом два офицера раскрывали дверь: в глубине апсиды представлялся взорам всех император, восседавший на троне, и все простирались ниц перед ним. Иногда тут выставлялись все дворцовые драгоценности: сияющие самоцветными каменьями императорские венцы, золотые троны, эмали, пурпурные облачения, украшенные жемчугом и дорогими камнями,— целая масса богатств, скопленных многими поколениями императоров и столь удивительных, что трудно их даже вообразить.

Другой зал в той же части дворца, большой триклиний, или Магнаура, был обычным местом приема послов. Роско-

шью своего убранства он нисколько не уступал Хризотриклинию. Император садился на трон, помещенный в апсиде и называвшийся престолом Соломона. Трон этот целиком был сделан из золота и украшен драгоценными каменьями. На нем были изображены птицы, оглашавшие зал, благодаря хитрому механизму, сладким пением. Подле трона возвышался очень большой крест, покрытый драгоценными каменьями. Несколько ниже были расставлены золотые седалища для членов императорской фамилии. На нижней ступени эстрады, на которой помещался трон, находились два льва, поднимавшиеся на своих лапах и издававшие рычание. Неподалеку от трона стояли золотые деревья, и на их ветвях сидели птицы различных пород, подражавшие пению тех птиц, форма которых была им придана. Тут же помещался огромный орган, украшенный драгоценными каменьями и эмалью.

Внутренние покои дворца были столь же многочисленны и роскошны, как и парадные залы. Одни из этих покоев были летние, другие зимние, и устроены таким образом, чтобы в них, смотря по времени года, было тепло или прохладно.

Теперь вообразим себе дворец этот в дни торжественных праздников: в его галереях и залах, обвешанных роскошными коврами, движется толпа чиновников в ярких костюмах; здесь виднеются императорские телохранители с их серебряным и золотым вооружением, там — послы болгарские, арабские, франкские; повсюду раздаются гимны, возгласы, звуки органов. Вдруг среди этой обстановки является сам император, окруженный высшими сановниками и до такой степени сияющий золотом и драгоценными каменьями, что взоры с трудом выдерживают его блеск. Бесстрастный в своем царственном величии, он шествует

медленно, так как толпа преклоняется, воспевая ему хвалы. Какое благодарное зрелище для художника и историка!

Что должны были почувствовать путешественники, проходя по всем залам дворца, ступая по полу, усыпанному золотою пылью, привезенною из далеких стран, между тем как яркие лучи восточного солнца отражались на стенах, выложенных блестящими мраморами, разукрашенными агатом и сердоликом, на колоннах нумидийского розового и золотистого мрамора? По бокам шествия шпалерами стояли войска. Воины дворцовой стражи были в сидонских военных плащах с унизанными жемчугом поясами, в шлемах, украшенных смарагдами. Впереди и позади их шествовало множество царедворцев. Вот, наконец, самый зал, где уже восседает на своем престоле император. Богатые занавесы поднялись, и придворные чины, с золотыми жезла-

ми в руках, готовы были ввести дорогих гостей... Как сильно бились сердца юных девиц! Но не меньше волновались и их родственники... В глубине зала стояла стража самых почетных телохранителей, в блестящем тяжелом вооружении, с золотыми воротниками. Ближе к императору стояли четыре преторских префекта, в пурпуровых, доходивших до колен мантиях. Посредине зала, прямо под изображением Господа Вседержителя, сидящего на Престоле, находившемся в вышине свода, на троне, поддерживаемом золотыми львами, сидел юный Константин на шелковых, расшитых жемчугом подушках; на его пурпуровой одежде были вышиты золотом драконы, составлявшие принадлежность императорских регалий. От ушей его свешивались огромные рубины и смарагды, на голове — диадема, пурпуровая шелковая повязка, вышитая жемчугами, а на груди висели цепи из драгоценных камней

большого объема. Вся фигура императора, казалось, сверкала и горела разноцветными огнями... Лишь только все были представлены государю и пали ниц пред ним, как загремел орган, заиграли трубы, золотые львы у трона взревели, золотые птицы запели, звери у нижних ступеней трона поднялись на задние лапы — и все это: и вид монарха, и блеск драгоценностей, и эта своеобразная музыка производили потрясающее впечатление...

Одна за другой подходили к подножию престола юные красавицы. Канцлер,— логофет,— называл государю имя и звание представлявшейся. Первой представлена была гордая красавица, дочь Геронтия. Из всех — она смутилась всего менее. Огнем самоуверенности сверкнули ее очи, когда упал на нее взгляд императора. После всех представлена была Мария, внучка блаженного Филарета. Прелестные черты юного

лица ее дышали искренностью и чистотой. Едва взглянув на царственного жениха, она скромно опустила очи, между тем как яркий румянец разлился по ее щекам. Присутствовавшие не могли удержаться от невольного выражения изумления и восторга. Царственный жених сам потупил очи, и на бледных щеках его также появился румянец.

Вслед за девицами представлены были государю и их родственники. При виде маститого старца Филарета, представшего вместе с супругой и детьми, всеми невольно почувствовалось в этом муже, сверх врожденного благородства, особого рода внутреннее, духовное величие; у всех само собой зародилось глубокое уважение к этому старцу, склонившему свою украшенную сединою голову пред императором. Прямота и глубокая правдивость нескольких сказанных им слов дополнили общее благоприятное

впечатление. Немало дивились все ее красоте и какому-то совершенно естественному изяществу во всех движениях, благородной скромности и простоте во всем поведении и остальных членов его семьи.

Представление окончилось. Все выходили из палаты в том же порядке, как вошли, причем громко раздалось многолетие государю, которое тотчас же было подхвачено хором певчих, а певчим вторили все три органа, все птицы, львы и звери, исполняя каждый свою ноту в общем торжественном хоре...

9. НЕОЖИДАННОЕ БОГАТСТВО

После представления императору вскоре же все были представлены его матери — императрице Ирине. Затем предстояло сделать окончательный выбор.

Прибывшие в столицу путники вовсе не подозревали того, что в течение довольно продолжительного срока со времени поселения в императорском дворце до дня представления государю все они были предметом самого бдительного надзора, во время которого старались выследить не только занятия и внешнее поведение, но по возможности характеры, склонности и привычки привезенных для выбора царской невесты девиц. Всем этим делом руководил министр императорского двора и самый близкий к государю человек — Ставрикий. Можно сказать, что выбор уже был предрешен, прежде чем юные девы представились монарху. Надменность красавицы, дочери Геронтия, не укрылась от зоркого взгляда опытного царедворца, равно как и скромность, благочестие и кротость внучек блаженного Филарета. Призвав к себе Геронтия, вместе с его дочерью, Ставрикий предложил гордой красавице

подарки от государя и сказал: «Ты удивительно хороша собой, но не ты избранница царского сердца!» Девица, побледнев, громко вскрикнула и упала на руки сопровождавших ее служанок... «Тако бо всяк возносяйся смирится, по словеси Господню, смиряяй же себе вознесется»,— замечает благочестивый писатель. Точно так же отпущены были и все остальные. Выбор пал на внучку блаженного Филарета Марию: «зело возлюби ю царь и обручи ю себе в невесту...»

Мы воздержимся от описания блистательных празднеств по случаю бракосочетания императора, тем более что весь этот блеск видимо тяготил блаженного Филарета. За роскошными яствами в блистательных палатах дворца ему не раз предносились в душе образы безотрадной нужды, замеченной им в столице. Туда, в среду нищей и убогой братии, стремилось его любвеобильное сер-

дце, с ласковым словом утешения, с возможной помощью. Во время пышных придворных торжеств совершилась судьба и остальных двух внучек блаженного. Вторую из них взял за себя один из сильных вельмож при дворе, Константикий, а третья была просватана за короля лангобардов и с блистательной свитой и драгоценным приданым отправлена была в Италию.

Нет надобности говорить о том, что сыновья блаженного получили почетные звания, а он сам и все его семейство было осыпано царскими милостями. Сверх огромных денежных сумм и многих сокровищ им пожалованы были роскошнейшие здания в столице и обширные поместья. Царь искренно полюбил блаженного старца и, горячо поцеловав его, отпустил, по окончании всех церемоний и пиршеств, в его великолепное жилище.

Точно волшебный сон, точно дивное видение пронеслись все эти дни для семейства Филарета. Оставшись, наконец, одни, в тесном кругу своей семьи, все невольно вспомнили слова Филарета, сказанные некогда в ободрение им среди тяжкой нужды: много-де у него сокрытых сокровищ... Все, как один, при этом воспоминании пали ниц к ногам святого старца...

— Прости нам, владыко, господин наш,— говорили все со слезами,— прости нам наше безумие. Мы порицали твои щедроты и милостыни... А теперь сами воочию убедились, яко *блажен человек, разумеваяй на нища и убога!* (Пс. 40, 2). Воистину все, что дает человек нуждающемуся брату, дает то Самому Богу, Который сторицею вознаграждает в этом мире и воздаст вечным блаженством в грядущем... Человече Божий, за твою милость к бедным

Бог явил столь великую милость тебе, а с тобою и всем нам!

Блаженный старец, взволнованный до глубины души, простер руки к небу и возгласил:

— Благословен Бог, изволивый тако! Буди имя Господне благословенно отныне и до века!

И все сказали:

— Аминь!

— Теперь послушайте меня,— снова заговорил блаженный.— Устроим и мы блистательное пиршество, а я умолю посетить нас царя и владыку нашего со всеми вельможами.

— Как ты пожелаешь, так и будет!

Чрез несколько дней роскошные и обширные палаты нового жилища Филарета были приведены в блистательный вид и уставлены столами и ложами. На столах расставлены были драгоценные яства.

Когда все было готово, блаженный Филарет отправился в хорошо уже знакомые ему места нищеты и, «елики на них обрете нищия, слепыя, хромыя, старыя, немощныя», всех пригласил к себе, до двухсот человек. Оставив их у ворот дома, он один вошел в покои и, обратившись к жене и детям, торжественно произнес:

— Дети, Царь приближается с своими вельможами. Все ли у вас готово?

— Все, честный отче!

Блаженный дал знак рукою привратнику, и вот, к неописуемому изумлению домашних, вместо императора и вельмож в залы вступило множество нищих и убогих... Однако всем недостало места на богатых ложах. Многие разместились на полу, и вместе с последними — сам хозяин дома...

Опомнившись от изумления, дети, с умилением в сердце, поняли, что, называя Царя, блаженный разумел Самого

Христа, и дивились его необыкновенному смирению. Всех до глубины души трогал вид маститого старца, возлюбленного императором, деда императрицы, теперь прислуживавшего убогим гостям своим.

— Воистину это есть человек Божий и истинный ученик Христа! — невольно восклицали все свидетели необыкновенного зрелища.

Увлеченные примером Филарета, старший сын его Иоанн, уже получивший чин спафария[231], и внук блаженного, по его приглашению, с готовностью принялись прислуживать возлежащей братии. Слезы умиления катились по щекам дивного старца.

Поднявшись, он приказал позвать всех своих родственников и домочадцев.

— Чада мои! — воскликнул блаженный, когда все собрались пред ним.— Вот вы получили богатства, каких не ожидали. Не говорил ли я вам об этом,

в твердом уповании на милость Божию? Скажите же, не осталось ли на мне долга пред вами?

— Господин наш! — воскликнули все со слезами на глазах.— Ты провидишь будущее, угодниче Божий! Еще раз молим тебя: не вспоминай о нашем неразумии.

— Вот видите, чада: не сторицею ли воздал нам милосердный Господь за то, что мы когда-либо помогли чем-нибудь нуждавшемуся брату? Возблагодарим же Господа! У многих из здесь возлежащих нет крова, у одних — больные дети, у других — болезнь и старость. Отпустим ли их с пустыми руками, не давши им необходимой помощи? Пусть каждый из вас пожертвует на них по десяти золотых монет, и да приимет Господь вашу жертву, как принял две лепты вдовицы!

Очи блаженного засияли радостью, когда увидал он, с какой готовностью его дети, внуки и домочадцы поспешили

исполнить его желание. Так святой муж привлекал своих присных к участию в святой милостыне.

Каждый из гостей получил по золотой монете из рук блаженного старца. Расходясь, они глубоко были тронуты всем, что видели и слышали...

10. ВЕЛИКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

В течение четырех лет жители пышной столицы могли встречать благообразного старца, прилично, но скромно одетого, несмотря на его близкое родство с императорским домом, не среди блестящих придворных празднеств, не на играх ипподрома, но в самых глухих улицах и закоулках города — там, где обыкновенно в больших городах ютится часто безысходная нужда. И дивились жители столицы неутомимости старца, отдававшего все свое время на

ознакомление с действительною нуждой; еще более изумлялись его бесконечному состраданию, которое проявлялось не столько в щедрой помощи, сколько в теплом сердечном участии ко всякому горю ближнего. Но любвеобильное сердце блаженного благотворителя не раз омрачалось при встрече с лукавством столичных жителей, часто притворявшихся бедняками для того, чтобы, выпросив подаяние, предаться праздности или издержать его на порочные удовольствия. Нередко и алчное корыстолюбие принимало личину бедности...

Однажды, встретив нищего в рубище, жалостливо просившего подаяния, блаженный Филарет вручил ему медную монету вместо золотой, но в это же время обратился к нему с просьбой о помощи человек, скромно, но пристойно одетый. Блаженный, судя по наружному виду, хотел было подать ему медную монету, но в руке его оказалась золотая.

Тут только заметил он свою ошибку. Но, привыкши постоянно вдумываться во все обстоятельства своей жизни и глубоко веруя, что Промысл Божий, как в великом, так и в малом бдит над нами, он, пристально взглянув на просителя, просил его провести в его жилище. Проходя по улицам города, святой Филарет подробно расспрашивал просителя об обстоятельствах, заставивших его прибегнуть к просьбе о милостыне. То был бедный чиновник, с весьма ограниченным жалованьем, которого едва хватало на содержание семьи. Со слезами, навернувшимися на глаза, бедняга говорил блаженному о своей тяжкой трудовой жизни и постигшем его несчастии. Жена его, заботившаяся о хозяйстве и воспитании малолетних детей, уже несколько месяцев лежала, прикованная тяжким недугом к одру болезни. Если не улучшить питания больного и уже надломленного трудами организма, если не прибегнуть к

необходимой медицинской помощи, не останется никакой надежды на спасение умиравшей... Между тем приблизились к жилищу бедняка и вошли в него. На грязном и сыром полу сидели полураздетые дети и, протягивая исхудалые ручонки, просили у отца хлеба. У каменной и сырой стены на бедном ложе бессильно лежала молодая еще женщина, с невыразимым страданием во впавших очах. Плач и просьбы детей для нее были больнее ее страданий. Слезы обильно заструились из очей блаженного старца. Во всем помещении не было ни стола, ни стула — словом, не оставалось более ничего сколько-нибудь ценного. А между тем так недавно еще в этом жилище царило скромное довольство, чистота и опрятность, так недавно еще, несмотря на трудовую жизнь, обитатели его считали себя счастливыми и благодарили Бога.

— А теперь вот у нас нет ничего... К довершению всего, хозяин дома решительно потребовал на завтрашний день очистить квартиру... Пока было что отнести ему вместо платы, он терпел нас, да это приносило ему и выгоду, потому что все вещи пошли за бесценок...

— Кто же хозяин ваш, владелец этого дома?

— О, это богатый ростовщик, у которого много домов...

— Пойдем к нему, и я постараюсь выкупить твое имущество, а затем позаботимся и обо всем остальном.

Хозяин жил в том же доме. Но каково было изумление блаженного, когда в богатом домовладельце он узнал того нищего, который только что обращался к нему за подаянием!..

Нет надобности добавлять, что блаженный, выкупив все заложенные вещи бедного труженика, сам позаботился о здоровом и чистом помещении для семьи

его и предоставил в его распоряжение все необходимые средства для поправления здоровья его жены. Какою невыразимою радостью светились очи блаженного, когда, вполне оправившись, мать семейства пригласила его помолиться вместе с ними и вознести благодарность Господу за Его милости и вместе с тем разделить их скромную трапезу! Дети не отходили от «доброго дедушки», с такою любовью ласкавшего их, и точно — блаженный находился среди облагодетельствованной им семьи, как отец среди нежно любимых детей.

Возвратившись домой, блаженный призвал к себе своего верного слугу и искреннего почитателя — Каллиста и приказал ему изготовить три ларца, совершенно одинаковых по размерам и внешнему виду, и наполнил их один — медными монетами, другой серебряными и третий золотыми.

— Зачем это нужно? — спросил Каллист.

— А вот, когда придет кто-нибудь из числа нуждающихся в помощи, ты будешь оказывать эту помощь из того ларца, какой тебе укажет Бог, лучше нас с тобой знающий нужды каждого. Есть просители невольные: обнищав от разных бедствий, они с горем идут просить милостыни... Они не надевают рубища, чтобы выставить свою нищету напоказ, но нужда их часто гораздо больше, чем у тех, кто, облачившись в лохмотья, простирает руку для получения милостыни. Иные просят милостыни, потому что предались лености, тунеядству и порочным наклонностям. Иные, скрывая свое богатство, не стыдятся нищенства... О, как не понимают люди, злоупотребляющие милостыней, что они крадут не у людей, но у Самого Христа! Где нам с тобой разобрать всех, просящих помощи? У нас не хватит ни сил, ни времени.

Сам Господь, якоже хощет, да устрояет руку дающего к подаянию милостыни!

Каллист в точности исполнил повеление своего господина, который, ежедневно входя в комнату, где стояли ларцы, сам, закрыв очи, передвигал их с места на место.

И часто говаривал старец своим детям и домочадцам:

— Бог мне свидетель: сколько раз, видя человека в приличном одеянии, я опускал руку в ларец, имея в мысли достать медную монету, и доставал златую, а одетые в рубище получали медную. И не раз и не два я мог убедиться, что рука моя не делала ошибки, потому что и в жилища часто ходил, проверяя нужду каждого...

По близкому родству с царицей, блаженному старцу нередко приходилось бывать во дворце. Среди вельмож, одетых в пурпур и блиставших золотом, он носил скромную одежду и на убеждения

близких и царедворцев уступить придворным обычаям неизменно отвечал одно и то же: «Разве мне мало чести именоваться дедом царицы? Разве одежда может прибавить что-нибудь к высоте моего звания? Оставьте меня в покое. Я никого не осуждаю, никому не завидую, ничего не ищу при дворе. От полноты сердца благодарю Господа моего и славлю великое и дивное имя Его. Забуду ли я, что Он воздвиг меня из нищеты и неизвестности на такую высоту? Не пышная одежда, не блеск обстановки — мое сердце ежеминутно говорит мне о неизреченной милости Божьей...»

Изумленные царедворцы невольно преклонялись пред величием блаженного старца. О, если бы он захотел воспользоваться расположением царя и царицы для собственного возвышения, для пышности и блеска,— сколько врагов нажил бы себе дед царицы, какими интригами и кознями окружили бы его, как усердно

старались бы повредить ему! Святой Филарет отлично понимал все это и своим глубоким смирением охранил спокойствие чистой души своей. На вершине земного величия и царственного почета он пожелал и действительно остался тем же, чем был и прежде,— тем же «Филаретом из Амнии», тем же сострадательным и глубоко смиренным, столь же щедрым и бескорыстным рабом Божиим,— не выше ли это, чем все превосходительные титла, которыми величались при византийском дворе?

Как ни скромен был блаженный в своих потребностях, в своем образе жизни, как ни старался отказывать себе даже в необходимом, иногда у него не хватало средств на дела благотворения. И в такое время нередко всего более обращались к нему с просьбой о настоятельной помощи. И вот однажды, призвав к себе детей и внуков, блаженный обратился к ним со словами:

— Господь сказал: *куплю дейте, дондеже прииду* (Лк. 19, 13). Вот, дорогие, я и собрался «куплю деяти». Купите у меня все мои драгоценности, какими одарил меня царь, потому что я нуждаюсь в деньгах.

Домашние хорошо знали, на что нужны были деньги блаженному, знали также и то, что, если бы ему не удалось куплю сотворить, все драгоценности его пошли бы туда же, куда ушли его стада в Амнии, куда ушли его последняя лошадь и корова, куда делись его ульи, куда пошла последняя его одежда.

Оценив драгоценности, они предложили блаженному шестьдесят фунтов золота, но и этой суммы денег ненадолго хватило бы щедрому благотворителю, если бы слух о бесконечном милосердии блаженного не дошел до царя и царицы. Глубоко тронутые рассказами о безграничной щедрости святого деда, они назначили ему огромные суммы на дела

благотворения, хорошо зная, что ни одна лепта не минует действительной, а не мнимой нужды...

11. КОНЧИНА УГОДНИКА БОЖИЯ

Любовь — внутренняя сила жизни. Всецело погружаясь в Боге и Богом исполняясь, любовь и свое и все Божие отдает ближним, в которых живет не мыслью, а сердцем. В то же время любовь — величайшая всеочищающая сила. Отдаваясь любви, человек как бы забывает о себе, о своих собственных потребностях, тем более — о грешных влечениях. «Нет, решительно нет ни одного греха, который бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Скорей сухой хворост устоит против сильного огня, чем естество греха против силы любви» (Златоуст). Изливая свои дары на ближних, даже на бессловесных, ис-

точник любви коренится в Боге и к Богу устремляется. Очистив свое сердце от всяких своекорыстных пристрастий, истощаясь весь в самопожертвовании, любящий наконец всецело устремляется к Богу. «Какое желание душевное так живо, как стремление к Богу в душе, очищенной от порока и взывающей: уязвлена я любовию?» (Василий Великий). Такой момент наконец наступил в жизни святого Филарета Милостивого.

Первая ступень к достижению духовного совершенства состоит в ревности к исполнению святой воли Божией. Но и служа Богу, человек может еще говорить: «Я трудился, и Бог мне помог». Последний и решительный шаг заключается в полнейшей преданности воле Божией. Отдающийся всецело воле Божией ищет и жаждет того, чтобы Бог вселился в нас, как бы облекся в наш дух, чтобы и *еже хотети* и *еже деяти в нас* было Его делом... И тогда, в

пламенном стремлении к Богу, падает наконец всякая мысль о себе самом, и в сердце возносится тайная мольба: «Ты, Господи, твори во мне и со мною, что хочешь, а я и слеп, и слаб».

Такой смысл, думается нам, имело последнее на земле распоряжение великого благотворителя о способе подаяния помощи нуждающимся, исполненное доверенным его слугою. Он ли, неутомимый, не щадил своих сил, отдавая не только «благая земли», но и свои силы и все свое время делам благотворения? Он ли не старался всем сердцем и всем своим разумением угадать истинную нужду и неподдельное, настоящее горе, чтобы не раздавать даров Божиих недостойным приятия их? И тем не менее, как бы отказываясь от деятельности, наполнявшей собою всю его жизнь, он отдался безвозвратно руководительству Божию. И стал он весь как бы сосудом благодати Божией...

Нет надобности говорить о том, как глубоко любили его не только домашние, но и все, кто только нуждался в его помощи и совете. Точно благовонный духовный аромат разливался окрест его — так дивно благодать Божия озаряла его. Возможно ли удивляться тому? Подобно тому как огонь, проникая железо, не внутри только держится, но выходит наружу и огненную свою силу являет ощутительно для всех, так и благодать, озаряя человека, становится как бы осязательною для других. И каждое слово, и движение, и взгляд, и звук голоса говорят о незримой духовной силе, освятившей душу, и теплота веет от человека Божия, и сила дивная исходит от него, возбуждая готовность на служение Богу и в других...

Так блаженный созрел для вечности.

Несмотря на свою маститую старость, блаженный Филарет отличался крепостью сил, подобно многовековому дубу,

покрывающему ветвями своими птичек, гнездящихся на нем, и усталого путника в летний зной. Вид его был добрый, походка твердая и величавая, как в лучшие годы жизни, взор ясен и полон энергии. Никто не мог предвидеть, что уже приблизилось время его переселения в блаженную вечность.

Взяв тайно от всех своего верного Каллиста, святой Филарет однажды направился в женский монастырь в Константинополе, называвшийся «Родолфия». Это был один из самых бедных монастырей. Сестры его трудами рук своих снискивали себе пропитание и вели чистую, богоугодную жизнь. Отдав обители последние остававшиеся у него деньги, он просил о том, чтобы в обители, близ храма, изготовили ему гробницу.

— Не говорите никому о том, что скажу вам. Еще немного дней — и земная жизнь моя угаснет, и я оставлю

здешний мир... Горнего мира жаждет душа моя, и иного, не здешнего, Царя желаю видеть. А вас молю — положите убогое тело мое в назначенной гробнице.

Прошло несколько дней, и блаженный действительно уже возлежал на смертном одре в честной обители... Протекли еще девять дней... На десятый день Феозва, дети, внуки и все домочадцы, со скорбию в сердце заметив приближающуюся кончину блаженного, окружили одр его. Тихо, затаив дыхание и подавив слезы, чтобы не обеспокоить больного, они лишь скорбно взирали на него, как бы желая насладиться его лицезрением. Обведя всех взглядом, светившимся нежнейшей любовью, блаженный заговорил с ними «сладким и тихим гласом»:

— Чада, Царь зовет меня. Сегодня я пойду к Нему.

Приняв эти слова, как признак ослабевшего сознания, дети ответили ему:

— Как тебе, дорогой, идти к царю? Ты так ослаб.

— Вот уже предстоят те, кто возьмут меня и поставят пред Царем моим.

И все поняли, что настала последняя минута.

Кто может изобразить, что чувствует любящее сердце в ту минуту, когда вдруг, как бы по безмолвному согласию, все окружающие болезненный одр беззаветно любимого человека поймут, что надежды уже нет, что еще немного — и пред ними будет лежать с крепко сомкнутыми устами и угасшим взором безжизненное тело, и не раздастся уже знакомый ласковый голос, и не услышат более ни любящего совета, ни утешения? Феозва издала пронзительный стон и упала на руки зарыдавших детей... Неудержимый плач охватил всех. Напрасно блаженный слабым движением руки старался успокоить и прекратить рыдания.

— Дорогие чада,— заговорил блаженный, лишь только стихли рыдания,— вы знаете всю жизнь мою... Не ленив я был, но — в трудех от юности моея. Я не ел хлеб свой даром. Господь наделил меня богатством, но я избежал гордыни и возлюбил смирение, помня заповедь апостола, который запрещает богатым на земле «высокомудрствовати». А когда посетила нищета дом мой, вы знаете — не скорбел я о потере богатства, но вместе с праведным Иовом возблагодарил Господа, по неизреченной любви Своей пославшего мне испытание. Но Господь не забыл нас: от убожества Он вознес нас на царственную высоту... Знаете вы, что и здесь, среди почестей и богатства, я сохранил в сердце моем «нижайшую смирения глубину»... Не скрыл я и богатства своего, но руками убогих возвратил его Царю Небесному... Не ради похвалы себе говорю это, нет! Все наше — Божие, и без помощи Бо-

жией мы бессильны совершить что-либо доброе. Но, возлюбленные, молю и прошу вас — подражайте данному вам примеру. Дай вам Бог и больше моего совершить во славу Богу, да большего блаженства сподобитесь... Главнее всего — не привязывайтесь сердцем к скоротекущему богатству, не жалейте его — посылайте его туда, куда я отхожу теперь. Будьте гостеприимны, не забывайте вдов и сирот, навещайте больных и заключенных в темницах... Не отчуждайтесь — Боже сохрани вас от этого! — не отчуждайтесь от Церкви Божией... Боже вас сохрани — воспользоваться чем-нибудь чужим или обидеть кого-нибудь... Избегайте злословия... Кто злословит — это знак, что сердце его пусто, что в нем нет христианской любви...

Не радуйтесь скорбям и бедствиям даже врагов, но молитесь о них... Старайтесь о погребении бесприютных и поминайте их на молитве в храмах Бо-

жиих и в числе их помяните и меня, недостойного...

Голос блаженного слабел. При последних словах слеза скатилась из глаз его. Точно оцепенев, безмолвно окружали одр его жена и дети.

После минуты молчания умирающий остановил взор свой на старшем сыне Иоанне.

— Подведи ко мне сыновей твоих, моих внуков...

Блаженный пытался было поднять руку и возложить ее на голову старшего внука. Юноша, зарыдав, пал на колена. Коснувшись его головы, умирающий произнес:

— Ты найдешь себе добрую супругу, хотя и из далекой страны, и счастливо и благочестно проживешь с ней жизнь свою...

Второму внуку сказал:

— А ты, дорогой мой, в течение двадцати четырех лет в чине инока доб-

ре понесешь иго Христово и, угодивши Господу, отыдеши к Нему.

Все изумились словам старца, и более всех — юноша. Дед открыл его тайные думы...

Под конец, благословив третьего внука, блаженный и ему предрек грядущее.

Между тем силы его на глазах у всех упадали. Ясный взор по временам тускнел. В печальной храмине царила глубокая тишина.

Тогда робкими шагами приблизились к одру деда стоявшие в отдалении две внучки его и, опустившись на колена, тихо сказали:

— Благослови и нас, отче!

Блаженный открыл очи... Луч привета и бесконечной ласки мелькнул во взоре. Едва слышным голосом, но с бесконечной, проникающей в сердце, любовью дед сказал внучкам:

— Благословени и вы Господу будете... Вы сохраните чистоту девства и

после недолгой, но Богу угодной жизни предстанете небесному Жениху, Который наградит вас вечным блаженством.

Внучки тихо отошли от одра умирающего.

Блаженный лежал недвижимо. Никто не смел нарушить торжественной тишины... Вдруг лицо его просияло, точно озарившись неземным светом. Очи снова открылись, но — как бы устремленные в иной, незримый мир... Из уст послышались слова молитвы...

Феозва с невыразимым волнением услышала свое имя — в последний уже раз...

Блаженный молился о ней, о детях, о всем мире...

И снова — неизобразимая тишина...

— Милость и суд воспою Тебе, Господи! — вдруг послышался голос, точно голос из того таинственного мира, откуда нет отзвука...

Все невольно вздрогнули... То были неописуемые минуты для всех окружавших одр.

Точно прохладное дуновение пронеслось в храмине, и разлилось чудное благоухание...

— Отче наш, Иже еси на небесех... Да святится имя Твое... Да приидет царствие Твое... Да будет воля Твоя...

И вдруг, с непостижимой силой, умирающий, приподнявшись на одре, точно устремился вверх, простирая руки... Затем, тихо опускаясь на одр и выпрямляясь всем телом, предал дух свой Господу.

Окружающие смертный одр долго не могли прийти в себя. Очи всех устремлены были на почившего. Как живой, лежал он пред ними,— неизъяснимая красота светилась в чертах его лица, как бы отблеск небесного блаженства...

Император и императрица, внучка блаженного, получив известие о кончине

его, немедленно явились в сопровождении всего двора в обитель. Императрица устремилась к одру, на котором лежал почивший, и, громко зарыдав, целовала лицо и руки святого деда, обливая слезами. Супруг последовал ее примеру. Все были глубоко, до слез тронуты горем царственной четы. Здесь же, при останках блаженного, император назначил огромную сумму денег для раздачи бедным в память великого благотворителя.

Прошло два дня, и потрясеся весь град — пышная столица Востока. Забыли обычные дела, забыли игры, ристания, забыли всю суету... «Яко мравия», волны народа окружили обитель, где происходило погребение блаженного. И было здесь много вельмож и богатых, но еще больше — нищих и убогих не только из столицы, но и из окрестных весей и местечек. «Храмлюще и ползающе» — вся эта убогая, часто бесприютная и голодная братия, хорошо понимая, что они

лишились не только благотворителя, но отца и друга, «до небес слезный вопль и рыдание испущаху». Слышались непритворные глубокие вздохи и стоны.

— Ох, Господи!.. Зачем Ты лишил нас отца и кормильца? Кто нас пожалеет? Кто накормит и оденет, кто позаботится о нас? Где нам найти приют и ласку?

— Умерших, брошенных на улицах, погребал и убирал своими руками...

— О, Господи, лучше бы нам раньше умереть, чем лишиться благодетеля и отца!

Непритворное горе народа потрясло всех. Император, поддерживая царственную супругу, едва сдерживал слезы. Одно чувство объединяло всех в одну семью...

Тело блаженного тихо несли к приготовленной гробнице. Вдруг раздался невыразимо страшный пронзительный вопль. Все вздрогнули и невольно ос-

тановились. С неестественной силой прорезав толпу, у самого одра с останками блаженного вдруг очутился бесноватый, хорошо всем известный в городе, Кавококос. И его навещал блаженный, кормя из своих рук. С страшно искаженными чертами безумного лица, с клубившейся пеной, он схватился за край одра и точно прирос к нему. Послышались отчаянные, бессмысленные вопли, точно лай или рев бешеных зверей. Несчастный, оторвавшись от одра, ринулся на землю в страшных судорожных движениях — и распростерся как мертвый. Еще мгновение, «и бысть человек здрав и воста, славя Бога»... Необычайное знамение потрясло всех. То было дивное указание свыше...

Честные останки блаженного благоговейно положены были в том самом месте, которое «сам еще жив сый избра себе».

«Тако ублажает Бог милостивого и в настоящем веце, якоже слышасте, и в будущем, якоже услышати имате».

12. ДИВНОЕ ВИДЕНИЕ

Прошло несколько часов после кончины блаженного. Родные и близкие предались глубокой скорби. Один из самых близких к блаженному друзей его возносил теплую молитву Господу в своей храмине и, окончив ее, погрузился в глубокую думу. Незаметно настали сумерки, а затем и мрак ночи... Вдруг трепет и ужас объял скорбную душу, и внезапно заблистал неизреченный свет, и небеса точно разверзлись над главою.

«И узрех,— так рассказывал потом удостоившийся дивного видения,— и узрех мужа некоего светла и белообразна, иже ми показа реку огненную, теку-

щую с таковым шумом и страхом, каковаго несть можно стерпети человеческому роду: обон же пол реки видех рай красен, доброзрачен, веселия и радости неизреченныя исполненный, благоухание же несказанное наполняше всю землю ону, и древеса превелика и красна, и многоплодна, колеблющася тихим ветром, и шум дивен творяща, и несть можно языку человеческому изглаголати благ оных, яже уготова Бог любящим Его. Тамо видех многое множество человек, в белыя одежды облеченных, радующихся, и плодами оными райскими сладце утешающихся; смотрящи же тамо прилежно, узрех единаго мужа,— иже бе Филарет, но аз не познах его — оболчена во одежду пресветлу, и на престоле злате посреде садов седяща, и от единыя страны бяху дети новопросвещеннии предстоящии ему, и свещи в руках держащии, от другия же страны множество нищих и убогих, белообразных сущих, и

тии друг друга угнетаху, хотяще кийждо их ближе к оному мужу приступити. И се некий явися тамо юноша, лицем светел, видом страшен, имый в руце своей жезл златый, егоже аз аще и со многим страхом и трепетом дерзнух вопросити, глаголя: "Господи, кто сей есть седяй на пресветлом престоле посреде тех светообразных мужей? Еда ли Авраам сей есть?" Отвеща ми светоносный юноша: "Се Филарет Амниатский есть, иже премногою своею к нищим любовию и милостынею, честным же и чистым своим житием, бысть вторый Авраам, и зде водворяется". Таже новый он Авраам, святый и праведный Филарет, воззрев на мя лицем светлым, нача мя к себе тихо звати, глаголя: "Чадо, прииди и ты семо, да сих же благ насладишися". Аз же отвещах: "Не могу, о преблаженне, дойти тамо, се бо огненная река возбраняет и устрашает мя, чрез нюже

путь узок, и мост неудобь преходим, и множество в ней палимых человек: боюся, да не и аз таможде впаду, и кто мя оттуда избавит?" Святый же рече: "Дерзай, и небоязненно иди, вси бо, иже зде, тем путем приидоша, и несть инаго пути разве сего; и ты убо, чадо, не устрашаяся, к нам прииди, аз же помогу ти".— И простер ко мне руку, призываше мя. Аз же, дерзновение прием, начах реку преходити без вреда, и егда к святаго руце приближихся и коснухся ея, абие видение оно сладчайшее взяся от мене, и, от сна воспрянух, восплаках же горько, и возрыдах, глаголющи в себе: "Како прейду реку оную страшную и в райское достигну селение?"»

Вот о каком дивном видении один из сродников блаженного Филарета «с клятвою» поведал всем, «да увемы, коея милости сподобляются от Бога творящии Бога ради милость с убогими».

13. ИСПОЛНЕНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЙ

Необычайная кончина святого Филарета, дивные знамения и видения, сопровождавшие ее, непритворная скорбь народа — все это, служа утешением близким, в то же время произвело на них неизгладимое впечатление. Правда, жена, дети и все домочадцы беззаветно любили и чтили главу дома, но лишь по кончине блаженного у них точно пелена спала с очей,— и лучезарный образ его вдруг заблистал пред ними, озаренный неземным величием и святостию... Нет надобности добавлять, что все наставления блаженного дети и близкие к нему постарались по возможности свято исполнять. И предсказания святого мужа исполнились со всеми во всей точности.

Феозва вскоре по кончине супруга удалилась в родную Амнию. Ее сердце

неудержимо влекло ее к тем местам, где каждый предмет живо напоминал ей одинаково дорогие — счастливые и несчастные годы и, главное, незабвенного мужа. Там она отдалась всецело делам благотворения, истощив все свои сокровища «на созидание и обновление церквей Божиих, даде же тем церквам служебныя святыя сосуды, и одежды, и вся украшения. Еще и монастыри тамо созда, и домы на приятие странных, и на упокоение нищих и болящих». Почувствовав приближение кончины, Феозва возвратилась в столицу и вскоре почила о Господе с миром. Честные останки ее были положены в одной гробнице с ее блаженным супругом.

Молитвами блаженных Филарета и достойной супруги его — «и нам милость получити в день суда да подаст един щедрый и милостивый Господь наш Иисус Христос, Ему же со безначальным Его Отцем и Святым Духом подо-

бает честь и слава во веки веков. Аминь».

14. ИЗ ДНЕВНИКОВ ОТЦА ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Поведая о великих подвигах блаженного благотворителя, как удержаться от попытки дать хотя бы слабое понятие о внутреннем мире души его, об одушевлявших его святых чувствах?

Но если от избытка сердца уста говорят, кто ж может сделать это? Без сомнения — только тот может истолковать нам святые чувства, одушевляющие христианского благотворителя, кто сам не чужд «святой милостыни».

К нашему счастью, среди нас, в наше время, жил великий подвижник дел милосердия, которого слово было живым делом и дело отображалось в слове.

Приводим здесь выдержки из его дневников, тем более для нас ценные, что они писаны в наше время, именно для нас, его современников, причем автор, конечно, имел в виду и обстоятельства нашего времени. Читатели уже догадываются, что мы говорим об отце Иоанне Кронштадтском.

«Смотря на мир Божий, я везде вижу необыкновенную щедрость Божию в дарах природы; поверхность земли — это как бы богатейшая трапеза, приготовленная в изобилии и разнообразии самым любящим и щедрым хозяином; недра вод также служат насыщению человека. Что говорить о животных четвероногих и птицах? И здесь сколько щедрости в доставлении пищи и одежды человеку! Щедротам Господним нет числа. Смотрите, чего не доставляет земля летом и осенью! Так всякий христианин подражай щедротам Господа, да будет трапеза твоя открыта всякому, как

трапеза Господня. Скупой — враг Господа».

«Посмотри на муравьев, как они дружны; посмотри на пчел, как они дружны, посмотри на стаи голубей, как они дружны, посмотри на стадо овец и вообще рогатого скота, как они дружны. Подумай, как даже ревностно они охраняют друг друга, помогают друг другу, любят друг друга,— и устыдись бессловесных ты, не живущий в любви, убегающий от того, чтобы носить тяготы других!»

«Что такое души человеческие? Это одна и та же душа или одно и то же дыхание Божие, которое вдохнул Бог в Адама, которое от Адама и доселе распространяется на весь род человеческий. Все люди поэтому все равно что один человек или одно великое древо человечества. Отсюда заповедь самая естественная, основанная на единстве нашей природы: *возлюбиши Господа Бога*

твоего (первообраз отца твоего) *всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всею мыслию твоею, и всею крепостию твоею, и ближнего твоего, яко сам себе*. Естественная необходимость исполнять эти две заповеди».

«Все люди — дыхание и творение единого Бога, от Бога произошли и к Богу возвращаются, как к своему началу: плоть возвратится в землю, якоже бе, а дух возвратится к Богу, Иже даде его. Как дыхание единого Бога и как происшедшие от одного человека, люди должны естественно жить во взаимной любви и взаимосохранении и не должны отделяться друг от друга самолюбием, гордостию, злобою, завистию, скупостию, необщительностию нрава, да вси едино будут».

«Пользуйтесь Моими дарами не особо, не как самолюбцы, а как дети Мои, у коих должно быть все общее, не жалея предлагать другим даром плодов Моих,

дел рук Моих, памятуя, что Я даю вам их даром, по отеческой Моей благости и щедротам человеколюбия. Так бывает в семействе. Когда отец, или мать, или брат принесут гостинцев, то отец одаривает ими всех детей своих, или брат своих братьев, и если дети, братья и сестры, все живут во взаимной любви, то они не почитают себя довольными и счастливыми, если отец или брат обнес кого-либо из них гостинцами и не дал того хотя одному из них, что дал другим. А отчего? Оттого, что они по взаимной любви чувствуют себя одним телом, оттого, что все они как один, одно лицо. Так поступай и каждый из вас. А Я знаю, как наградить вас за любовь, столь Мне приятную. Если Я ущедряю *(человеку некоему богату угобзися* нива)*, то не ущедрю ли истинных чад Моих, для которых Я собственно и предназначил все Мои щедроты? Ей, ущедрю! *Ущедрю егоже аще щедрю!*»

---

* *Угобзити* — обогатить, утучнить.— *Ред.*

«Нелюбовь, вражда или ненависть не должны быть известны между христианами даже по имени. Разве может быть нелюбовь между христианами? Везде ты видишь любовь, везде обоняешь благоухание любви. Бог наш — Бог любви; Царство Его — царство любви; из любви к нам Он не пощадил для нас Сына Своего единородного и на смерть предал Его за нас. Дома ты видишь любовь на домашних (потому что они запечатлены в крещении и миропомазании крестом любви и носят крест, вкушают с тобою в церкви вечерю любви). В церкви везде символы любви: кресты, крестные знамения, святые, угодившие любовью к Богу и ближним, и Сама воплощенная Любовь. На небе и на земле везде любовь. Она покоит и услаждает сердце, как Бог, тогда как вражда убивает душу и тело. И ты всегда и везде обнаруживай любовь! Еще ли ты будешь не любить, когда везде ты слышишь пропо-

ведь о любви, когда только человекоубийца диавол есть вражда вечная!»

«Христос, Сын Божий, святейший Бог *не стыдится братиею нарицати* нас, грешников, и ты не стыдись назвать братьями и сестрами по крайней мере бедных и незнатных, простых людей, родственников по плоти или не родственников, и не гордись пред ними, не презирай их, не стыдись их, ибо мы все действительно во Христе братья, все отрождены водою и духом в купели крещения и стали чадами Божиими: все нарицаемся христианами, все питаемся плотию и кровию Сына Божия, Спаса мира, над всеми нами совершаются таинства церковные, все мы на молитве Господней молимся: *Отче наш*... и равно все называем Бога своим Отцом. Мы не знаем другого родства, кроме духовного, всевысочайшего, вечного, которое даровал нам Владыка живота, Творец и Обновитель нашего естества, Иисус

Христос, ибо это одно родство есть истинное, святое, пребывающее, земное же родство неверно, изменчиво, непостоянно, временно, тленно, как тленна и кровь наша. Итак, обращайся просто с человеками, как равный с равными, и ни пред кем не превозносись, а, напротив, смиряйся, *ибо всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*. Не говори: я образован, а он или она — нет, он или она простой, необразованный мужик или мужичка; дара Божия, данного тебе, недостойному, не обращай в повод к гордости, а к смирению, ибо *кому дано много, с того много взыщется, а кому дано мало, с того мало и спросят*. Не говори: я благороден, а он низкого рода,— земное благородство без благородства веры и добродетели пустое имя. Что в моем благородстве, когда я такой же грешник, как и другие, или еще хуже?»

«О, если бы наши сладкие брашна и питья были всегда выражением сладкой

любви нашей друг к другу, так, чтобы сердца наши услаждала взаимная любовь, как услаждают нас брашна! О, как сладостна Твоя любовь, Господи, явленная в столь многих и разнообразных дарах и благодеяниях земных, и паче всего в сладости словес Твоих и в сладости божественных Твоих Таин, Тела и Крови Твоей! Какова же будет сладость будущего века? — Господи, просвети сердца наши!»

«Что сделал для нас, ничтожных, неблагодарных и злонравных, Владыка живота нашего? С небес сошел, в нашу плоть облекся, чудеса многоразличные сотворил, пострадал, кровь всю излиял, умер, во ад сошел, сатану связал, ад разорил, узников ада связанных разрешил и на небеса возвел, из мертвых воскрес, да нас воскресит с Собою. Исполним Его завещание предсмертное: да любим друг друга! Господи, помоги!»

«Бог Сына Своего Единородного не пощадил для человека,— чего после этого мы пожалеем для ближнего: пищи ли, пития ли, одежды ли для его одеяния, денег ли на его различные нужды? Одним много, другим мало дает Господь для того, чтобы мы промышляли друг о друге. Так устроил Господь, что если мы щедрыми дарами Его благости охотно делимся с другими, то они служат в пользу души и тела, раскрывая наши сердца для любви к ближним, а умеренностию употребления их служа и в пользу тела, которое не пресыщается и не обременяется ими. А если мы самолюбиво, скупо и с жадностью употребляем только сами и жалеем их для других, то они обращаются во вред душе и телу, нам самим: во вред душе, потому что жадность и скупость закрывают сердце для любви к Богу и ближнему и делают нас отвратительными самолюбцами, усиливая в нас все страсти; во

вред телу потому, что жадность производит в нас пресыщение и расстраивает преждевременно наше здоровье».

«Помни Любовь, положившую жизнь Свою за людей,— и ничего не жалей для ближнего: ни пищи, ни питья, ни одежды, ни книг, ни денег, если он в них нуждается. Господь за него воздаст тебе. Мы все его дети, и Он — всё для нас... не жалей и самой жизни своей для брата!»

«Мы образ Божий, а Бог есть любовь. Будем же жить в любви, поревнуем о ней всеми силами. Господи, помоги! А земное все, все снеди, одежды, деньги сочтем за сор и не станем из-за сору прогневлять Господа, угрызая друг друга, враждуя друг на друга. Господа ли продадим за снеди, за деньги? Что-либо одно: или Бог или плоть. Двух богов признавать нельзя, двум служить нельзя».

«Наша жизнь есть любовь,— да, любовь! *А где любовь, там и Бог, а*

где Бог, там все добро. Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Итак, с радостию всех питай и услаждай, с радостию всем угождай и надейся во всем на Отца Небесного, Отца щедрот и Бога всякого утешения. Приноси в жертву любви к ближнему то, что дорого тебе. Приноси своего Исаака, свое сердце многострастное в жертву Богу, закалай его своим произволением, распинай плоть со страстьми и похотями. Все получил от Бога, будь готов и отдать все Богу, чтобы, быв верен в малом Господу своему, ты был поставлен потом над многим. *О мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю.* Считай за мечту все страсти, как я дознал это тысячекратно. Аминь!»

«Чрез какую трубочку диавол высасывает нашу любовь к Богу и ближнему? Чрез пристрастие к богатству, к пище, к питью, лакомству, одежде, к до-

мам, к мебели, к посуде богатой, к книгам и тому подобному. Поэтому-то богатство, сладости пищи и питья, красота одежд, домов, мебели, посуды — должно быть у христианина в пренебрежении, и первейшею его заботою в жизни должно быть угождение Богу и ближнему во благое к созиданию. О, как мудр должен быть христианин в жизни! Он должен подобиться многоочитому херувиму — быть весь оком, весь и размышлением непрестанным, кроме случаев, в которых требуется неразмышляющая вера».

«Один дух должны мы быть с Господом — дух святыни, дух любви, благости, кротости, долготерпения, милосердия. Кто не имеет этого духа в себе, тот не Божий. Итак, я должен быть любовь, единая любовь, всех считать за одно. *Да вси едино будут!* Буди, Господи, помоги!»

«Злой и гордый человек готов видеть в других только гордость и злобу и рад,

если о ком-либо из его знакомых, особенно счастливо, богато живущих, но не близких к нему душевно, говорят другие худо, и, чем хуже, тем более радуется, что другие худы, а он совершенство перед ними, и готов видеть в них только одно зло и сравнивать их с бесами. О, злоба! О, гордыня! О, отсутствие любви! Нет, ты отыщи и в злом человеке что-либо доброе и порадуйся об этом добре и с радостию говори об его добрых качествах. Нет человека, в котором бы не было хотя какого-нибудь добра; зло же, в нем находящееся, покрывай любовью и молись за него Богу, чтобы Бог лукавые благи сотворил благостию Своею. Не будь сам злою бездною!»

«Люби всякого человека, несмотря на его грехопадения. Грехи грехами, а основа-то в человеке одна — образ Божий. Другие — со слабостями, бросающимися в глаза, злобны, горды, завистливы, скупы, сребролюбивы, жадны, да и ты

не без зла, может быть, даже в тебе его больше, чем в других. По крайней мере в отношении грехов люди равны: *вси*, сказано, *согрешиша и лишени суть славы Божией*, все повинны перед Богом и все равно нуждаемся в Божием к нам милосердии. Потому, любя друг друга, надо терпеть друг друга и оставлять, прощать другим их погрешности против нас, чтобы и *Отец наш небесный простил нам согрешения наши*. Итак, всею душою чти и люби в каждом человеке образ Божий, не обращая внимания на его грехи. Бог един свят и безгрешен. А смотри, как Он нас любит, что Он для нас сотворил и творит, наказуя милостиво и милуя щедро и благостно! Еще почитай человека, несмотря на его грехи, потому что он всегда может исправиться».

«Всё мечта, кроме любви истинной. Холодно обошелся брат, невежливо, дерзко, злобно — говори: это — мечта диа-

вола; чувство вражды тревожит тебя из-за холодности и дерзости брата, говори: это — мечта моя; а вот истина: я люблю брата, несмотря ни на что, я не хочу видеть в нем зла, которое есть мечта бесовская в нем и которое есть и во мне: в нас одна греховная природа.— Грехи, говоришь, есть в брате, и большие недостатки. В тебе есть тоже. Не люблю его, говоришь, за такие и такие недостатки. Не люби и себя: ибо те же самые недостатки, какие в нем, есть и в тебе. Но помни, что есть Агнец Божий, Который приял на Себя грехи всего мира. Кто же ты, осуждающий ближнего за грехи, за недостатки, за пороки? Всякий своему Господеви стоит или падает. Но тебе, по любви христианской, надо всячески снисходить к недостаткам ближнего, надо врачевать его зло, его немощь сердечную (всякая холодность, всякая страсть есть немощь) любовью, ласкою, и кротостию, смирением, как этого же-

лаешь себе от других сам, когда бываешь в подобной ему немощи. Ибо с кем всяческие немощи не бывают?»

«Когда подаешь просящему, и сердце твое пожалеет для него поданной милостыни,— покайся в этом, ибо нам божественная любовь подает блага свои, тогда как мы имеем их и без того довольно. Любовь к ближнему должна так говорить в себе: хотя он и имеет, но не худо, если я увеличу его благосостояние (а сказать правду, одна или две-три копейки не очень-то увеличат и поправят его благосостояние). Мне подает Бог, почему же мне не подать нуждающемуся? Говорю: нуждающемуся, ибо кто станет протягивать руку без нужды? Если бы ты сам только по заслугам получал от Бога дары Его благости, то, быть может, должен был бы ходить нищим. К тебе Бог щедр не по заслугам, да и ты сам хочешь, чтобы Он был щедр. Как же ты

не хочешь быть щедрым к братиям своим, имея избытки?»

«Все неправды человеческие предоставь Господу, ибо Бог Судия есть; а сам люби прилежно от чистого сердца всякого, да помни, что ты сам великий грешник и нуждаешься в милости Божией. А чтобы заслужить милость Божию, надо всячески миловать других. Буди! Буди! Все для всех Господь: и Судия, и щедрый Податель даров, и милость, и очищение грехов, и свет, и мир, и радость, и крепость сердца».

«Все жертвы и милости нищим не заменят любви к ближнему, если нет ее в сердце; потому, при подаянии милостыни, всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них. Самое слово *милостыня* показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца, и подаваема с умилением или сожалением о бед-

ственном состоянии нищего, и с умилением или сокрушением о своих грехах, в очищении которых подается милостыня: *милостыня*, по Писанию, *очищает всяк грех*. Кто подает милостыню неохотно и с досадою, скупо, тот не познал своих грехов, не познал самого себя. Милостыня есть благодеяние прежде всех тому, кто ее подает».

«Милостыня есть семя; если желаешь, чтобы она принесла добрый и сторичный плод, сделай это семя добрым, подавая в простоте и от доброго, милостивого, сострадательного сердца, да будь уверен, что не столько теряешь, или, лучше, нисколько не теряешь, а приобретаешь бесконечно больше чрез тленную милостыню, если подаешь от доброго сердца, с верою в Мздовоздаятеля, а не из корыстных или себялюбивых видов. *Мне*, вашему Господу, *сотвористе, сотворив милость единому сих братий Моих меньших*».

«Благотвори бедному доброхотно, без мнительности, сомнения и мелочной пытливости, памятуя, что ты в лице бедного благотворишь Самому Христу, по писанному: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе*. Знай, что милостыня твоя всегда ничтожна в сравнении с человеком, этим чадом Божиим; знай, что твоя милостыня есть земля и прах; знай, что с вещественною милостию непременно должна об руку следовать духовная: ласковое, братское, с чистосердечною любовию обращение с ближним; не давай ему заметить, что ты одолжаешь его, не покажи гордого вида. *Подавай*, сказано, *в простоте, милуяй с добрым изволением*. Смотри же, не отнимай цены у своей милостыни вещественной чрез неоказание духовной. Знай, что Владыка на суде и добрые дела будет испытывать. Помни, что́ для человека небо и земля, ибо ему *соблюдается наследие*

нетленное на небесах! Для человека Бог Отец Сына Своего единородного не пощадил, но за него отдал на смерть. Диавол, по нашему лукавству, запинает нас в добрых делах наших».

«Радуйся всякому случаю оказать ласку ближнему, как истинный христианин, усиливающийся стяжать как можно более добрых дел, особенно сокровищ любви. Не радуйся, когда тебе оказывают ласку и любовь, считая себя по справедливости недостойным того; но радуйся, когда тебе предстоит случай оказать любовь. Оказывай любовь просто, без всякого уклонения в помышления лукавства, без мелочных житейских корыстных расчетов, памятуя, что любовь есть Сам Бог».

«Любовь к Богу тогда начинает в нас проявляться и действовать, когда мы начинаем любить ближнего, как себя, и не щадить ни себя и ничего своего для него, как образа Божия; когда стараемся

служить ему во спасение всем, чем можем; когда отказываемся, ради угождения Богу, от угождения своему чреву, своему зрению плотскому, от угождения своему плотскому разуму, не покоряющемуся разуму Божию. Не любяй брата своего, его же виде, Бога, *Его же не виде, како может любити?*»

«Каждый день просят у тебя милостыни, и давай каждый день охотно, без озлобления, грубости и ропота: ты не свое, а Божие даешь Божиим чадам крестоносным, едва имеющим где главу подклонити; ты приставник Божия достояния, ты слуга вседневный меньшей братии Христовой, исполняй дело свое с кротостию и смирением, не скучай им. Христу Судии и Мздовоздаятелю служишь: великая честь, высокое достоинство! С радостию твори дела добрые! Щедро вознаграждаются твои труды,— будь щедр к другим сам. Не по заслугам

вознаграждаются, не по заслугам и другим давай, а ради их нужды».

«Будьте внимательны к себе, когда бедный человек, нуждающийся в помощи, будет просить вас об ней: враг постарается в это время обдать сердце ваше холодом, равнодушием и даже пренебрежением к нуждающемуся; преодолейте в себе эти нехристианские и нечеловеческие расположения, возбудите в сердце своем сострадательную любовь к подобному вам во всем человеку, к этому члену Христову и вашему собственному — *зане есмы друг другу удове*,— к этому храму Духа Святого, чтобы и Христос Бог возлюбил вас; о чем ни попросит вас нуждающийся, по силе исполните его просьбу. *Просящему у тебе дай, хотящего у тебе заняти не отврати*».

«Господи! Научи меня подавать милостыню охотно, с ласкою, с радостию, и верить, что, подавая ее, я не теряю, что

подаю. Отврати очи мои от людей с жестоким сердцем, которые не сочувствуют бедным, равнодушно встречаются с нищетою, осуждают, укоряют, клеймят ее позорными именами и расслабляют мое сердце, чтоб не делать добра, чтоб ожесточить и меня против нищеты. О, Господи мой! Как много встречается таких людей! Господи, исправь дело милостыни!.. Господи, приемли Сам милостыню в лице нищих Твоих людей».

«Жадный, алчный скупец! Деньги ли, хлеб ли тебе дали жизнь? Не Бог ли? Не Слово ли Его дало бытие и жизнь тебе и всем прочим тварям? Не Сын ли Божий *носит всяческая глаголом силы Своея*? Одними ли деньгами и хлебом, водою и вином поддерживается жизнь твоя? Не о всяком ли глаголе, исходящем из уст Божиих, жив бывает человек? Не прах ли деньги и хлеб? Не всего ли меньше нам нужно хлеба для поддержания жизни своей? Все Словом

сотворено и держится. Слово — источник жизни и хранение ее!»

«Что мне нужно? Ничего мне на земле не нужно, кроме самого необходимого. Что мне нужно? Мне нужен Господь, нужна благодать Его, царствие Его во мне. На земле, месте моего странствования, моего временного обучения, нет ничего собственного моего, все Божие, и все временно, назначено к временным мне услугам; избытки мои — достояние ближних неимеющих. Что мне нужно? Мне нужна истинная, христианская, живучая, деятельная любовь, нужно любящее, жалеющее ближних сердце, нужна радость о их довольстве и благополучии, скорбь о их скорбях и болезнях, о их грехах, слабостях, беспорядках, недостатках, несчастиях, бедности; нужно сочувствие теплое, искреннее во всех обстоятельствах их жизни, радость с радующимися и плач с плачущими. Полно давать место самолюбию, эгоизму,

стараться жить только для себя, и привлекать все только к себе: и богатство, и сласти, и славу мира сего, и не жить, а умирать, не радоваться, а страдать, нося в себе яд самолюбия, ибо самолюбие есть непрестанно подливаемый в наше сердце велиаром яд. О, да воскликну с Псалмопевцем: *что ми есть на небеси, и от Тебе что восхотех на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во век*. Господи, Свидетелю сердца моего, движений его и сих строк! Даждь мне сие просимое у Тебе! От меня сие невозможно, *но вся возможна суть у Тебе*. Даждь мне истинную жизнь, рассей мрак страстей, прожени силою Твоею силу их!»

«Не на груды денег надейся, а на Бога, неусыпно пекущегося о всех и наипаче о разумных и словесных тварях Своих, и в особенности о живущих благочестиво. Веруй, что не оскудеет рука

Его, наипаче для творящих милостыню, ибо человеку щедрее Бога не быть. Этому доказательством служит твоя собственная жизнь и жизнь всех прежде бывших людей, подававших милостыню. Да будет один Бог сокровищем сердца твоего! К Нему прилепись всецело, как созданный по образу и подобию Его, и беги от тли земной, непрестанно тлящей души и тела наши. Поспешай к жизни непреходящей, к жизни, нестареющейся в бесконечные веки; влеки туда и всех, сколько есть сил».

«Благо во всех отношениях — подавать нищим: кроме помилования на Страшном суде и здесь, на земле, милостынодавцы получают часто великие милости от ближних, и что другим достается за большие деньги, то им дают даром. В самом деле, человеколюбивейший, праведнейший и прещедрый Отец небесный, чад Коего милуют милостивые, не наградит ли их и здесь, в поощ-

рение их к большим делам или хотя к продолжению тех же дел милосердия и к исправлению немилостивых, посмевающихся милостивым? Наградит и достойно и праведно!»

«Боже мой! Как любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего услаждает наше сердце! Кто опишет это блаженство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других и моей любви к другим? Это неописанно! Если здесь, на земле, взаимная любовь так услаждает нас, то какою сладостию любви будем мы преисполнены на небесах, в сожительстве с Богом, с Богоматерию, с небесными силами, с святыми Божиими человеками?! Кто может вообразить и описать это блаженство, и чем временным земным мы не должны пожертвовать для получения такого неизреченного блаженства небесной любви? Боже, имя Тебе — Любовь! Научи Ты меня истинной любви, как смерть крепкой.

Вот я преизобильно вкусил сладости ее от общения в духе веры, яже в Тя, с верными рабами и рабынями Твоими, и преизобильно умиротворен и оживотворен ею. Утверди, Боже, сие, еже соделал еси во мне. О! если бы это так было во вся дни! Даруй мне чаще иметь общение веры и любви с верными рабами Твоими, с храмами Твоими, с Церковию Твоею, с членами Твоими!»

«Если будешь иметь христианскую любовь к ближним, то будет любить тебя все небо; если будешь иметь единение духа с ближними, то будешь иметь единение с Богом и со всеми небожителями; будешь милостив к ближним, и к тебе будет милостив Бог, равно и все ангелы и святые; будешь молиться за других, и за тебя все небо будет ходатайствовать. Свят Господь Бог наш, и ты будь таков же!»

«Даждь мне, Господи, любити всякого ближнего моего, как себя, всегда, и ни

из-за чего на него не озлобляться и не работать диаволу. Даждь мне распять мое самолюбие, гордость, любостяжание, маловерие и прочие страсти. Да будет нам имя: взаимная любовь, да веруем и уповаем, что для всех нас все Господь; да не печемся, не беспокоимся ни о чем; да будешь Ты, Боже наш, единым Богом сердца нашего и кроме Тебя ничто! Да будем мы между собою в единении любви, якоже подобает, и все разделяющее нас друг от друга и от любви отлучающее да будет у нас в презрении, как прах, попираемый ногами. Буди! Буди! Если Бог даровал Самого Себя нам, если Он в нас пребывает и мы в Нем, по неложному слову Его, то чего Он не даст мне? Чего пощадит, чего лишит, в чем покинет? *Господь пасет мя и ничтоже мя лишит. С Ним како не вся нам дарствует?* Итак, будь премного покойна, душа моя,

и ничего не знай, кроме любви. *Сия заповедую вам: да любите друг друга*».

Вот — воистину гимн во славу христианской любви, то возносящийся к небесам, то нисходящий до глубоких тайников сердца, то грозный и обличительный, то трогательно нежный и весь проникнутый горячей любовью к бедным и страждущим!

Филарет Милостивый на Святой Руси

Читатели уже ознакомились с жизнью и подвигами величайшего христианского благотворителя. По сердцу пришлось русскому православному человеку это дивное повествование. Твердо на память знают его и дословно пересказывают друг другу даже безграмотные простецы деревенские. Но, вероятно, немногие знают, что у нас, на святой Руси, был свой Филарет Милостивый, дивным промышлением Божиим также внезапно вознесенный на царственную высоту: бедный дворянин и пахарь, он удостоился быть тестем родоначальника царей наших — великого государя царя Михаила Феодоровича. Этот избранник

Божий был Лукиан Степанович Стрешнев*.

«Восстановитель России, царь Михаил Феодорович, оплакав потерю своей супруги, царицы Марии Владимировны, из рода князей Долгоруких, обязан был вступить во второй брак. Общее благо и со оным всегда согласное желание мудрой матери его, Марфы Ивановны, того требовали. Итак, по обычаю тех времен, призваны были ко двору, к матери царя, шестьдесят девиц из первостатейных княжеских и боярских родов. Быв щедро пожалованы богатыми царскими дарами, они остановились на несколько дней в покоях у матери государя, и каждая девица имела при себе подругу для собеседования.

---

* Сведения о Лукиане Степановиче Стрешневе найдены в одном сборнике XVIII столетия покойным архимандритом Леонидом. Рассказ его, согретый сердечной теплотою, лучше всего познакомит нас с судьбой этого глубоко симпатичного человека древней Руси.

По тогдашнему обычаю, царь вместе с родительницею своею в назначенный час пошел в покои знатных девиц избрать себе невесту, но ни которая из них не тронула его сердца. Потом, также вместе с родительницею своею, пошел он видеть собеседниц их. Одна из них поражает красотою очи царские. Прелестные черты лица ее, коим кротость, с некиим унынием соединенная, придавала волшебную силу, была явным изображением сущей добродетели, а самая цветущая юность оживляла ее стройный стан и величавую осанку. Словом, красавица была совершенный ангел. При первом на нее взгляде государь остановился, посмотрел на нее пристально и в задумчивости вышел из покоя. Он не скрыл своего чувствования от царицы матери своей. В то же время приказано было узнать о роде и племени прекрасной девицы. Немедленно доносят государю и государыне, родительнице его, что деви-

ца сия, по имени Евдокия, дочь бедного можайского дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева, что она осиротела еще в пеленках, лишилась матери своей вскоре по рождении своем; что отец ее, отправляясь на службу ратную в смутные времена, отдал ее на воспитание дальней своей родственнице, знатной боярыне, с дочерью которой она и приехала ко двору. При сем объяснении упомянуто было и о том, что Евдокия Лукьяновна Стрешнева живет под игом жестокого своенравия гордых своих родственников; что она всем от них обижена и редкий день проходит, чтобы она не обливалась слезами; но что она скромная и добродетельная девица, что никто не токмо не слыхал от нее жалоб, даже недовольного взгляда от нее не видел.

Таковое о девице Стрешневой известие проникло болезненным состраданием сердце царево, уже любовию объятое. Невольный вздох вырвался из груди го-

сударевой, и он сам того не приметил, как произнес: «Несчастная... Но ты должна быть счастливою».

Матерь царя была недовольна сим выбором и с некоторым негодованием сказала сыну своему:

— Государь! Таковым избранием ты оскорбляешь бояр и князей, знаменитых своими и предков своих заслугами; дочери их, ежели тебе и не по нраву, то, по крайней мере, не менее Стрешневой добродетельны... А Стрешнев кто? Человек неизвестный!

— Он дворянин. Сего довольно,— ответил Михаил.— Одна только бедность отдаляет его от боярства. Скудную долю его я дополню щедростию.

— Из ничтожества ты возведешь на высокую степень... — отвечала мать государя.— Так. Но, не знав об его качествах, не слыхав ни от кого, какова его душа... Послушай меня, любезный сын мой, рассуди о твоем намерении!

— Не смею прекословить тебе, государыня,— сказал сын матери: — приказывай что угодно! Я все исполню по воле твоей. Наименуй мне невесту — с покорностию приму ее себе в супруги от руки твоей.

Потом, с некоторым смущением, запинаясь и робко продолжал:

— Не отваживаюсь произнесть пред тобою, государыня, одно, одно только слово о несчастной!.. Она в сиротстве, без покрова, угнетена своими родственниками и, может быть, погибнет в бедствии. И мы с тобою, родительница, такие были!.. Горька была нам участь наша. И мы так же, как она теперь, жили в сиротстве — без отца: он страдал в плену, без покрова, на нас устремлены были мечи наших гонителей. А кто учился терпению напастей в училище злополучия, тот, конечно, останется навсегда благотворителем ближнего. Кто страдал, тот умеет сострадать и готов на

всякую помощь. Мы спасены чудесным Промыслом Всевышнего. Может быть, Сам Вседержитель положил в сердце моем ее спасение... В ней, может быть, посылает Он благодетельницу народу моему... Может быть, на участь мою с нею есть воля Создателя нашего...— В глазах царя показались слезы.— Несчастная привлекла к себе все мысли и завладела моим покоем... Все уверяют меня, что она должна быть добродетельна...

Пораженная покорностию и чувствованием царя, сына своего, Марфа Ивановна не могла удержаться от слез: она прижала его к нежной материнской груди своей и, поцеловав, ответила ему:

— Сердце царево в руце Божией. Отныне девица Евдокия тебе невеста, а мне дочь: да будет над тобою и над нею Божие и мое благословение!

На другой же день поутру Евдокия Лукьяновна Стрешнева объявлена была всенародно невестою царя Михаила

Феодоровича. Бессмертный муж, патриарх Филарет, благословил царя на обручение с избранной его, и несметное многолюдство, теснившееся толпами на Красной площади, воскликнуло: «Многая лета отцу государю и с невестою его!»

Но каким несказанным удивлением поражена была девица Стрешнева! Она заснула вчера бедною, несчастною, столь несчастною, что и луч надежды в какой-либо отраде не озарял души ее, а сегодня пробуждается царскою невестою. Ей приносят цветные одежды, ей служат с благоговением, ее величают царевною, ее просят в покои царские, собственно для нее уготованные. Долго она не верила тому, что слышит. Наконец встает с беспокойного одра своего; чувства ее все в волнении: едва могла дрожащими ногами приблизиться к образу Богоматери, который всегда при себе имела. Пред ним упала она на землю, произнося слова

сии: «Царица Небесная! Ты призрела на смирение рабы Твоея!» Рыдание пресекло голос ее. В то самое время пришла к ней государыня, мать царя, и, быв тронута ее умилением, подняла ее, заключила в свои объятия, называла ее своею дочерью, и всемерно старалась успокоить душу ее, встревоженную различными чувствиями.

Раздался благовест к молебствию об избранной невесте по всему пространству столицы. Евдокия, облеченная в богатые одежды, препровождена была в великолепный царский чертог, где ожидали ее все бояре и вельможи для принесения ей поздравления. Дочери князей и бояр, приехавшие ко двору в одно время с нею, тут же находились. Когда подступили они к целованию руки ее, то она, не давая руки своей, с приветствием поцеловала каждую девицу; но последняя из них объята была трепетом: бледное лицо и потупленные глаза представ-

ляли в ней преступницу, раскаянием и страхом терзаемую; на всяком шагу она препиналась и вдруг, зарыдав, повергнулась к ногам Евдокии. «Государыня! — воскликнула она отчаянным голосом,— прости меня! я виновата пред тобою. Не припомни лихости моей!»

Кто же та была виновная, лежавшая у ног Евдокии? — Гордая, злонравная и жестокая родственница ее, которая вчера еще с презорством на нее взирала и не удостоивала ее посадить вместе с собою. Добродетельная Евдокия спешит поднять ее, обнимает ее и говорит ей своим нежным голосом: «Прости и меня, если я чем тебе досадила, а тебя Бог простит! Я помню твою хлеб и соль, я возросла у твоих родителей в доме». Потом, одарив ее, отпускает от себя милостиво.

Поступок сей, изображающий великодушие и милосердие царской невесты, удивил весь двор, принес радость цари-

це Марфе Ивановне и усугубил любовь венценосного жениха.

После торжественного обручения, совершенного великим патриархом Филаретом, отправлены были чиновники от царя к Лукьяну Степановичу Стрешневу в Можайский уезд, с богатыми дарами, с царскими для него повозками и с извещательною грамотою, что, по благости Божией, царь-государь избрал себе в супруги Евдокию Лукьяновну Стрешневу.

Чиновники, достигнув тех мест, где жил Стрешнев, осведомляются, где дом его; им показывают хижину, соломою покрытую. Они приходят к воротам. Слуга, вязавший борону, спрашивает: кого им надобно?

— Лукьяна Степановича Стрешнева,— отвечают послы.

— Его нет дома,— возразил слуга,— он в поле на работе.

— Проводи нас к нему,— сказали чиновники.

— Подождите немного,— отвечает слуга,— только что довяжу борону; без нее нельзя мне барину показаться.

Слуга весьма скоро окончил свое дело и поехал с бороною в поле к господину; за сим-то провожатым шли царские послы. Они приходят к ниве, которую пахал старец почтенного вида, в кафтане домашнего сурового холста. Слуга сказал им, указав на старца: «Вот мой барин!»

Благородный вид привлекал к нему уважение: белые, как пух, волосы и окладистая борода резко отделялись от густой тени кустов, близ которых Стрешнев пролагал новую по ниве борозду. Приближаясь к чиновникам с сохою, он обтер полотенцем пот с лица, а поравнявшись с ними, поклонился им и посмотрел на них не без удивления, не прерывая работы своей. Чиновники, подступая к нему с почтением, возвещают, что дочь его наречена царскою невес-

тою. Стрешнев не верит тому и, полагая то более за ошибку послов, говорит им: «Конечно, вы отправлены к кому-нибудь иному, а не ко мне. Нет ли другого Стрешнева, а меня зовут Лукьяном Стрешневым».

Послы представляют ему грамоту, на имя его писанную. Стрешнев в недоумении своем приемлет грамоту и ответствует: «Не смею прикоснуться, не будучи уверен в точной истине. Прошу пожаловать ко мне в дом, и там меня подождать; там мы разберем все дело, и вы изволите узнать, что я верно не тот, кого вам надобно. А теперь дозвольте мне допахать мою ниву, пока погода хороша, да и солнце уже на закате». Послы, однако же, убедили его принять от них грамоту. Стрешнев, прочитав оную, призадумался немного; потом, окинув взглядом ниву, приказывает слуге своему допахать и заборонить ее, а сам провожает послов в хижину свою. Пришед

туда, он полагает грамоту под образа и, отдав три земных поклона Подателю всех благ, воззвал к Нему, стоя на коленях: «Боже всесильный, из ничего свет создавший, возводяй меня от бедности к изобилию, сердце чисто и дух прав утверди во мне! Подкрепи меня десницею Твоею, да не развращуся посреди честей и богатства, Тобою мне, может быть, во искушение ниспосылаемых!»

После сей молитвы Стрешнев предложил чиновникам на вечернюю трапезу свой хлеб и соль и что Бог ему послал. После ужина, пожелав им покоя, оставил и занялся всем тем, что требовал от него скудный домашний обиход его. Потом лег спать на соломенный свой одр.

На другой день Стрешнев пошел в церковь, отслужил молебен, принял благословение от духовного отца своего, простился с соседями, как с братьями, искренно обрадованными благополучием

его, и, наделив их, чем мог, отбыл из бедного деревенского селения, из убогой хижины своей, в престольный град, в царские палаты.

По прибытии в Москву Лукьян Степанович встречен был во вратах столицы с великою почестию. Ему предшествовала царская рында, окольничие и бояре, стременные царские вели за повод коня его и шли вокруг него; стольники, воеводы и прочие сановные люди, назначенные по уряду, провожали его до Грановитой палаты. Сам государь вышел к нему за золотую решетку, на Красное крыльцо и, не допустив его поклониться себе в землю, повел его с собою в светлые терема, где дочь его вместе с царицею Марфою Ивановною ожидали пришествия их. Какова же должна быть встреча Лукьяна Степановича с дочерью своею, после долговременной разлуки и при столь внезапной перемене ее состояния!

Лукьян Степанович, воздав почтение матери государя, обратил взоры на дочь свою, близ нее стоящую. Евдокия, ощущая неизреченную радость, с некоею робостию соединенную, имела устремленные на отца очи, и не чувствовала, как слезы катились на высокую грудь ее, колеблемую биением сердца. Но, когда он сказал ей: «Здравствуй, дочь любезная!» — тогда поклонилась она ему в ноги и поцеловала его руку. Стрешнев, благоговея в присутствии государя, хранил при нем величественную твердость духа, и только что яркий румянец, выступивший на бледные старческие ланиты его, обнаруживал сильное движение скромного чадолюбия. Государь с Марфою Ивановною удалились.

Евдокия, будучи с отцом наедине, бросилась в объятия его, и почтенный старец сей, сколько ни крепился, но не мог не плакать. Евдокия говорила ему:

— Родитель мой, мне и на мысль не приходило, чтобы я могла быть царскою невестою.

— Дражайшая дочь! — отвечал ей отец ее,— Творец непостижим в делах Своих... Бог гордым лишь противится, но смиренным дает благодать. Он призывает тебя на важный подвиг. Почувствуй, однако, бремя, какое Создатель, промышляющий о человечестве, возлагает на тебя в новой твоей доле! Отныне ты должна разделять тяготу венца с государем, нареченным супругом твоим, который есть твое неоцененное сокровище, дражайшее жизни твоей. Государь — страж общего покоя; а ты должна соблюдать его спокойствие! От него зависит благоденствие народа, а в тебе да обретет он отраду и услаждение от трудов, скорбей и печалей, неминуемо сопряженных с человечеством и величеством царским! Отныне ты должна быть заступницею всех бедных, сирых и утес-

ненных, тем паче что ты сама была сира и убога. Ты должна быть ходатайцею за истину и невинность у супруга твоего. Ты должна умолять его о помиловании даже и впадших в прегрешение; ибо един токмо Бог без греха. Милосердие его да будет плодом твоих добродетелей. Пусть лучше в милостях, нежели в казнях, укорят его! И такая укоризна, превышающая многие похвалы, да будет тебе во славу и утешение! Твоим человеколюбием да приумножится к нему любовь общая! О, сколь много потребно душевных сил, чтобы совершить предлежащие тебе обязанности, обязанности священнейшие, царицы и благотворительницы своего народа!

Всемогущий Зиждитель царств и Податель им царей, помоги Своею силою небесною, да воззванная Тобою к царскому величию сирота со славою и честию прейдет знаменитое поприще жизни своей.

При сем слове Лукьян Степанович с сокрушенным сердцем начал молиться Богу, земно кланяясь, а помолясь, поцеловал дочь свою и оставил ее в глубоком размышлении.

Про прошествии месяца, совершено было бракосочетание государя Михаила Феодоровича с Евдокиею Лукьяновною Стрешневою. Милостями царя и царицы, излиянными на все царство, ознаменовано было брачное торжество сие.

Лукьяну Степановичу пожаловано боярство, поместья, и дом в Москве, и повелено ему заседать в большой Думе. Сей почтенный муж, быв на поклоне у государя, принес от себя царице, дочери своей, дары, им для нее сбереженные.

— Благоволи, государыня, принять от меня сокровища, тебе полезные,— сказал он, поставя перед нею небольшой старый ларец.

— Родитель мой,— отвечала царица,— на что мне сокровища? Взыскана

будучи милостию Божиею, имею ли я в них нужду? Единые сокровища мои: любовь государя, супруга моего, и твое родительское благословение: только о том прошу и молю Создателя.

— Сокровищам, мною в дар тебе приносимым, нет цены, государыня,— возразил боярин Стрешнев.— Прими их от меня, как дочь, в залог любви родительской!

Царица повиновалась воле отца своего и приняла ларец. Тогда Лукьян Степанович открыл оный и, вынув из него суровый холстинковый кафтан, сказал:

— Любезная дочь, вот кафтан мой, сшитый руками твоей матери, из холста, ею же вытканного. Кафтан сей был на мне в то время, когда я пахал мою ниву. Вот полотенце, которым утирался я, когда работал в поте лица моего. А в этом малом ларце заключалось все приданое твоей матери... Сокровища сии должны напоминать тебе, государыня, каждый

раз, когда на них ты взглянешь, чья ты дочь и в каком состоянии ты родилась, а сие напоминание более и более соединять тебя будет с человечеством. Чем чаще ты будешь видеть сии дары мои, скорее соделаешься матерью народа... Но молю Тя, Вседержитель, спаси меня от печали: не дай мне дожить до того злополучного дня, в который увидел бы я в дочери моей одну токмо царицу, и не обрел бы в ней Евдокии, дочери бедного Стрешнева.

— Господь Бог порукою тебе, дражайший родитель мой, в том, что дочь твоя пребудет всегда достойною любви твоей и благословения,— отвечала царица отцу своему и, приняв от него с живейшею чувствительностию дары его, поставила ларец посреди драгоценнейших утварей своего чертога, так что он для нее всегда был первым предметом.

Боярин Стрешнев из царских палат перешел на житье в пожалованный ему

дом, который, по тогдашнему обычаю, столько украшен был иждивением царским, сколько требовало того жилище тестя государева. Но спальню свою Лукьян Степанович убрал сам по своему нраву: в головах своей кровати поставил образа, в ногах — меч и копье, коим разил врагов на ратном поле, по стене развесил свои земледельческие орудия, как то: серп, косу, заступ и сошенник; напротив кровати, на широкой скамье, разостлал старый свой ковер, доставшийся ему от отца в наследство. Таким образом устроил он все для того, чтобы каждая вещь приводила ему на память первобытное состояние его. По непременному своему правилу, Лукьян Степанович начинал и оканчивал каждый день молитвою. В старом кожаном молитвеннике, где написаны были его рукою утренние и вечерние молитвы и по коему всегда молился, приписал он в конце: «Лукиан! Помни, что́ ты был!» Простодуш-

ный слуга его, деревенский его сотрудник, служил ему, и никто из прочих слуг, кроме него, не был к господину близок.

Таким-то неожиданным образом Лукьян Степанович Стрешнев, из бедного дворянина сделавшись великим боярином, не забывал в себе человека. Он был ходатай истины у Престола, ревнитель общего блага, защитник всех бедных и беспомощных, мудр в советах царских, строг к себе одному и добр ко всем, верный слуга царю и отечеству, сущий христианин, совершенный русский вельможа. Он был равно благороден и в суровой бедности, и в боярстве».

Знаменитая дочь его, истинная наследница родительских добродетелей и за них достойная царского сана, благочестием, благоразумием и милосердием украшала венец супруга своего — царя Михаила Феодоровича, который во все время своей жизни с нею неусыпно занят был благоустройством разоренного

врагами государства. Царица Евдокия Лукьяновна была основательницею многих богоугодных заведений, и сама воспитывала сына своего, царя Алексея Михайловича, коего мудрость и великие дела свидетельствуют о качестве ума и сердца его.

Провидение даровало нам ею славное поколение Романовых. Она матерь законодателя царя Алексея Михайловича, бабка Петра Великого и, прибавим, праматерь нашего благочестивейшего государя Николая Александровича.

Как творить милостыню?

(*Из «Поучительных слов» святителя Илии Минятия*)

Пророк Даниил, по ненависти вавилонских вельмож, был ввержен в ров львиный. Шесть дней уже прошло, как он никакой пищи там не вкушал, и вот Господь посылает ангела Своего в Иудею, к другому пророку, Аввакуму,

который в это время нес пищу на поле к жнецам. Ангел сказал Аввакуму: «Отнеси этот обед в Вавилон, к Даниилу в ров львиный». Аввакум отвечал: «Господин! Вавилона я никогда не видал и рва не знаю». Тогда ангел Господень взял его за темя и, поднявши его за волосы головы его, поставил его в Вавилоне над рвом, силою духа своего. И воззвал Аввакум и сказал: «Даниил! Даниил! Возьми обед, который Бог послал тебе». Даниил сказал: «Вспомнил Ты обо мне, Боже, и не оставил любящих Тебя». И встал Даниил и ел. Ангел же Божий мгновенно поставил Аввакума на его место (Дан. 14, 29—39). Аввакум, конечно, мог бы сказать ангелу, когда сей явился ему: «У меня в поле работники ждут обеда, а ты посылаешь меня в далекий Вавилон с этим обедом к Даниилу, что ж будут есть мои работники?» Но не сказал так пророк. Бог велел ему отнести пищу заключенному, голодаю-

щему, и он исполнил повеление без всяких отговорок. Ах, сколько таких заключенных, сколько таких голодающих, как Даниил! Сколько у таких, у коих нет ни куска хлеба насущного, сколько должников, беспомощных, сколько дрожащих от холода! Брат мой! Бог велит тебе иметь о них попечение, оказывать им помощь. *Тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник*! (Пс. 9, 35). Можно ли иметь тут какую-нибудь отговорку? Всесильный Бог, конечно, мог бы напитать Даниила пищею небесною и без обеда Аввакумова; но Его премудрое Провидение хочет, чтобы один человек терпел нужду, а другой ему помогал в сей нужде,— чтобы нужду терпел убогий, а помогал ему ты — богатый. Для чего так? Для пользы того и другого: чтобы убогий получил венец за терпение, а ты — за милосердие. Но чтобы ты не трудился напрасно — вот тебе правило: *давай, куда надобно; давай,*

сколько надобно; давай, как надобно; давай, когда надобно. То есть: рассуждай и человека, кому даешь, и меру, и образ подаяния, и время.

1) *Давай, куда надобно.* Два раза жертвовали евреи свои сокровища в пустыне: в первый раз они собирали женские украшения для того, чтобы из них вылить золотого тельца; в другой раз они сносили свои золотые, серебряные и медные вещи, драгоценные камни и ткани на устройство и украшение скинии (походного храма). В первом случае они отдали свои сокровища диаволу, а следовательно, не туда, куда надобно; во втором — посвятили их Богу, то есть отдали туда, куда отдать было надобно. Итак, когда ты даешь, даришь, издерживаешь, расточаешь свое имение на свои прихоти, которые для тебя то же, что идолы, например, на игры, на наряды, на пьянство и непристойные пирушки, то знай, что ты отдаешь его туда,

куда не надобно, ибо приносишь его в дар диаволу. А когда жертвуешь на церковь, на монастырь, когда употребляешь свое достояние на помощь какому-нибудь бедному семейству, на приданое бедной девице, на выкуп пленника, на пропитание сироты, то знай, что ты отдаешь его именно туда, куда надобно: ты приносишь все это в дар Господу Богу.

2) *Давай, сколько надобно*, то есть смотря по человеку и по его нужде. Нищему, который бродит по миру, довольно и двух денежек на покупку насущного хлеба; но этих двух денежек недостаточно почтенному человеку, который, по каким-нибудь прискорбным обстоятельствам, пришел в нищету,— недостаточно на приданое бедной девице. Когда земля пересохла, ее не напоишь несколькими каплями воды: она нуждается в обильном дожде. Какова нужда, такова и помощь быть должна. Равным образом: каково состояние подающего, тако-

ва должна быть и милостыня. Богатый давай больше, убогий может дать меньше. А у Господа оба они получат равную награду. Почему? Потому, конечно, что Господь смотрит не на подаяние, а на доброе произволение. Две медных лепты положила убогая вдовица в сокровищницу церковную, куда богатые клали золото и серебро, но Христос похвалил ее приношение больше других: *вси*, сказал Он, *от избытка своего ввергоша: сия же от лишения своего вся, елика имеяше, вверже, все житие свое* (Мк. 12, 44), то есть все свое состояние. Дверь можно отпереть и золотым, и железным, и даже деревянным ключом, лишь бы он подходил к замку: так и райскую дверь — богатый может отпереть себе червонцем, а бедняк — медной денежкой.

3) *Давай, как надобно*, и, во-первых: давай с приветливым взором, от доброго сердца, а не с сожалением и

как бы поневоле: *не от скорби, ни от нужды: доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. 9, 7). Стоит ли награды тот, кто дарит и бранит, подает милостыню и стыдит?! Ах, брат-христианин! Если бы ты знал, кто на самом деле просит у тебя куска на пропитание, ничтожной помощи! *Аще бы ведал еси, кто есть глаголяй ти: даждь Ми пити!* (Ин. 4, 10). Ведь это Сам Бог во образе нищего человека! Так говорит о сем святой Златоуст: «О как высоко достоинство нищеты! Под покровом нищеты скрывается Сам Бог: нищий простирает руку, а приемлет Бог. Кто подает милостыню убогому, тот одолжает Самого Бога: *милуяй нища взаим дает Богови*» (Притч. 19, 17). Итак, подумай, с какою радостию надобно тебе подавать милостыню! Подавай, во-вторых, щедрою рукою, ибо как сеятель не по одному зернышку бросает семена, а целою горстию, так и в деле милостыни

следуй слову Царя Давида: *расточи, даде убогим*, посему *правда его пребывает в век века* (Пс. 111, 9). Как посеешь, так и пожнешь: посеешь щедро, много и пожнешь; посеешь скупо, мало и соберешь. *Сеяй скудостию, скудостию и пожнет: а сеяй о благословении, о благословении и пожнет* (2 Кор. 9, 6). Как подавать милостыню — учит Сам Христос: *тебе же творящу милостыню, да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 6, 3). Это значит: пусть твоя милостыня будет тайною, так, чтобы не только люди не знали о ней, но чтобы и сам ты не считал своего добра: когда подает одна рука, другой о том знать не надобно: пусть они обе подают — то есть щедро и обильно.

Наконец, 4) *Давай, когда надобно*. Это всего нужнее и для бедняка, и для самого тебя. Дорога милостыня во время скудости. Помогай тогда, когда еще

можно помочь, давай, пока не поздно, пока бедняк не пришел в отчаяние, не предался воровству и другим порокам, пока не умер он с голоду и холоду. Помоги беспомощной сироте-девице выйти в замужество, пока она не потеряла себя, чтобы и тебе за нее Богу не отвечать. Подавай, наконец, пока и сам ты живешь на свете, не ожидая часа смертного. При смерти ты поневоле будешь милостив, потому что с собою в гроб ничего взять не можешь; пока жив, делай добро, чтобы оно шло от доброго сердца, от доброго произволения, и тогда ты будешь иметь у Господа награду совершенную. Хороша милостыня и при исходе из сей жизни, но много лучше она при жизни. О, как велика за нее награда у Господа! Какое утешение доставит она твоей совести! О, какая радость сердцу утешаться еще при жизни благополучием того сироты, которого ты в люди вывел, видеть счастье той бедной

девицы, которую ты замуж пристроил, видеть радость того бедняка, который при твоей помощи из беды выпутался! До того ли будет в то время, когда будешь находиться при последнем издыхании? Ты соберешься написать духовное завещание, а к тебе уже придут родные и знакомые, чтобы закрыть глаза твои... Но положим, что ты успеешь написать это завещание: уверен ли ты, что наследники твои исполнят волю твою? Какое неразумие! Когда уж при жизни ты не доверял им пожитков своих, ужели по смерти своей доверишь им душу свою? — Богачи умершие! Если можно, встаньте из ваших гробов; я предложу вам только один вопрос: если бы Бог даровал вам воскреснуть только на один час, что бы вы сделали тогда? О, конечно, вы тогда четверицею заплатили бы за всякую неправду свою, вы раздали бы все свое достояние, чтобы чрез то умилостивить Божие правосудие... Вот, слу-

шатель, ты теперь спрашиваешь, как евангельский богач: *что благо сотворив, живот вечный наследствую?* И я тебе отвечаю на сей вопрос: если Бог благословил тебя земными благами, как оного богача, то *давай*:

Давай, куда надобно, давай, сколько надобно, давай, как надобно, и давай, когда надобно.

И тогда ты будешь иметь сокровище на небесах — жизнь вечную, Царство Небесное. Больше сего, конечно, чего еще можешь ты пожелать себе?..

Кому нужнее наша милостыня?

(*Из слова о милости, написанного двести лет назад*)

Отверзая отверзи руце твои брату твоему и просящему на земли твоей (Втор. 15, 11). Так заповедует Господь не о тех нищих, которые ходят и просят по домам и церквам: есть много нищих и убогих, которые стыдятся про-

тянуть руку за помощью и считают за лучшее молча терпеть всякую нужду и нищету, чем быть попрошайками. Таковых ищи милостивым сердцем своим и помогай им.

Есть вдовы, которые по смерти мужей своих остались в нищете, в долгах, с малыми детьми. Дети просят хлеба, одежды; мальчикам нужна наука, девочкам рукоделье, а заимодавцы требуют уплаты долгов, берут последнее в залог, тянут в суды... Блажен, кто видит такую нужду бедных вдовиц и посещает их, и помогает им!..

Есть круглые сироты, которые, как осиротелые птенцы врановы, взывают о помощи: кто их накормит, кто приютит, кто попечется о них, кто их от обиды защитит? Не денег они просят, не имения,— им нужен хлеб насущный. И тем более они заслуживают милость, чем меньше понимают, по малолетству своему, великую нужду свою. Кто же при-

зрит их? — Ты, Творец их милостивый! *Тебе оставлен есть нищий, сиру Ты буди помощник*! Ты и птенцов врановых, Тебя призывающих, питаешь. Но чрез кого Господь Бог окажет им помощь? — Чрез того, кто носит в себе образ Божий, то есть милость в своем сердце, чье сердце расположит Господь на сие великое служение, кто посещает домы таких сирот, ибо истинная беднота на улицу не показывается. Помилуй сирот, будь им вместо отца!..

Бывают странники и пришельцы, которых нужда загнала на чужую сторону, которых на пути обобрали злые люди, которых посетила какая-нибудь тяжкая болезнь и им негде голову приклонить: нет у них ни знакомых, ни родных, кто пожалел бы их... К кому прибегнут они, если мы откажем им в помощи и крове? Поистине, такие люди не меньше, чем вдовы и сироты, нуждаются в нашей помощи!

В ином доме хозяин много лет с одра болезни не встает, жена все, что было можно, прожила давно; а у иного и жена умерла, и он один остался с детьми, особенно с девочками, и сам больной лежит... Соседи не знают, или не хотят, или не могут помочь ему... Кто призрит его, кто поможет ему? Един Ты, милостивый Господи, призри и утешь чрез тех, которые носят в себе образ Твоего милосердия!..

А в ином доме и муж, и жена, и дети — все лежат больные; некому за ними походить, некому присмотреть за хозяйством их, все могут растащить люди недобрые: как не помочь таким, чем только можно?..

Иной один работник в семье: что заработает, то и проживет с женою и детьми; случилось ему заболеть или калекою сделаться: сегодня не вышел он на работу, а завтра ему уже есть нечего... Как не помочь такой семье?

У крестьянина пала скотина — все богатство его, а между тем ему надо подати платить, налоги разные; работать надобно, а лошадки нет, нечем взяться ему, не к чему руки приложить: как не пожалеть такого? Как милости не оказать?..

Бывает, что пошел хозяин с семьею в поле на работу, вернулся домой — погорело все, остались одни уголья... А в городах нередко случается, что, если и вынесут что с пожарища, то лихой человек похитит с улицы... И ждет несчастных погорельцев и голод и холод, и негде им голову склонить! О, поистине таковые заслуживают нашего сострадания больше всякого нищего, что под окнами просит!

В ином доме живет вдова с двумя-тремя дочерьми уже взрослыми; нет у нее средств, чтобы одеть их прилично, пропитать их и замуж выдать. Немного бывает Гликерий и Сусанн[232], готовых

умереть за чистоту и целомудрие: так часто бедность и голод к грязному пороку ведут! О святый Николае Чудотворче! Приди на помощь к таким, помоги им и душу и тело сохранить в чистоте и святости! Помогайте и вы в таковой нужде и деньгами, и приданым, и заботой об устройстве таких девиц-сирот! За это будет награда от Господа гораздо большая, чем за подачу милостыни на улице.

Вот и состоятельного человека обокрали начисто; он так огорчен, что готов на себя руки наложить — у него ровно ничего не осталось, а диавол уже и к веревке его тянет. Поспешите на помощь ему, чтобы не впал он в отчаяние, утешьте его, помогите ему хоть на первое время! Если он знает, что есть на свете люди добрые, которые не оставят его в горе и нужде, то он благодушно понесет крест свой тяжелый...

Иной сам был великий милостивец, ничего не жалел для храма Божия и для

бедности людской; но вот пришло время, и он, Божиим попущением, для испытания своего терпения, как древний оный праведник Товит, одряхлел, ослеп, потерял слух, обнищал; жена попрекает его за прежние милостыни... Какой нищий заслуживает большего сострадания и посильной помощи?..

Часто бывает и еще великая нужда у людей бедных: не знают они, где и у кого бы им на время денег занять; а если и есть у кого, то заимодавец требует невозможных процентов за одолжение. Не у одних евреев много пропадает заложенных вещей; бывают и христиане, готовые ограбить совсем бедняка, своего же брата. Велик и проклят этот грех лихоимства; и в Священном Писании он строго воспрещен, и даже у язычников считался бесчестным. А в наше время — увы — многие и из христиан его за грех не считают — лихоимством занимаются! Вот почему великая милость и то, чтобы

бедным людям без росту взаймы давать, как и Господь заповедует в Святом Евангелии.

Но возможно ли перечислить все беды и нужды человеческие? О, как много их — без числа много! Вот на такие-то нужды и согласились собирать святые Апостолы Петр и Павел, когда уходили из Иерусалима на проповедь евангельскую: они обещали не забывать таких убогих бедняков, коих немало было в Иерусалиме. И собирали они, и сами приносили в Иерусалим собранную милостыню для вдов и сирот, для пришельцев и недужных, для заключенных в темницах за имя Христово и лишенных имений за Христа. Будем и мы так же милостивы, будем помогать таким беднякам, кто чем может. (Сам ты не можешь ходить из дома в дом разыскивать истинную бедноту — есть теперь разные братства, общества, церковно-приходские попечительства: они освобо-

дят тебя от этого труда, а ты не отказывай им только в посильной лепте своей.) За то сколько будет за тебя пред Господом Богом молитвенников! И сии молитвенники, когда будешь ты из мира сего отходить, примут тебя, по слову Христову, в горние домы свои — в вечные небесные скинии!..

Народная мудрость о милосердии

(Из пословиц)

Милостыня — сухари на дальнюю дорогу (то есть в Царство Небесное).

Приготовь домашним пищу, а потом подай и нищу.

Просит убогий, а подашь Богу.

Милостыня пред Богом оправдывает.

Пост приводит ко вратам рая, а милостыня отверзает их.

Когда подаешь милостыню в окно, то отворачивайся и молись иконам (не гляди, кому подаешь).

Подай, Господи, пищу на братию нищу!

Дай Бог подать, не дай Бог брать!

Дающего рука не оскудеет.

Дорога милостыня во время скудости.

В окно подать — Богу подать.

Одною рукою собирай, а другою раздавай.

За Богом должок не пропадет.

Бог в долгу не останется.

С отказною Бог по дворам не ходит.

Оденем нагих, обуем босых, накормим алчных, напоим жаждных, проводим мертвых — заслужим Царство Небесное.

Кто сирых питает, тот Бога знает.

Нет милости несотворшему милости (как в Священном Писании сказано: *суд бо без милости не сотворшему милости: и хвалится милость на суде.* — Иак. 2, 13).

Не хвались серебром, а хвались добром.

Деньгами души не выкупишь.

Счастью не верь, а от бедного не затворяй дверь.

Милость — подпора правосудию.

Есть слезы, есть и совесть.

Люди радовались, когда ты родился; живи так, чтобы они плакали, когда ты умрешь.

Скупому душа дешевле гроша.

Скупой богач беднее нищего.

Убогий нуждается во многом, а скупой во всем.

Овца руно растит не про себя.

Не на себя пчела работает.

С миру по нитке — голому рубашка.

Живи для людей, поживут и люди для тебя.

Друг на друга глядючи — улыбнешься; на себя глядючи — только всплакнешься.

Самолюб никому не люб.

Полно спать! Пора на тот свет запасать.

Что запасешь, то и с собой понесешь.

Не тот живет больше, что живет дольше, а тот, кто больше добра делает. (В Священном Писании сказано: *праведник, скончався в мале*, умерший рано, *исполни лета долга*.— Прем. 4, 13.)

В день страшный вся милостыня, тобою сотворенная, соберется в чашу твою (на весах правды Божией).

И большою милостынею в рай не войдешь, если сам худо живешь.

Мало ли что будет! Еще и то будет, что нас не будет.

Помни, что *завтра* скоро будет *вчера*.

Как поживешь, так и прослывешь.

Земля на могиле задернеет, а худой славы не покроет.

Могила не все покрыла: концы на тот свет вышли!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вечный город* — город Рим.

[2] *Апеннины* — горная система в Италии.

[3] *Фига* — см. *смоковница* (157).

[4] *Портик* — галерея на колоннах или столбах; обычно перед входом в здание.

[5] *Атриум* — закрытый внутренний двор в середине римского жилища, куда выходили остальные помещения.

[6] *Перистиль* — прямоугольный двор, сад, площадь, окруженные с четырех сторон крытой колоннадой.

[7] *Клиенты* — в Древнем Риме отдельные лица или целые общины, отдававшиеся под покровительство патронов.

[8] *Тога* — римская одежда — длинный плащ из белой шерсти без рукавов.

[9] *Туника* — римская одежда — длинная белая шерстяная или льняная рубашка с короткими рукавами. Носилась под тогой.

[10] *Ликтор* — в Древнем Риме служитель, охранявший высшие должностные лица.

[11] *Консул* — в Древнем Риме высшее должностное лицо. В эпоху империи почетный титул.

[12] *Константин I Великий (ок. 285—337)* — римский император с 306 г. Основал Константинополь в 324—330 гг.

[13] *Арий († 336)* — священник-ересиарх (см. *арианство* — 60).

[14] *Афанасий Великий (ок. 295—373), святитель* — епископ, богослов, церковный деятель и писатель, борец с арианством.

[15] *Александрия* — город и порт в Египте на Средиземном море, основан в 332/331 гг. до Р. Х.

[16] *Либерий* — папа римский (352—366).

[17] *Феликс II* — папа римский (355—365).

[18] *Юлиан Отступник (331—363)* — римский император с 361 г.

[19] *Северы* — династия римских императоров (193—235).

[20] *Константинополь (Царьград)* — столица Византийской империи.

[21] *Театр пантомимы* — театр, в котором актеры играли без слов, с помощью жестов и танцев; пояснял происходящее на сцене хор.

[22] *Цирк* — основной вид увеселительного заведения в Древнем Риме. Имел вытянутую прямоугольную арену, одна из оконечностей которой была полукруглой формы.

[23] *Патроны* — некоторые члены патрицианских родов, которые брали под свою защиту отдельных лиц (клиентов).

[24] *Трибун* — в Древнем Риме высшее выборное должностное лицо из плебеев.

[25] *Гракхи* — братья, римские народные трибуны: 1) *Тиберий (162—133 до Р. Х.)*; 2) *Гай (153—121 до Р. Х.)*.

[26] *Цинциннат Луций Квинций (V в. до Р. Х.)* — римский патриций, политический деятель, считался образцом скромности, доблести, верности гражданскому долгу.

[27] *Фабриций Кай Луций (III в. до Р. Х.)* — выдающийся политический деятель Древнего Рима.

[28] *Катон Марк Порций Старший (234—149 до Р. Х.)* — римский писатель, консул в 195 г. до Р. Х., непримиримый враг Карфагена, поборник строгих староримских нравов.

[29] *Катилина Луций Сергий (ок. 108—62 до Р. Х.)* — римский претор в 68 г. до Р. Х. Заговорщик, государственный преступник.

[30] *Клодий Публий Пульхер (ок. 93—52 до Р. Х.)* — римский народный трибун в 58 г. до Р. Х. Крайний популист и демагог, не брезговавший даже разбоями.

[31] *Вавилон* — город в Месопотамии (ныне на территории Ирака). Символ большого безнравственного города, города мерзости и разврата.

[32] *Плебей* — представитель низших слоев.

[33] *Киммерия* — северное побережье Черного моря.

[34] *Авернское озеро (озеро Аверно)* — небольшое округлое вулканическое озеро близ города Поццуоли.

[35] *Поццуоли* — город в южной Италии (недалеко от Неаполя).

[36] *Гаэта* — город и порт в южной Италии на Тирренском море.

[37] *Меценат Гай Цильний (между 74 и 64—68 до Р. Х.)* — в Древнем Риме приближенный императора Августа. Покровительствовал поэтам, что сделало его имя нарицательным.

[38] *Камилл Марк Фурий (ок. 447—365 до Р. Х.)* — римский полководец.

[39] *Светоний Гай Транквилл (ок. 70 — ок. 140)* — римский историк и писатель, автор сочинения «Жизнь двенадцати цезарей».

[40] *Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127)* — римский поэт-сатирик.

[41] *Паразит* — обедневший, но лично свободный гражданин, развлекавший своих хозяев.

[42] *Понт Эвксинский* — древнегреческое название Черного моря.

[43] *Ливия* — древнегреческое название территории Северной Африки, прилегающей к Средиземному морю (к западу от дельты Нила).

[44] *Сурик* — природный пигмент (краситель) от желто-красного до вишневого цвета. Применялся в качестве румян.

[45] *Сурьма* — собственно сурьмяный блеск (антимонит) — минерал. Применялся для чернения бровей.

[46] *Перл* — жемчуг, жемчужное зерно.

[47] *Матрона* — в Древнем Риме пожилая замужняя женщина.

[48] *Валентиниан I (321—375)* — римский император с 364 г.

[49] *Иоанн Златоуст (между 344 и 354—407), святитель* — патриарх Константинопольский с 398 г., церковный деятель, выдающийся церковный писатель.

[50] *Авентин* — один из семи холмов, на которых возник древний Рим.

[51] *Форум* — в Древнем Риме площадь, рынок, бывший центром политической жизни. Главный *Форум* Рима — парадный архитектурный ансамбль.

[52] *Велабра (Велабрум)* — обширное болото, простиравшееся между Палатинским холмом и рекой Тибром в Риме.

[53] *Базилика* — прямоугольное в плане здание, разделенное внутри рядами колонн. В Древнем Риме судебное и торговое здание. Позже один из типов христианского храма.

[54] *Яникул* — длинная возвышенность на правом берегу реки Тибр, пригород древнего Рима.

[55] *Капитолий* — один из семи холмов, на которых возник древний Рим.

[56] *Палатин* — один из семи холмов, на которых возник древний Рим.

[57] *Доминиканцы* — члены католического монашеского нищенствующего ордена, осно-

ванного в 1215 г. испанским монахом Домиником.

[58] *Амвросий Медиоланский (ок. 340—397), святитель* — епископ, церковный деятель и писатель.

[59] *Павла (346—404), преподобная* — основательница монастырей в Палестине.

[60] *Арианство* — еретическое течение в христианстве в IV—VI вв. Его зачинатель — священник *Арий († 336)* из города Александрии.

[61] *Нитрийская пустыня (Нитрия, Нитрийская гора)* — пустыня к югу от Мареотского озера, названная так из-за обилия селитры (нитры) в ее водоемах.

[62] *Аммон (Аммун) († 350—357), преподобный* — христианский аскет.

[63] *Киновия* — «общежитие» — одна из форм монашеской жизни, монастырь.

[64] *Мареотское озеро (озеро Мариут, Мареотис)* — большое болотистое озеро к югу от Александрии.

[65] *Антоний Великий (ок. 250 — ок. 356), преподобный* — выдающийся христианский аскет, основатель монашества.

[66] *Фамилия* — в Древнем Риме семейная, хозяйственно-юридическая единица, в состав которой помимо кровных родственников входили рабы.

[67] *Памва († 386), преподобный* — христианский аскет, современник Антония Великого, подвизался в Нитрийской пустыне.

[68] *Серапион Тмуитский († 359 или 366)* — епископ, христианский аскет.

[69] *Макарий Великий (301—391), преподобный* — христианский аскет.

[70] *Пахомий Великий († 348), преподобный* — основатель первой киновии в Фиваидской пустыне.

[71] *Фиваида* — 1) весь Верхний (южный) Египет (в свою очередь делился на Северную и Южную *Фиваиду*). Главный город — Фивы; 2) *Фивская (Фивадская) пустыня* — пустыня к северу и востоку от города Фивы (монастыри Тавенниси).

[72] *Иларион Великий († 371/372), преподобный* — христианский аскет.

[73] *Патриций* — родовой аристократ в Древнем Риме.

[74] *Тосканское море* — часть Средиземного моря у берегов Тосканы (историческая область в Центральной Италии).

[75] *Анахорет* — пустынник, отшельник.

[76] *Палестина* — историческая область в Западной Азии, Святая земля.

[77] *Халкидская пустыня (Халцида)* — пустыня в окрестностях города Беройи (ныне город Халеб в Сирии). В этой пустыне, между прочим, подвизался и преподобный Малх (IV в.).

[78] *Авва* — «отец», «отче»: 1) обращение к Богу; 2) почетный титул духовной особы.

[79] *Далмат (далматинец)* — представитель древнего индоевропейского племени, жившего на северо-западе Балканского полуострова. К началу эры после Р. Х. племя было покорено римлянами и романизировано. Здесь: житель Далмации, родом из Далмации.

[80] *Иероним Стридонский (между 340 и 350—420), блаженный* — великий учитель Западной Церкви, богослов, церковный писатель, проповедник.

[81] *Сцилла и Харибда* — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывавших между ними мореходов. «Находиться меж-

ду Сциллой и Харибдой» означает подвергаться одновременно опасности с разных сторон.

[82] *Стридон* — город на границе Далмации и Паннонии, родина блаженного Иеронима.

[83] *Далмация* — историческая область (современные Черногория и Хорватия). С I в. после Р. Х. римская провинция.

[84] *Паннония* — историческая область (часть современных Венгрии, Югославии и Австрии). С VIII в. после Р. Х. римская провинция.

[85] *Цицерон Марк Туллий (106—43 до Р. Х.)* — римский политический деятель, оратор и писатель.

[86] *Гораций Флакк Квинт (65—8 до Р. Х.)*— римский поэт.

[87] *Вергилий Марон Публий (70—19 до Р. Х.)* — римский поэт.

[88] *Августин Аврелий (354—430), блаженный* — великий учитель Западной Церкви, богослов, церковный деятель и писатель.

[89] *Василий Великий (Кесарийский) (ок. 330—379), святитель* — архиепископ, один из Вселенских учителей Церкви, богослов, церковный деятель и писатель.

[90] *Григорий Богослов (Назианзин) (ок. 330 — ок. 390), святитель* — епископ, один из Вселенских учителей Церкви, богослов, церковный деятель и писатель, сподвижник Василия Великого.

[91] *Филарет (Гумилевский Д.Г.) Черниговский (1805—1866)* — архиепископ, выдающийся богослов, церковный деятель и писатель-историк.

[92] *Претор* — в Древнем Риме младший коллега консула.

[93] *Сципионы* — прозвище римского патрицианского рода Корнелиев, из которого в III—II вв. до Р. Х. вышел ряд выдающихся политических деятелей и полководцев.

[94] *Дамаз (Дамас) I* — папа римский (366—384).

[95] *Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394), святитель* — епископ, богослов, церковный писатель, брат Василия Великого.

[96] *Грациан (359—383)* — римский император с 367 г.

[97] *Павлин Антиохийский* — епископ (362—388).

[98] *Епифаний Кипрский (367—403), святитель* — епископ, церковный писатель и борец с ересями.

[99] *Чермное (Красное) море* — часть Индийского океана между Африкой и Аравийским полуостровом.

[100] *Смарагд (изумруд)* — минерал густого ярко-зеленого цвета. Драгоценный камень.

[101] *Тимпан* — ударный музыкальный инструмент.

[102] *Кимвал* — ударный музыкальный инструмент в виде двух медных тарелок.

[103] *Фазис* — самый восточный город в Понте (историческая область на северо-востоке Малой Азии), на реке Фазисе (ныне город Поти на реке Риони в Грузии).

[104] *Иония* — историческая область на западе Малой Азии (часть современной Турции).

[105] *Скиния* — шатер.

[106] *Алмазов Б. Н. (1827—1876)* — русский поэт и критик.

[107] *Колизей* — амфитеатр в Риме, памятник римской архитектуры (75—80).

[108] *Нерон (37—68)* — римский император с 54 г.

[109] *Адриан (76—138)* — римский император с 117 г.

[110] *Амфитеатр* — архитектурная форма римского театра. Ступенчатые ряды зрительс-

ких мест располагались не полукругом, как в Древней Греции, а эллипсом вокруг сцены (арены).

[111] *Катакомбы* — системы подземных помещений, служившие для отправления культа и захоронений.

[112] *Арабеска* — сложный орнамент, основанный на прихотливом переплетении геометрических и стилизованных растительных мотивов.

[113] *Галлия* — историческая область в Западной Европе, занимавшая территорию между рекой По (Северная Италия) и Альпами и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями (горная система — граница между Францией и Италией) и Атлантическим океаном. Часть современных Италии, Франции, Люксембурга, Бельгии, Нидерландов и Швейцарии.

[114] *Триумф* — в Древнем Риме торжественное вступление в столицу, Рим, полководца-победителя с войском. Высшая награда полководцу.

[115] *Иовиан* — император восточной части Римской империи (363—364).

[116] *Эдесса* — город в Северной Месопотамии (ныне город Урфа в Турции).

[117] *Антиохия* — город в Западной Азии на реке Оронт (ныне город Антакья в Турции).

[118] *Рем* — по римскому преданию, брат-близнец Ромула, первого царя Рима, основатель Рима (вместе с Ромулом).

[119] *Авгарь V Уккама (Черный)* — царь (13—50) Осроены, небольшого государства в Северной Месопотамии (между реками Тигр и Евфрат), столицей которого была Эдесса. *Авгарь* — династийное имя. *Уккама* — прозвище.

[120] *Евсевий Кесарийский (Евсевий Памфил) (между 260 и 265—338/339)* — епископ, церковный писатель-историк.

[121] *Стикс* — мифологическая подземная река, олицетворение ужаса и мрака (в Древней Греции).

[122] *Готы (вестготы и остготы)* — группа германских племен. В III в. после Р. Х. жили в Северном Причерноморье.

[123] *Гунны* — кочевой народ, сложился во II—IV вв. после Р. Х. в Приуралье. С 70-х гг. IV в. после Р. Х. совершали опустошительные набеги на Запад.

[124]*Аммиан Марцеллин (ок. 330—ок. 400)* — римский историк.

[125]*Валент (ок. 328—378)* — император восточной части Римской империи с 364 г.

[126]*Мефодий Патарский Олимпийский († 311), священномученик* — епископ, богослов, церковный деятель и писатель.

[127]*Моисей* — вождь народа Израилева, пророк.

[128]*Скрижали* — две каменные доски с десятью заповедями, врученные Моисею Богом на Синае; в переносном смысле — то, куда заносятся памятные события, даты, имена и т. д.

[129]*Пилат Понтийский* — римский прокуратор (правитель) Палестины во время земной жизни Спасителя.

[130]*Эринии* — в древнегреческой мифологии богини мщения.

[131]*Иезавель* — жена Ахава, седьмого царя Израилева. Ее имя стало синонимом нечестия и разврата.

[132]*Урсин* — соперник папы Дамаза.

[133]*Каппадокия* — историческая область в центре Малой Азии (часть современной Турции). С 17 г. после Р. Х. римская провинция.

[134] *Кесария Каппадокийская* — главный город римской провинции Каппадокии.

[135] *Адамант* — алмаз, бриллиант.

[136] *Префект* — в Древнем Риме административная или военная должность.

[137] *Адрианополь* — город в Малой Азии (ныне город Эдирне в Турции).

[138] *Канны* — селение в Юго-Восточной Италии. Около *Канн* 2. 8. 216 г. до Р. Х. во время 2-й Пунической войны карфагенская армия Ганнибала уничтожила римскую армию.

[139] *Малая Азия* — полуостров на Западе Азии, часть территории Турции.

[140] *Бонифаций (Вонифатий) Тарсийский († 290)* — мученик.

[141] *Остия* — город в устье реки Тибра, гавань древнего Рима.

[142] *Смирна* — город в Малой Азии на заливе Эгейского моря (ныне город Измир в Турции).

[143] *Лаодикия (Лаодикея)* — город в Малой Азии (ныне город Эски-Хисар в Турции).

[144] *Колоссы* — город в Малой Азии.

[145] *Галилея* — северная часть Палестины.

[146] *Иудея* — южная часть Палестины. С 6 г. после Р. Х. римская провинция.

[147]*Фавор* — гора в Галилее неподалеку от Назарета, место Преображения Спасителя.

[148]*Тивериадское море (Галилейское озеро, Геннисаретское озеро)* — озеро в Палестине.

[149]*Гадаряне* — жители «страны Гадаринской» в Палестине, места исцеления бесноватого (Мк. 5, 1—20; Лк. 8, 26—39).

[150]*Иордан* — священная река Палестины.

[151]*Ермон* — гора в цепи Антиливанских гор к северо-востоку от Палестины.

[152]*Магдала* — город в Галилее, место рождения Марии Магдалины, жены-мироносицы.

[153]*Хоразин* — город в Галилее.

[154]*Вифсаида Галилейская* — город в Галилее, место рождения апостолов Андрея, Петра и Филиппа.

[155]*Капернаум* — город в Галилее.

[156]*Назарет* — город в Галилее.

[157]*Смоковница (фига)* — инжир — дерево рода фикус семейства тутовых.

[158]*Исаия* — пророк.

[159]*Кармил* — гора в Палестине, место пребывания пророков Илии и Елисея.

[160]*Ездрилон* — равнина в южной части Галилеи.

[161] *Вифлеем* — город в Палестине, место рождения пророка Давида и Спасителя.

[162] *Руфь Моавитянка* — жена *Вооза*, прабабка пророка Давида.

[163] *Вооз* — отец Овида, дед Иессея, отца Давидова. Один из предков Спасителя.

[164] *Рахиль* — вторая жена Иакова.

[165] *Лия* — одна из жен Иакова (родоначальника народа Израилева).

[166] *Евфрафа (Ефрафа)* — древнее название Вифлеема.

[167] *Давид* — правнук Вооза и Руфи, царе-пророк, Псалмопевец.

[168] *Михей Морасфитянин* — пророк.

[169] *Вертеп* — сад; пещера; тайное укрытие.

[170] *Соломон* — третий царь Израилев. Сын пророка Давида. Славился необычайной мудростью.

[171] *Макарий I Иерусалимский, святитель* — патриарх (313—333).

[172] *Вертоград* — сад.

[173] *Каиафа* — первосвященник иудейский, при котором Спаситель приговорен был к смерти и предан на суд Пилата.

[174] *Претория* — канцелярия правителя области.

[175] *Филистимляне* — народ, населявший в XII—VIII вв. до Р. Х. Палестину.

[176] *Газа* — город в Палестине на побережье Средиземного моря.

[177] *Соккоф (Сокхоф, Соккот)* — город в Палестине между Газой и Хевроном. Близ этого города юным Давидом был поражен Голиаф.

[178] *Марасфим (Морасфи)* — небольшое селение между Газой и Хевроном, место рождения пророка Михея.

[179] *Гесем* — название египетского округа, в котором фараон поселил отца и братьев Иосифа. Предположительно — в северо-восточной части Египта.

[180] *Танис* — город в дельте реки Нила в Древнем Египте.

[181] *Ихневмон* — млекопитающее рода мангустов, египетский мангуст.

[182] Пропилеи — обрамление парадного прохода, проезда с симметричными колоннадами.

[183] *Серапеон (Серапеум)* — главное святилище бога Сераписа в Александрии.

[184] *Виссон* — дорогая тонковолокнистая легкая ткань из хлопка или льна; одежда из этой ткани.

[185]*Дидим Александрийский, слепец (310—395)* — богослов, церковный деятель и писатель, ученик Афанасия Великого, учитель блаженного Иеронима.

[186]*Риторика* — ораторское искусство в Древней Греции и Риме.

[187]*Ориген (ок. 185—253/254)* — богослов, церковный деятель и писатель.

[188]*Синай* — горная группа в южной части полуострова Синай к югу от Палестины.

[189]*Арсиноя* — город в Древнем Египте.

[190]*Мери, озеро (Меридово озеро)* — озеро к юго-западу от Мемфиса. На юго-восточном берегу озера находилась Арсиноя.

[191]*Куколь (апостольник)* — плат, которым монахи покрывают грудь и шею; накидка, колпак.

[192]*Ниневия* — город в Месопотамии (ныне на территории Ирака).

[193]*Феодосий I Великий (347—395)* — римский император с 379 г. Утвердил христианство. Боролся с язычеством и арианством.

[194]*Гонорий* (384—423) — император западной части Римской империи с 395 г.

[195]*Аркадий (377—408)* — император восточной части Римской империи с 395 г.

[196]*Легион* — основная организационная единица в армии Древнего Рима (4,5—7 тыс. человек).

[197]*Лигурия* — историческая область в Западной Европе (часть современных Франции и Италии — от Марселя до Пизы).

[198]*Брут Децим Юний Альбин (ок. 84—43 до Р. Х.)* — римский военный и политический деятель. Заговорщик.

[199]*Фессалоники (Салоники, Солунь)* — город и порт в Греции на заливе Эгейского моря. В Византии второй по значению город после Константинополя.

[200]*Иллирик* — историческая область, состоявшая из двух римских провинций — Паннонии и Далмации. С середины I в. до Р. Х. римская провинция.

[201]*Герольд* — глашатай; распорядитель на торжествах.

[202]*Диадема* — головная повязка или металлический обруч. Служила украшением и часто знаком царского достоинства.

[203]*Лев I Великий* — папа римский (440—461).

[204]*Северин Норикумский († 482)* — святой Католической церкви, просветитель.

[205]*Женевьева (Геновефа) Парижская (ок. 420— ок. 500), дева* — святая покровительница Парижа.

[206]*Гиббон Э. (1737—1794)* — выдающийся английский историк-просветитель.

[207]*Аларих I (ок. 370—410)* — король вестготов с 395 г. В 410 г. разграбил Рим.

[208]*Ганнибал Барка (247/246—183 до Р. Х.)* — выдающийся карфагенский полководец (Карфаген — древний город-государство в Северной Африке. Ныне город Тунис).

[209]*Стилихон Флавий (ок. 365— 22. 08. 408)* — римский полководец из вандалов. С 395 г. фактически правил западной частью Римской империи.

[210]*Сенат* — в Древнем Риме республиканского периода верховный орган власти. Во времена империи — просто собрание представителей знатных семейств.

[211]*Ристалище* — место для состязаний.

[212]*Телемах Римский († 391)* — мученик.

[213]*Багряница (порфира)* — драгоценная ткань багряного цвета; одежда из этой ткани, например мантия монарха.

[214]*Равенна* — город и порт в Северной Италии на Адриатическом море.

[215]*Киликия* — историческая область на юго-востоке Малой Азии (часть современной Турции). Со 102 г. до Р. Х. римская провинция.

[216]*Хартия* — рукопись.

[217]*Иннокентий I Римский* — папа римский (401—417).

[218]*Хартуларий* — письмоводитель у высшего церковного чиновничества в Римской империи.

[219]*Сцевола Гай Муций* — римский герой. Желая показать презрение к боли, на глазах у врагов сам опустил руку в огонь.

[220]*Деций Публий Мус (сын)* — римский гражданин, в 295 г. до Р. Х. пожертвовавший жизнью ради отечества в битве.

[221]*Димитрий (Туптало Д. С.) Ростовский (1651—1709), святитель* — митрополит, церковный деятель, выдающийся церковный писатель и проповедник.

[222]*Царьград* — см. *Константинополь* (20).

[223]*Содом и Гоморра* — города, уничтоженные небесным огнем за беззакония и распутство их жителей. Из пламени Бог спас только Лота с семейством (см.: Быт. гл. 18 и 19).

[224]*Пафлагония* — в древности область в Малой Азии, на побережье Черного моря (часть территории современной Турции).

[225]*Сенека Луций Анней (ок. 4 до Р. Х. — 65 по Р. Х.)* — римский политический деятель, философ и писатель.

[226]*Крез (595—546 до Р. Х.)* — последний царь Лидии. Богатство Креза вошло в поговорку.

[227]*Диоклетиан (243 — между 313 и 316)* — римский император (284—305). В 303—304 гг. предпринял гонения на христиан.

[228]*Святой Георгий († 303), великомученик и мученица Александра Никомидийская († 303 или 314)* — погибли в период гонений на христианство.

[229]*Киворий* — в древних храмах дарохранительница, позже алтарная сень, поддерживаемая колоннами и богато украшенная.

[230]*Апсида* — выступ здания (полукруглый, граненый, прямоугольный), перекрытый куполом или полусводом. В христианских храмах — это алтарный выступ.

[231]*Спафарий* — чин офицера вооруженной охраны.

[232]*Сосанна (Сусанна) Римская, дева († 295—296)* — мученица; память 11/24 августа. *Гликерия Гераклейская, дева († ок. 177)* — мученица; память 13/26 мая.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказание о житии Алексия, человека Божия

От издателей 4

Часть первая. Решение судьбы

1. Долгожданный сын 7
2. Радостное событие 16
3. Погрязшие в пороках 29
4. Подвижники Востока 41
5. Пример великого пустынника 55
6. Годы учения 73
7. Доброе сердце 83
8. Истинные ученики Христа 101
9. Новое знакомство 114
10. Родственные души 133
11. Взаимное чувство 146
12. Война между римлянами и варварами 156
13. Ради жизни для Бога 168

Часть вторая. Служение Христу

1. По святым местам 176
2. Вифлеем 189
3. Иерусалим 194

4. Александрия 205
5. Египетские иноки 215
6. «Вложи меч в ножны...» 227
7. Уход от мира 243
8. Печаль родных 253
9. Фессалоникийская резня 260
10. Опомнились — и ужаснулись 272
11. Шесть дней варварства 280
12. Указание Провидения 289
13. Странник в отчем доме 297
14. Великий праведник 305

Житие святого праведного Филарета Милостивого

Предисловие к 5-му изданию 321
1. Расцвет зла 323
2. Сострадающее сердце 330
3. Ужасные набеги магометан 342
4. Любовь христианская 351
5. Дела милосердия 364
6. Вельможные гости 378
7. Пышная столица Востока 394
8. Роскошь дворца императора 404
9. Неожиданное богатство 415
10. Великий благотворитель 424
11. Кончина угодника Божия 435
12. Дивное видение 451

13. Исполнение предсказаний 455
14. Из дневников отца Иоанна Кронштадтского 457

Приложения
Филарет Милостивый на Святой Руси . . 488
Как творить милостыню? (*Из «Поучительных слов» святителя Илии Минятия*) 511
Кому нужнее наша милостыня? (*Из слова о милости, написанного двести лет назад*) 521
Народная мудрость о милосердии (*Из пословиц*) 529

Примечания 533

Протоиерей Михаил Хитров

МУЖЕСТВО ДУХОВНОЕ

Текст печатается по изданиям:
«Святой Алексий, человек Божий (повесть из истории Христианской Церкви конца IV века)». М., 1895. Сочинение протоиерея Михаила Хитрова.
Хитров М. И. Святый праведный Филарет Милостивый. 5-е изд. Сергиев Посад. 1915.

Редактор *Лина Егорова*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика художественного редактора *Натальи Тихомировой*
Компьютерная верстка технического редактора *Марины Терентьевой*
Корректор *Лина Егорова*
Набор *Марины Волковой*

Подписано в печать 03.04.06. Офсетная печать.
Шрифт Петербург. Формат 70×100 1/32.
Объем 17,5 печ. л. Тираж 4000 экз. Заказ 1353.
Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
Московская обл., г. Сергиев Посад.
ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.
ГУП Московская типография №2 Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.
Тел.: 682-24-91 129085, Москва, пр. Мира, 105.
Об оптовой продаже и доставке книг обращаться по телефонам: 113-94-63, 451-31-94.
E-mail: pravilo-very@yandex.ru.
Книга-почтой: E-mail: prvera777@bk.ru
или 129346, Москва, а/я 17. Мурзину В.Б.

© Подготовка текста к публикации, «Правило веры», 2006
© Оригинал-макет, «Правило веры», 2006
© Оформление, «Правило веры», 2006

ISBN 5-94759-045-X

МУЖЕСТВО
ДУХОВНОЕ